
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 7, No. 5 (2021)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 7, №5 (2021)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2021

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: phinauki@mgimo.inno.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 7, No. 5, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2021. – 124 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 7. №5. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 124 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 7. №4.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 27.12.2021 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1459.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR- IN- CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Dmitry S. Khramchenko, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Nabati Shahram, PhD, Gilan University, Islamic Republic of Iran

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Moscow State University, Russia

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич, д.филол. н., проф., заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович, к.филол. н., доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна, д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович, к.филол.н., PhD, старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка Гилянского университета (Исламская республика Иран, Решт)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д. филол.н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Current metaphoric models in modern Spanish media discourse.....8
Rushania R. Alimova, Victoria V. Yakovleva
- Implementation of qualia structures provided by relative adjectives and composites in German16
Vasily M. Glushak
- Rhythm-forming, functional and pragmatic potential and immanence of repetitions in the modern Spanish language.....24
Elizaveta S. Goncharenko
- The cognitive discourse analysis of evidentiality category in Russian exclamatory sentences36
A. Hosseini, T. Khakrah Kahnamouei
- Functional and stylistic types of special vocabulary in scientific and technical texts46
(based on English and German aviation vocabulary)
Nasima S. Sharafutdinova

TRANSLATION STUDIES

- On introducing free indirect speech in Russian translation despite the absence.....57
of corresponding structures in the English original
Anastasia D. Alimova
- Imagery in the translations of the gazelle Nizami «Amade bud» («Came») into Azerbaijani and Russian66
Abuzar M. Bagirov

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

- Experiment in creating professionally oriented materials for teaching English to international law students.....76
N.N. Dianina, M.A. Kolosovskaia, E.A. Lisova, N.A. Segeitcheva
- Evaluating the quality of foreign language training based on test translation of culture specific linguistic units88
Marina A. Chigaseva, Maria A. Yelizaryeva, Zhanna D. Egorova, Vladimir V. Belikov

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

- Aesthetic perception of the Russian sound speech by Germans (a case study of German internet forums)102
Elena A. Shesterina

CONFERENCE REVIEW

- 1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies111
Kazakov G.
- The making of the MGIMO linguistics journal: from philology to polyglot studies113
Ivushkina T.
- Comments on the place of polyglottery studies in Russian psycholinguistics115
Nikulicheva D.
- Latest trends in multilingualism, language policy and language education in Ireland and in Europe.....117
Ó Riain S.
- Some ideas on diversity, inclusion and metaphorization in polyglot studies119
Britsyna N.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе.	8
<i>Алимова Р.Р., Яковлева В.В.</i>	
Реализация квалификационных структур в немецком языке посредством относительных прилагательных и композитов	16
<i>Глушаков В.М.</i>	
Ритмообразующий, функционально-прагматический потенциал и имманентность повторов в современном испанском языке	24
<i>Гончаренко Е.С.</i>	
Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности в русских восклицательных предложениях.	36
<i>Хоссейни А.А., Кахнамуни Т. Хакрах</i>	
Функционально-стилистические типы специальной лексики в научно-технических текстах	46
(на материале авиационной лексики английского и немецкого языков)	
<i>Шарафутдинова Н.С.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

О случаях введения несобственно-прямой речи в текст русского перевода при отсутствии соответствующих структур в английском оригинале	57
<i>Алимова А.Д.</i>	
Образность в переводах газели Низами «Амаде буд» («Пришла») на азербайджанский и русский языки.	66
<i>Багиров А.М.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Опыт создания профессионально ориентированных материалов для обучения английскому языку юристов-международников	76
<i>Дианина Н.Н., Колосовская М.А., Лисова Е.А., Сергейчева Н.А.</i>	
Определение качества иноязычного образования посредством оценки перевода культурно-маркированной лексики	88
<i>Чигаева М.А., Елизарьева М.А., Егорова Ж.Д., Беликов В.В.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Представления немцев об эстетике звучания русской речи (на материале немецких интернет-форумов)	102
<i>Шестерина Е.А.</i>	

CONFERENCE REVIEW

1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies	111
<i>Kazakov G.</i>	
The making of the MGIMO linguistics journal: from philology to polyglot studies	113
<i>Ivushkina T.</i>	
Comments on the place of polyglot studies in Russian psycholinguistics	115
<i>Nikulicheva D.</i>	
Latest trends in multilingualism, language policy and language education in Ireland and in Europe	117
<i>Ó Riain S.</i>	
Some ideas on diversity, inclusion and metaphorization in polyglot studies	119
<i>Britsyna N.</i>	

CURRENT METAPHORIC MODELS IN MODERN SPANISH MEDIA DISCOURSE

Rushania R. Alimova, Victoria V. Yakovleva

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *In the article, a metaphor as a universal category of thinking, a special cognitive analogy-based operation, and a method of modeling reality, is investigated on journalistic materials of modern Spanish media discourse, the online version of the Spanish newspaper EL MUNDO in particular from the discursive point of view. The use of various types of metaphors by Spanish politicians, which are part of the national-linguistic picture of the world, is examined on the example of media materials concerning the most significant events in the internal life of Spain and international community. Based on the classification by A.P. Chudinov, a semantic and quantitative analysis of metaphorical models in Spanish media discourse is carried out. It is concluded that at the time being Spanish political discourse abounds predominantly in anthropomorphic and sociomorphic metaphors. It was also found that the most frequent is the use of morbid metaphors, which reflect the crisis the Spanish society is undergoing in the pandemic period and its economic, political and social impact on the life of modern Spanish society.*

Keywords: *national linguistic picture of the world, discourse, Spanish, media, media discourse, metaphor*

For citation: Alimova, R.R., Yakovleva, V.V. (2021). Current Metaphoric Models in Modern Spanish Media Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 8–15. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15>

АКТИВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Р.Р. Алимова, В.В. Яковлева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *В статье метафора, выступающая как универсальная категория мышления, особая познавательная операция, основанная на механизме аналогии, и способ моделирования действительности, исследуется с позиции дискурсивного подхода с использованием публици-*

стических материалов современного испанского медийного дискурса, в частности, интернет-версии испанской газеты EL MUNDO. Употребление испанскими политиками различных видов метафор, являющихся частью национально-языковой картины мира, рассматривается на примере медиа материалов, касающихся наиболее значительных событий во внутренней жизни Испании и международного сообщества. На основе классификации, предложенной А.П. Чудиновым, проведён семантический и количественный анализ метафорических моделей в испанском медийном дискурсе. Сделан вывод о том, что на современном этапе в испанском политическом дискурсе активно функционируют антропоморфные и социоморфные базовые модели метафор. Также установлено, что наибольшую частотность демонстрируют морбиальные метафоры, отражающие кризисные явления в испанском социуме на фоне развития пандемии коронавируса, которая оказала серьёзное экономическое, политическое и социальное воздействие на жизнь современного испанского общества.

Ключевые слова: национально-языковая картина мира, дискурс, испанский язык, средства массовой информации, медийный дискурс, метафора

Для цитирования: Алимова Р.Р., Яковлева В.В. (2021). Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 8–15. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15>

Современное развитие социальных коммуникаций, СМИ и Интернета определяет специфику медийного дискурса, который отражает разнообразные взгляды и мнения, различные оценки и суждения, взаимодействующие в медийной коммуникативной среде.

Медийный дискурс представляет собой особое когнитивно-языковое пространство коммуникативного взаимодействия, которое функционирует на основе использования совокупности различных средств коммуникации и способов передачи информации, включающих не только вербальные, но и визуальные коды, характеризуется изменчивостью ввиду отсутствия информационных границ, трансформируется и развивается вместе с общественными явлениями и подстраивается под них [1, с. 46]. Динамичность медийного дискурса, которая проявляется в варьировании его когнитивной, семиотической, стилистической и жанровой структуры, в полной мере отражает разнообразные процессы, связанные с языковыми инновациями и актуализацией тех или иных метафорических моделей представления знаний в современном коммуникативном пространстве.

Исследователи выделяют различные типы дискурса. Так, с точки зрения участников общения традиционно разграничивают персональный, личностно-ориентированный и институциональный дискурс [5, с. 5]. В рамках институционального общения на основании его цели, условий, способов, ситуации общения и социально-статусной роли коммуникантов в качестве системообразующих признаков [5, с. 10] различают дискурсы научный, медицинский, юридический, рекламный, политический, педагогический и др. Их специфика определяется ключевым для каждого типа институционального дискурса концептом, который обуславливает конкретные дискурсивные характеристики, когнитивные и поведенческие стереотипы и особенности продуцируемых текстов: для политического дискурса таким концептом является «власть», для медицинского – «здоровье», для юридического – «закон», для педагогического – «обучение», для научного – «знание». Но именно медийный дискурс, который широко представлен в СМИ и в интернет-пространстве [3, с. 11], центральным концептом которого является «информация», объединяет и репрезентирует различные дискурсивные практики, неизбежно реализующиеся в информационно-коммуникативной среде СМИ [8].

Глобализация, информатизация, расширяющиеся международные связи приводят к тому, что в окружающей действительности происходят стремительные изменения социального, экономического, политического характера. В свою очередь это неизбежно обуславливает появление но-

вых языковых конструкторов для обозначения современных реалий в жизни социума, что находит отражение в информационном пространстве медийного дискурса.

Вместе с тем, по мнению В.А. Иовенко [4], существующие в каждом языке особенности национального восприятия и речевой номинации, находящиеся на стыке когнитивных, языковых, речевых и социокультурных структур речемыслительной деятельности, формируют национально-психологический, или этноречевой, компонент речевой коммуникации. Поэтому, несмотря на глобализацию, расширяющиеся международные связи, цифровизацию и информатизацию общения, взаимное проникновение этнических культур, на сегодняшний день сохраняется национальное восприятие мира, что определяется, в том числе, спецификой языка общения, а также национальной культурой и особенностями мировоззрения.

Важно отметить, что в процессе мышления и познания окружающей действительности в дискурсе активно используется метафоризация в качестве одного из основных способов осмысления реальности, когда новое знание интерпретируется через призму уже известного. Метафора, представляющая собой ментальную операцию, основанную на аналогии, выступает универсальной категорией мышления, но при этом является частью национально-языковой картины мира. Несмотря на определённую устойчивость метафорической системы, следует признать наличие вариативности метафорических моделей, что обусловлено различными параметрами дискурсивного контекста ввиду существующих национальных, культурных, социальных, исторических и других причин [7, с. 27].

Представляется важным подчеркнуть, что в медийной дискурсивной среде метафора в силу своих когнитивных свойств выполняет моделирующую функцию. Метафора выступает не только и не столько как способ номинации, а как ментальный механизм категоризации и вербализации действительности [6]. Метафора используется для того, чтобы, называя реалию, событие или ситуацию, порождая новые термины и выражения, сформировать представление, а также предопределить способ мышления о номинированном объекте действительности, создать нужный контекст его восприятия, осмысления и интерпретации [10, с. 120].

На двойную функцию метафоры, которая служит не только наименованию объектов действительности, событий или ситуаций, но и мышлению, указывает испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega y Gasset). Он отмечает, что благодаря метафоре, которая называет ту или иную реалию, становится возможным не только сделать мысль о ней доступной другим, но и открыть путь к познанию поименованного объекта [9, с. 68].

Вслед за Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым [2], метафорическая модель рассматривается в статье в качестве ментальной операции, представляющей существующую или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить формулой: $X - \text{это } Y$, где известная участникам коммуникации сфера-источник обозначена как X , а новая концептуальная сфера как Y . При этом отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие, аналогия: ' X подобен Y '.

Важное теоретическое значение имеет предложенная А.П. Чудиновым классификация метафорических моделей [12] (см. рисунок).

Представляется необходимым подчеркнуть, что использование метафоры в медийном дискурсе является актуальной темой дискурсивных исследований. Например, Н.В. Погребняк указывает на возрастающий потенциал использования метафоры в современном политическом медийном дискурсе [10]. Т.Ю. Тамерьян и В.А. Цаголова рассматривают динамику метафорической вербализации образа канцлера ФРГ А. Меркель [11]. М.В. Ларионова и Г.С. Романова анализируют когнитивные и коммуникативные особенности использования метафор в современном испанском медийном дискурсе [7], [8].

В последнее время широкий резонанс в испанском медийном пространстве вызвали события, напрямую или косвенным образом связанные с ситуацией развития пандемии коронавируса COVID-19, что определяется их катастрофическими последствиями для граждан и экономики страны. В медийном дискурсе, ориентированном на описание и интерпретацию пандемической ситуации, различными участниками коммуникации активно используются метафоры, пришед-

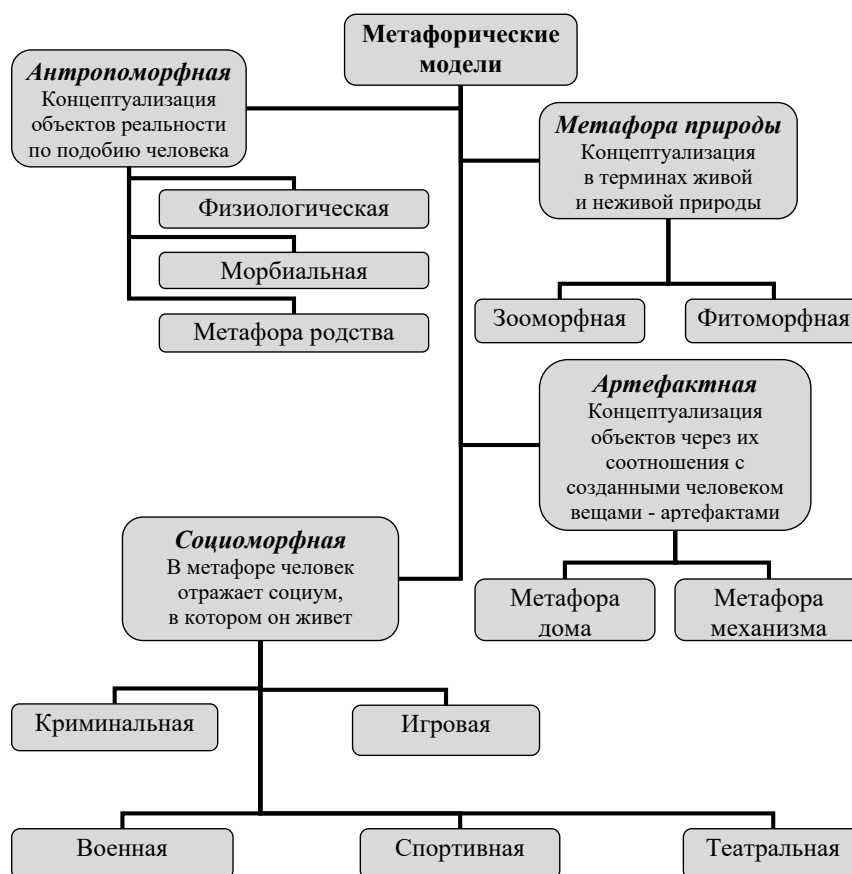

Рисунок – Классификация метафорических моделей (по А.П. Чудинову)

шие из политической, исторической, экономической, бытовой сфер жизни, а также национально-культурные метафорические модели.

Так, в интернет-версии авторитетного испанского издания EL MUNDO от 21 мая 2020 года опубликована статья В. Мондело (Víctor Mondelo) «Quim Torra sube el sueldo a ex presidentes y ex consejeros en un decreto contra el coronavirus» [14], в которой речь идёт о недопустимости финансовых льгот для представителей власти на фоне сложной ситуации с коронавирусом в стране. Автор указывает, что тайным образом (букв. – через чёрный ход и замаскированно: *por la puerta de atrás y camuflado*) парламент Каталонии утвердил повышение зарплаты высшим должностным лицам и увеличил им пенсии, несмотря на решительные протесты оппозиции (букв. – хоровой протест оппозиции: *protesta coral de la oposición*). В тексте принятого нормативного документа предусматривается отсрочка различных налоговых обязательств для преодоления последствий пандемии, снижение кредитных ставок, а также оказание чрезвычайной помощи семьям, вынужденно разлученным из-за мер самоизоляции и карантина. Но дополнительно к этим мерам объявлены и финансовые льготы для действующих и бывших высокопоставленных чиновников.

Независимый депутат Д. Грахера (Dimas Gragera) отметил, что утверждение увеличения зарплат и пенсий чиновникам посредством этого указа следует расценивать как «насмешку над оппозицией и гражданами» (*reírse de la oposición y de la ciudadanía*). Представитель партии Ciudadanos Д. Серрано (Daniel Serrano) назвал включение норм о повышении зарплат и пенсий высокопоставленным чиновникам в указ, направленный на борьбу с последствиями коронавируса, «политическим шантажом» (*chantaje político*). Со своей стороны, депутат от партии PSC А. Ромеро (Alicia Romero) охарактеризовала подобные указания в дополнительном положении нормативного документа как «недопустимые, малопривлекательные» (*impresentables*). Подобные метафорические номинации в дискурсивном контексте, помимо собственно когнитивной, имеют дополнительную прагматическую нагрузку, способствуя созданию малопривлекательного образа стоящих у власти политиков в глазах потенциальных избирателей.

В статье «El PP vaticina ya la ruptura del Gobierno del PSOE y Unidas Podemos», опубликованной 22 мая 2020 года, Х. Ламет (Juanma Lamet) высказывает авторский взгляд на внутривнутриполитическую ситуацию, трудовую реформу и взаимоотношение Испании с Европейским Союзом на фоне пандемической ситуации [13]. Автор метафорически называет политику, проводимую Н. Кальвиньо (Nadia Calviño), министром по экономическим вопросам и цифровым преобразованиям, «страусиной» (*política del avestruz*), имплицитно указывая, что власти пытаются «спрятать голову в песок» ввиду осложнившейся ситуации, пуская её на самотёк и дистанцируясь от возникших проблем, для решения которых требуются серьёзные и уверенные действия. Характеризуя сложившуюся обстановку, автор с сожалением отмечает, что не существует никакого европейского механизма помощи или спасения для Испании, при котором бы не было определённого ущемления её национальных интересов (*no ha habido ningún mecanismo europeo de ayuda o rescate en el que no haya habido condicionalidad; España no podrá escapar a la «condicionalidad» de las ayudas comunitarias*), и подчёркивает, что авторитет испанского правительства, допустившего катастрофическую вспышку коронавирусной инфекции в стране, в глазах избирателей и на международном уровне серьёзно подорван (*la credibilidad del Gobierno respecto a los electores y a nivel internacional ha quedado muy dañada*).

Для описания политических действий используются экономические термины-метафоры, например, утверждается, что эксперты уже предупредили лидера правоцентристской партии Ciudadanos Инес Арримадас (Inés Arrimadas) о том, что председатель правительства будет отдавать предпочтение «маркетингу» и «предаст её» вместе с остальными политическими партнёрами, поддержавшими его кандидатуру при голосовании в парламенте на пост главы правительства (*avisaron a la líder de Ciudadanos de que el presidente primaría el «marketing» y la «traicionaría» con sus socios de investidura*).

Характеризуя складывающуюся ситуацию, автор приводит слова бывшего премьер-министра Х.М. Аснара (José María Aznar), который предсказывает социальную катастрофу, используя историческую метафору «гекатомба», концептуально известную со времён Древней Греции – большое торжественное жертвоприношение (*hecatombe social*), метафорически трансформировавшую свою семантику и в современном социальном контексте передающую значение «бессмысленная гибель или уничтожение многих людей». Тем самым через когнитивный механизм метафоры подчёркивается мысль о том, что правительство действует безответственно, отдавая приоритет экономическим и политическим выгодам в ущерб интересам населения страны, что в итоге неизбежно приведёт к «Испании голодных очередей» (*otra vez la España de las colas de hambre*). В медийном дискурсе подобная метафора прагматически направлена на дискредитацию политических противников, так как имплицитно скрывает смысл недоверия к стоящему у власти правительству и недовольства его действиями.

Для системной оценки использования различных метафор в испанском медийном дискурсе был проведён семантический анализ публикаций интернет-версии газеты EL MUNDO за период с 21 по 25 мая 2020 года. При этом для сегментации использованных в медийном дискурсе метафор учитывалась представленная выше классификация, предложенная А.П. Чудиновым.

В общей сложности анализу было подвергнуто 38 статей, размещённых в интернет-версии издания. В исследуемом материале выявлено 168 различных метафор. Средняя частота употребления различных метафор в одной статье составила 4,42. Более детально результаты проведённого исследования отражены в таблице.

Приведём примеры базовых метафорических моделей, представленных в медийном дискурсе за указанный период времени:

- антропоморфная метафора: чаще всего встречается в рассматриваемых медиатекстах в отношении общественных и политических объединений или каких-то явлений (экономических, социальных, политических и др.), которые наделяются некими «человеческими» характеристиками, например, «оживление инфляции» (*revitalización de la inflación*), бездушная речь (*discurso sin alma*) и др.;
- метафоры природы: также часто встречаются в анализируемых медиатекстах в отношении политических общественных организаций или процессов, которые наделяются природными

Базовые макромоделли метафор	Группа метафор	Количество в общем массиве	Средняя частота употребления, ед. в статье
Антропоморфная	Физиологическая	19	0,50
	Морбиальная	28	0,74
	Метафора родства	17	0,45
Метафора природы	Зооморфная	13	0,34
	Фитоморфная	15	0,39
Социоморфная	Криминальная	12	0,32
	Военная	9	0,24
	Театральная	7	0,18
	Спортивная	8	0,21
	Игровая	5	0,13
Артефактная	Метафора дома	12	0,32
	Метафора механизма	8	0,21

Таблица – Результаты исследования по оценки частоты использования различных метафор в испанском медийном дискурсе

чертами, например, «рост нищеты» (*pobreza creciente*), «рост безработицы» (*aumento del desempleo*), «море проблем» (*mar de problemas*) и др.;

- социоморфные метафоры, например, использование термина «гекатомба» (*hecatombe social*) в уже упоминаемом нами материале Х. Ламет [13], или метафоры «политическая мафия» (*mafia política*) в отношении действий депутатов, повышающих себе зарплаты на фоне пандемии коронавируса, упомянутой в статье В. Мондело [14];

- артефактные метафоры: чаще всего в рассматриваемом материале используются в описании действий конкретных политических деятелей, партий или общественных объединений, например, с позиции сравнения с техническим или производственным процессом: «конвейер принятия бестолковых решений» (*estúpido transportador de toma de decisiones*), «медики (ведут себя) как роботы» (*los doctores son como robots*) и др.

Как показывает проведённый анализ данных, в современном испанском медийном дискурсе наибольшей частотой употребления отличаются антропоморфные и социоморфная базовые макромоделли метафор – их совокупная частота в исследованных текстах составила 2,08 и 1,08 соответственно. При этом среди указанных групп выделяются морбиальные метафоры, иными словами, метафоры болезни, как отражение кризисных явлений в испанском социуме на фоне пандемии коронавируса, политических, экономических и социальных проблем современной Испании. Осмысление в медийном дискурсе актуальных драматических событий через морбиальные метафоры когнитивно и прагматически актуализирует понимание того, что болезнь не только препятствует развитию и усложняет ситуацию, но может быть предупреждена и излечима: «протесты охватывают (букв. – заражают) всё больше социальных слоёв общества» (*las protestas contagian a más capas sociales*); «доверие к правительству сильно пострадало» (*la credibilidad del Gobierno ha quedado muy dañada*); «лечить экономические последствия Ковид-19» (*curar los efectos económicos del Covid-19*); «смягчить последствия пандемии» (*paliar las consecuencias de la pandemia*).

Исследование имеет практическое значение, так как предложенный подход в дальнейшем может быть использован в качестве основы для выявления языковых и экстралингвистических особенностей испанского медийного дискурса, изучения специфики отражения различных языковых конструктов в СМИ конкретной страны. Несмотря на то, что проведена выборка примеров за небольшой временной срок, она является репрезентативной для определения активных метафорических моделей в современном испанском медийном дискурсе. Вместе с тем, необходимо отметить, что дополнительные исследования использования метафор в испанском медийном дискурсе, как в традиционных, так и в цифровых СМИ, на основе более широкого анализа различных материалов и в более длительном временном контексте, безусловно будут способствовать глубокому и всестороннему изучению медийной дискурсивной специфики.

Список литературы

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: ЛКИ, 2011. 280 с.
2. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2008. 263 с.
4. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-Университет, 2013. 224 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000, С. 5–19.
6. Ларионова М.В. Дискурсивная стратегия испанской партии “Подemos”: политика как борьба за смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. № 4. С. 389–394.
7. Ларионова М.В. Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе / М.В. Ларионова, Г.С. Романова // Филологические науки в МГИМО, 2019. № 17(1). С. 26–34.
8. Larionova M.V. Léxico profesional en un texto mediático: enfoque pragmacognitivo en la enseñanza del EFE / M.V. Larionova, G.S. Romanova // Estudios sobre el léxico. Puntos y contrapuntos. / “Linguistic Insights. Studies in Language and Communication” Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2016, pp. 451–498.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
10. Погребняк Н.В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2019. С. 118–125.
11. Тамерьян Т.Ю. Динамика метафорической вербализации образа Kanzlerin Angela Merkel / Т. Ю. Тамерьян, В.А. Цаголова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 141–151.
12. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 251 с.
13. Lamet, J. El PP vaticina ya la ruptura del Gobierno del PSOE y Unidas Podemos. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2020/05/22/5ec6f1c921efa03f4a8b466a.html>.
14. Mondelo, V. Quim Torra sube el sueldo a ex presidentes y ex consejeros en un decreto contra el coronavirus. URL: <https://www.elmundo.es/cataluna/2020/05/21/5ec6caf221efa0ca1c8b4694.html>

References

1. Boguslavskaja, V.V. *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokulturnaja kontseptsija. Analiz zhurnalisticheskikh tekstov* [Text modeling: linguosociocultural concept. Analysis of journalistic texts]. Moscow: LCI, 2011, 280 p.
2. Budaev, E.V., Chudinov, A.P. *A metaphor in political interdiscourse: a monograph* [Metafora v politicheskom interdiskurse: monografiia]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2006, 215 p.
3. Dobrosklonskaia, T.G. *Medialingvistika: sistemny podkhod k izucheniiu iazyka SMI (sovremennaja anglijskaia mediarech')* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (modern English media speech)]. Moscow: Flint, 2008, 263 p.
4. Iovenko, V.A. *Natsional'no-kulturnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii: monografiia* [National-cultural worldview in the translation dimension: a monograph]. Moscow: MGIMO-University, 2013. 224 p.
5. Karasik, V.I. O tipakh diskursa // *Iazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [On the types of discourse // Language personality: institutional and personal discourse]: collection of scientific papers. Volgograd, 2000, pp.5–19.
6. Larionova, M.V. Diskursivnaja strategija ispanskoy partii “Podemos”: politika kak bor'ba za smysly [The Discursive Strategy of the Spanish Party “Podemos”: Politics as a Struggle for Meanings]. *Bulletin of the Saratov University. New Serie. Series: Philology. Journalism*. 2017. T. 17. № 4, pp. 389–394.
7. Larionova, M.V., Romanova, G.S. Kognitsiia i kommunikatsiia: metafora v ispanskom mediynom diskurse [Cognition and Communication: A Metaphor in Spanish Media Discourse]. *Philology at MGIMO*, 2019. no. 17(1), pp. 26–34.
8. Larionova, M.V., Romanova, G.S. Léxico profesional en un texto mediático: enfoque pragmacognitivo en la enseñanza del EFE // *Estudios sobre el léxico. Puntos y contrapuntos*. / “Linguistic Insights. Studies in Language and Communication” Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2016, pp. 451–498.
9. Ortega-i-Gasset, H. Dve velikie metafory [Two great metaphors] // *Metaphor theory*. Moscow: Progress, 1990, pp. 68–81.
10. Pogrebnyak, N.V. Vozdeistviushchiiy potentsial metafory v sovremennom politicheskom mediadiskurse [The Actual Potential of Metaphor in a Modern Political Media Discourse] // *News of Voronezh State Pedagogical University. Philological sciences*, 2019, pp. 118–125.
11. Tameryan, T.Yu., Tsagolova, V.A. Dinamika metaforicheskoy verbalizatsii obraza Kanzlerin Angela Merkel [The dynamics of metaphorical verbalization of the image of Kanzlerin Angela Merkel] // *Bulletin of the RUDN University. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 141–151.
12. Chudinov, A.P. *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiia* [Metaphorical mosaic in modern political communication: a monograph]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2003, 251 p.
13. Lamet, J. El PP vaticina ya la ruptura del Gobierno del PSOE y Unidas Podemos. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2020/05/22/5ec6f1c921efa03f4a8b466a.html>.

14. Mondelo, V. Quim Torra sube el sueldo a ex presidentes y ex consejeros en un decreto contra el coronavirus. URL: <https://www.elmundo.es/cataluna/2020/05/21/5ec6caf221efa0ca1c8b4694.html>.

Сведения об авторах:

Алимова Рушания Рашитовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дискурс, медийный дискурс, лингвокультурология, лексическая семантика, когнитивная лингвистика. E-mail: ralimova@mail.ru

Яковлева Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дидактика, лингвокультурология, лексическая семантика, когнитивная лингвистика. E-mail: cosvic@mail.ru

About the authors:

Rushania R. Alimova – PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO. Spheres of research and professional interests: discourse, media discourse, linguoculturology, lexical semantics, cognitive linguistics. E-mail: ralimova@mail.ru

Victoria V. Yakovleva – PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO. Spheres of research and professional interests: didactics, linguoculturology, lexical semantics, cognitive linguistics. E-mail: cosvic@mail.ru

* * *

IMPLEMENTATION OF QUALIA STRUCTURES PROVIDED BY RELATIVE ADJECTIVES AND COMPOSITES IN GERMAN

Vasiliy M. Glushak

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The present paper deals with the semantic representation of attributive elements in the nominative group – relative adjectives and composites. The aim of the present study is to analyze the semantic representation of a predominantly noun in an attributive group with reference to Qualia structures, as applied in J. Pustejovsky's theory of generative lexicon, and their realization through relative adjectives and composites, which are direct explicators of the semantic structure of predominant words (nouns). The study is based on the 150 most frequent relative adjectives identified on the basis of the electronic corpus of the German language. Relative adjectives qualify as Qualia structures and can denote objective constitutive (material and origin), formal (physical parameters, colour, time, place), telic (purpose and function of an object) and agentive (information about the creator, artifact, natural genus and causal chain) properties. The system of relative adjectives demonstrates a wide range of semantic meanings that are expressed in German by other linguistic means, e.g. composites. When describing the possibility of implementing Qualia structures in the noun group, other correlative linguistic units, such as composites, are analyzed. The variation in the use of nouns in composites and relative adjectives formed from them helps to actualize the presence of a feature in a particular situation, to give the nominal groups a terminological character and to make the transition from one qualification group to another.*

Keywords: *attributive group, relative adjective, composite, Qualia structure, corpus*

For citation: Glushak, V.M. (2021). Implementation of Qualia Structures Provided by Relative Adjectives and Composites in German. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 16–23. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23>

РЕАЛИЗАЦИЯ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ СТРУКТУР В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПОСРЕДСТВОМ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И КОМПОЗИТОВ

В.М. Глушак

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье исследуется семантическая репрезентация атрибутивных элементов в именной группе – относительных прилагательных и композитов. Цель настоящего исследования – анализ семантической репрезентации главенствующего существительного в атрибутивной группе с обращением к квалификационным структурам, или *Qualia*-структурам, применяемым в теории генеративного лексикона Дж. Пустейовского, и их реализации с помощью относительных прилагательных и композитов, которые являются непосредственными экспликаторами смысловой структуры главенствующих слов (существительных). Материалом исследования послужили 150 наиболее частотных относительных прилагательных, выявленных на основе электронного корпуса немецкого языка. Относительные прилагательные квалифицируются как квалификационные структуры и могут обозначать объективные конститутивные (материал и происхождение), формальные (физические параметры, цвет, время, место), телические (цель, предназначение и функцию объекта) и агентивные (информация о создателе, артефакте, естественном роде и каузальной цепочке) свойства. Система относительных прилагательных демонстрирует широкий спектр семантических значений, которые выражаются в немецком языке с помощью других языковых средств, например, композитов. При описании возможности реализации квалификационных структур в группе существительного проводится анализ других коррелирующих языковых единиц, таких как композиты. Варьирование в употреблении существительных в составе композитов и образованных от них относительных прилагательных помогает актуализировать наличие признака в определённой ситуации, придавать именным группам терминологический характер и осуществлять переход из одной квалификационной группы в другую.

Ключевые слова: атрибутивная группа, относительное прилагательное, композит, квалификационная структура, *Qualia*-структура, корпус

Для цитирования: Глушак В.М. (2021). Реализация квалификационных структур в немецком языке посредством относительных прилагательных и композитов. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 16–23. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23>

1. Введение

На сегодняшний день в лингвистической науке зависимость между формами языкового выражения и когнитивными структурами не подвергается сомнению [2, с. 10], [4, с. 96]. Изучение лингвистических явлений с учётом когнитивных глубинных процессов внесло большой вклад в описание новых структур представления знаний на основе когнитивно-семантического моделирования смыслов [3, с. 13].

Работы Р. Монтегю [6], Дж. Катцу и Дж. Фодору [10], Ю.Д. Апресяна [1], И.А. Мельчука, А.К. Жолковского [5] и др. заложили основы лексической семантики, которые в дальнейшем использовались российскими когнитологами при моделировании концептуальных и семантических процессов и послужили основой создания теории формальной репрезентации значений лексических единиц и правил построения семантического компонента. Семантический инвентарь составляет часть словаря, в котором каждому слову соответствует значение, а для самих значений слов выводятся правила их взаимосвязи и комбинирования при построении синтаксических структур более высокого порядка – словосочетания и предложения. Значения слов представляются в виде словарной дефиниции строгой фиксированной формы на языке, к которому принадлежит описываемая лексема.

В 90-е годы XX века на передний план выступили когнитивные процессы формирования значений лексем, в связи с чем широкое распространение получила теория генеративного лексикона Дж. Пустейовского и его последователей [7], [8], [11], [12], [13], [14]. Последователи этого учения изучают так называемую композиционную функцию языка, с помощью которой можно сформировать значение лексем и выявить их концептуальное содержание в различных дискурсивных условиях.

Одним из ключевых моментов теории генеративного лексикона Дж. Пустейовского является обращение к так называемым Qualia-структурам, или квалификационным структурам (qualia structures), которые представляют собой смысловые структуры, направленные на описание четырёх важных свойств объектов объективной реальности: конститутивного, формального, целевого, или телического, и агентивного [12]. Конститутивные структуры содержат информацию о материале и частях объекта. Формальные атрибуты направлены на реализацию таких характеристик объекта, как расположение, величина, размер, форма, объём, цвет и т.п. Телические свойства представляют цель, функцию и предназначение предметов. Агентивные атрибуты эксплицируют информацию, связанную с создателем, артефактом, естественным родом и каузальной цепочкой [11]. Как отмечает А. Сокирко, конститутивный атрибут – это внутренняя сущность объекта («взгляд внутрь»), формальный – внешние характеристики («взгляд наружу»), телический – назначение объекта («взгляд в будущее»), а агентивный – указание на создателя, автора, деятеля («взгляд в прошлое») [цит. по: 3].

Рассмотрение квалификационных структур в группе существительного даёт возможность не только определить конкретное значение лексемы, но и выявить модификацию значений в зависимости от языковых единиц, окружающих рассматриваемую лексику. **Цель настоящего исследования** – анализ семантической репрезентации главенствующего существительного в атрибутивной группе с обращением к квалификационным структурам и их реализации с помощью относительных прилагательных и композитов, которые являются непосредственными экспликаторами смысловой структуры главенствующих слов (существительных). Относительные прилагательные часто определяются достаточно узко, а именно как семантический подкласс прилагательных, который выражает признак одного объекта реальности через отношение к другому объекту либо фактору реальности, например, к месту, времени и т.д. [9, с. 281]. В то же время относительные прилагательные могут передавать широкий спектр семантических значений.

Подвергнув анализу относительные прилагательные, мы попытались расширить каждую из квалификационных структур согласно категориальной семантике относительных прилагательных и описать их новые модификации в немецком языке. Для этого, прежде всего, рассматриваются семантические смысловые структуры, их морфологические и синтаксические особенности на примере определений в родительном падеже, сложных слов или порядка слов в субстантивной группе. В этом случае следует обратить внимание на семантические отношения между указанными модификаторами и главенствующими словами. Данные отношения показывают, при каких условиях элементы субстантивных групп могут сочетаться и какие прилагательные могут реализовываться в той или иной квалификационной структуре.

2. Методика исследования

Для анализа было выбрано 150 наиболее частотных относительных прилагательных немецкого языка. С помощью Мангеймского корпуса немецкого языка DeReKo (режим доступа: <https://www.>

ids-mannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/) были найдены контексты с выбранными прилагательными, в которых выделялись конструкции «относительное прилагательное + главенствующее слово (существительное)». Выделенные словосочетания были отнесены к определённым типам квалификационных структур и трансформированы в композиты, если это было возможно. Возможность или невозможность произвести трансформации были проверены также с помощью Мангеймского корпуса немецкого языка.

3. Содержание квалификационных структур в немецких относительных прилагательных и композитах

3.1. Конститутивные квалификационные структуры

Любой материальный объект обладает определёнными свойствами, благодаря которым его относят к той или иной категории предметов. Эти свойства выражают сущность объектов, их внутреннюю структуру и называются конститутивными свойствами. Рассмотрим конститутивные квалификационные структуры, например:

(1) *eine **hölzerne** Brücke über den Fluss.*

Эта группа показывает отношение между конкретным предметом и прилагательным, которое передаёт информацию о том, из какого материала состоит предмет. В немецком языке эту семантическую функцию могут выполнять также сложные слова. Однако анализ корпуса показал, что обе грамматические формы не являются эквивалентными. В большинстве случаев употребляются сложные слова (2). Они указывают на материал, из которого состоит предмет. С одной стороны, понятия «предмет» и «материал» объединяются в единство «построенного из определённого материала предмета». С другой стороны, относительное прилагательное (3) характеризует два момента: материал и его дополнительные качества, которые связаны с качествами объектов, от которых они произошли. На то, какие качества предполагаются, указывает контекст:

(2) *Heftiger Wind hat die Glasplatten einer **Glasbrücke** in China abgehoben oder zerstört.*

(3) *Dieses Video sorgt im Internet für Furore. Es zeigt einen Mann, der über eine **gläserne** Brücke geht. Doch plötzlich zersplittert das Glas, er rastet völlig aus, wirft sich zu Boden ...*

В примере (2) со сложным словом *Glasbrücke* материал, из которого сделан мост, не важен для представления взаимодействия объекта *Brücke* с другими объектами в высказывании, так как данное конститутивное свойство не влияет на последовательность действий. Важным является то, что мост состоит из стеклянных пластин, которые были снесены ветром и разбились. В примере (3) информация о конститутивных свойствах артефакта необходима для понимания развивающейся далее ситуации. Эти свойства обозначаются относительным прилагательным и подчёркивают тот факт, что мост из стекла и поэтому он хрупкий и может рассыпаться.

Если относительные прилагательные употребляются в субстантивных группах, в которых главное слово обозначает одушевлённый предмет или его части, в переносном значении, то они теряют свои конститутивные свойства и переходят в класс качественных прилагательных. Как правило, в этих условиях они указывают на утилитарные, нормативные или телеологические качества человека, например,

(4) *mit **eiserner** Faust regieren.*

В немецком языке число относительных прилагательных с объективными конститутивными свойствами для обозначения материала является незначительным. Анализ относительных прилагательных в словарях показывает, что только те прилагательные выступают в этой функции, которые образованы при помощи слов, обозначающих традиционные материалы, таких как *Holz*, *Stein*, *Eisen*, *Gold*, *Glas* и др. Прилагательные не образуются от слов, обозначающих материалы, которые были открыты в последние столетия, например, *Vanille*, *Erdöl*, *Polyäthylen* и др. С ними образуются сложные слова, в которых первый элемент обозначает материал как объективное конститутивное свойство.

В немецком языке выражение конститутивных свойств в группе существительного с помощью родительного падежа не оформляется, зато существуют случаи, когда существительные, которые касаются сферы производства, например, *Комбинат*, *завод*, *артель* и другие идентифицируются с по-

мощью композитов, в составе которых находится существительное с семантикой материала или вещества. Здесь обозначение материала переходит в функциональное значение или аргумент. Другими словами, относительное прилагательное реализует в данном случае телическую квалификационную структуру:

(5) *Ölfabrik*,

(6) *Holzmanufaktur*.

Выделенные элементы в примерах (5) и (6) указывают не на материал, из которого состоят объекты, а на то, для какой цели они используются, то есть *фабрика для переработки нефти и деревообрабатывающая мануфактура*. Если существительное из анализируемой субстантивной группы сочетается с абстрактным существительным, которое относится к сфере производства (работа, обработка, изготовление и т.п.), то оно указывает на способ производства, орудие труда или орудие производства:

(7) *die Erdarbeiten*,

(8) *der Titanbohrer*.

3.2. Формальные квалификационные структуры

Формальные свойства связаны со следующими параметрами объекта: формой, цветом, временем и местом. Они придают объектам внешнюю форму, что нужно для того, чтобы отличить один объект от других такого же вида или типа, например:

(9) *der runde Tisch*,

(10) *die graue Wand*.

В немецком языке физический параметр выражается при помощи как прилагательных, так и сложных слов. Анализ корпуса слов, которые обозначают физический параметр, не вскрыл никаких закономерностей. Однако, можно предположить, что существует тенденция обозначать при помощи относительных прилагательных такие физические параметры, которые воспринимаются и идентифицируются органами чувств, прежде всего зрением (9), (10). Анализируемые объекты, в общем и целом, выражаются абстрактными существительными. Те параметры, которые существуют только в представлении, часто называются сложными словами (11), (12). В этом случае сложные слова обладают терминологическим характером и соответствуют тенденции языка обозначать терминологические понятия используя сложные слова, например:

(11) *das Höchstalarm*,

(12) *die Rotlichter*.

Часто наблюдаются случаи, когда существительные, обозначающие материальные объекты, переходят в разряд формальных квалификационных структур в результате метафоризации на основе перцептивной схожести цвета соответствующих растений, природных явлений или камней. В данном случае они являются определением к существительным, обозначающим краски, цвета, оттенки, колорит и т.п. Для примера приведём метафорическое обозначение некоторых цветовых характеристик объектов:

(13) *Fliederfarbe*,

(14) *Silberglanz*.

Цветовой параметр объектов может описываться прилагательным на основе их схожести с соответствующими растениями, и в этом случае употребляются сложные прилагательные, которые состоят из существительного для обозначения растения и прилагательного *-farben*. В этом случае дополнительно уточняется оттенок цвета растения, с которым сравнивается объект:

(26) *olivfarbene Jacke, olivbraune Jacke, olivgrüne Jacke*.

Временные параметры формальных квалификационных структур соотносятся в немецком языке преимущественно с абстрактными существительными и могут обозначаться относительными прилагательными или композитами. Относительные прилагательные имеют прямую отнесенность к определённому временному моменту или процессу, во время которого называется предмет, например:

(15) *Dieser winterliche Salat mit seiner Vielfalt an Aromen, Farben und Texturen bringt Leben in die kalten, grauen Wintertage*.

(16) *die nächtliche Beleuchtung*.

В отличие от относительных прилагательных сложные существительные, выражающие временные параметры формальных квалификационных структур, имеют терминологический характер, то есть обозначают вид объектов. В этом случае свойства существительных с временной семантикой близки по значению к конститутивным:

(17) *Winterroggen ist die winterhärteste Getreideart, die Wintertemperaturen bis -25 °C übersteht.*

(18) *Monatsfahrkarte.*

3.3. Телические квалификационные структуры

Телические свойства содержат информацию о назначении объектов и приписываются лишь существительным с семантикой артефакта, местоположения или вместилища, которым необходим аргумент для дополнения их семантики. В данной квалификационной структуре в качестве аргументов выступают первые компоненты сложных существительных:

(19) *die U-Bahnstation,*

(20) *das Schauspielhaus.*

Главенствующие существительные в описываемых типах композитов часто являются многозначными, поэтому они требуют уточнения. Они выражают также понятия, которые предполагают наличие подвидов. Так, слово *Haus* предусматривает, что существуют различные виды домов, например, детский дом, дом актёра, дом престарелых и др. Благодаря соответствующему аргументу существительное *Haus* получает необходимое в определённом контексте значение.

В немецком языке важно употреблять определяющий первый компонент сложного слова либо в единственном, либо во множественном числе. Различие между терминологическим значением с первым компонентом во множественном числе (32) и актуализированным значением в конкретной речевой ситуации с первым компонентом в единственном числе (33) играет решающую роль в конкретном контексте:

(21) *Kindergarten, Städtebau,*

(22) *Kindesalter, Stadtcharakter.*

3.4. Агентивные квалификационные структуры

Агентивные квалификационные структуры дают информацию об источнике появления объекта или происхождения лица или его причислении к определённым группам и классам. Таким образом, главенствующее существительное в именной группе обозначает материал, артефакт, абстрактные понятия, собирательные имена существительные. Рассматриваемая квалификационная структура может выражаться относительным прилагательным и уточнять качество материала, указывая на его происхождение (чаще всего это географическое место происхождения):

(23) *asiatische Seide.*

От данных субстантивных групп сложно образовать субстантивные группы в родительном падеже. Они используются преимущественно для привлечения внимания, например, в рекламных текстах или на вывесках. При этом семантическая функция конститутивного свойства сохраняется и при дополнительном обозначении связи предмета с географическим местом или местом происхождения:

(24) *die Orchideen des Nordens.*

Если относительное прилагательное из этой группы сочетается с абстрактным существительным, то его первоначальная способность указывать на происхождение объекта остаётся на заднем плане. На передний план выходят имплицитные конститутивные свойства. Они обладают определённой метафорикой, так как указывают на общепринятые представления или клише о характерных качествах и внешности представителей различных национальностей и географических объектов, например:

(25) *russische Gastfreundschaft.*

В отличие от места происхождения как одного из компонентов агентивных квалификационных структур, которые характерны для материальных объектов и абстрактных понятий, главенствующие существительные с обозначением местности идентифицируют географические характеристики расположения объекта – принадлежность к частям света, континентам, регионам, странам и т.д. В этом

случае возможно употребление как относительных и притяжательных прилагательных (как подвид относительных), так и композитов.

(26) *Berliner Spezialitäten, Berlinische Galerie, kaukasische Küche, Kaukasusregion.*

4. Выводы

Рассмотрение языковых единиц с позиций наличия в них различных квалификационных структур позволяет выявить их более широкую когнитивную базу. Если с традиционных позиций относительное прилагательное трактуется лишь как признак одного объекта через его отношение к другому объекту либо фактору реальности, например, к месту, времени, материала и т.п., то привлечение к семантическому анализу разработанную Дж. Пустейовским теорию о квалификационных структурах (Qualia structures) позволяет существенно расширить спектр семантических значений.

Относительные прилагательные образуются от существительных и основываются на схожести их признаков с конкретными предметами по внутренним и внешним параметрам. Относительные прилагательные могут обозначать объективные конститутивные (материал и происхождение), формальные (физические параметры, цвет, время, место), телические (цель, предназначение и функцию объекта) и агентивные (информация о создателе, артефакте, естественном роде и каузальной цепочке) свойства. Система относительных прилагательных демонстрирует широкий спектр семантических значений, которые выражаются в немецком языке с помощью других языковых средств, например, композитов.

Варьирование в употреблении существительных в составе композитов и образованных от них относительных прилагательных помогает актуализировать наличие признака в определённой ситуации, придавать именным группам терминологический характер и переходить из одной квалификационной группы в другую. Этот аспект лишь только намечен в настоящей статье и может стать предметом его детального рассмотрения в последующих исследованиях.

© Глушак В.М., 2021

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. М.: Наука, 1995. 472 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2014. 236 с.
3. Боярская Е.Л. Qualia-структура Дж. Пустейовского и её значение для проведения лингвистических исследований / Е.Л. Боярская // Вестник Балтийского федерального университета. 2011. Вып. 2. С. 12-21.
4. Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространённом заблуждении А.В. Кравченко // Когнитивные исследования языка: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.; Тамбов: ИЯ РАН, Изд-во Тамбов. ун-та, 2011. С. 96-104.
5. Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 2016. 544 с.
6. Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика / Р. Монтегю // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 254-279.
7. Bouillon P. Qualia and the Structuring of Verb Meaning / P. Bouillon, F. Busa // The language of word meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 149-168.
8. Copestake A. Semi-productive polysemy and sense extensions / A. Copestake, T. Briscoe // Journal of Semantics. 1996. №12. P. 15-67.
9. Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Berlin u.a.: Langenscheidt. 2001. 654 S.
10. Katz J.J. The structure of a Semantic Theory / J.J. Katz, J.A. Fodor // Language. 1963. №39. P. 170-210.
11. Pustejovsky J. The generative lexicon / J. Pustejovsky. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 312 p.
12. Pustejovsky J. Lexical knowledge representation and natural language processing / J. Pustejovsky, B. Boguraev // Artificial Intelligence. 1993. №63. P. 193-223.
13. Pustejovsky J. Aspectual coercion and logical polysemy / J. Pustejovsky, P. Bouillon // Lexical semantics: the problem of polysemy. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 132-162.
14. Riemer N. Introducing semantics / N. Riemer. Cambridge: MIT Press, 2010. 478 p.

References

1. Apresian, Yu.D. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language] / Yu. D. Apresian. Moscow: Nauka, 1995. 472 p.
2. Boldyrev, N.N. *Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics] / N.N. Boldyrev. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta, 2014. 236 p.
3. Boiarskaia, E.L. Qualia-struktura Dzh. Pustejovskogo i ee znachenie dlia provedeniia lingvisticheskikh issledovaniy [Qualia structure of J. Pustejovsky and its significance for linguistic research] / E.L. Boiarskaia // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta*. 2011. Vol. 2. pp. 12-21.
4. Kravchenko, A.V. Chto takoe «kognitivnaia struktura», ili ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii A.V. Kravchenko [What is a "cognitive structure", or about one common misconception of A.V. Kravchenko] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka: Vzaimodeistvie kognitivnykh i iazykovykh struktur* [Cognitive research of language: correlation of cognitive and language structures]. M.; Tambov: IYa RAN, Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta, 2011. pp. 96-104.
5. Melchuk, I.A. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Explanatory-combinatorial dictionary of the modern Russian language] / I.A. Melchuk, A.K. Zholkovskiy. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2016. 544 p.
6. Montague, R. Pragmatika i intensional'naiia logika [Pragmatics and intensional logic] / R. Montague // *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logic* [Semantics of modal and intentional logic]. M.: Progress, 1981. pp. 254-279.
7. Bouillon, P. Qualia and the Structuring of Verb Meaning / P. Bouillon, F. Busa // *The Language of Word Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 149-168.
8. Copestake, A. Semi-productive polysemy and sense extentions / A. Copestake, T. Briscoe // *Journal of Semantics*. 1996. №12. P. 15-67.
9. Helbig, G. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* / G. Helbig, J. Buscha. Berlin u.a.: Langenscheidt. 2001. 654 S.
10. Katz, J.J. The structure of a Semantic Theory / J.J. Katz, J.A. Fodor // *Language*. 1963. №39. P. 170-210.
11. Pustejovsky, J. *The Generative Lexicon* / J. Pustejovsky. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 312 p.
12. Pustejovsky, J. Lexical knowledge representation and natural language processing / J. Pustejovsky, B. Boguraev // *Artificial Intelligence*. 1993. №63. P. 193-223.
13. Pustejovsky, J. Aspectual coercion and logical polysemy / J. Pustejovsky, P. Bouillon // *Lexical Semantics: the Problem of Polysemy*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 132-162.
14. Riemer, N. *Introducing Semantics* / N. Riemer. Cambridge: MIT Press, 2010. 478 p.

Сведения об авторе:

Глушак Василий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, межкультурная коммуникация, теория речевого поведения.
E-Mail: v.glushak@my.mgimo.ru

About the author:

Vasiliy M. Glushak – PhD, Professor of Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, political linguistics, intercultural communication, speech behaviour. E-Mail: v.glushak@my.mgimo.ru

* * *

RYTHM-FORMING, FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL AND IMMANENCE OF REPETITIONS IN THE MODERN SPANISH LANGUAGE

Elizaveta S. Goncharenko

Moscow State Linguistic University,
38, Ulitsa Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Abstract. *This article offers the results of the investigation of repetitions in the modern Spanish language. To understand the role of the repetitions in a certain text, first of all, it's necessary to determine whether they are immanent in the language or culture, and, therefore, unmarked, or, on the contrary, carry some charge: stylistic, rhythmic or pragmatic. Such differentiation is carried out by means of the analysis and synthesis of the theoretic material (A. Alonso, E. A. Llorach, J. Nogueira, V. Iovenko, V. Vinogradov, etc.), contrastive and comparative analysis. The results show the redundancy of the Spanish language in comparison with Russian, which accounts for the numerous unmarked repetitions in Spanish. On the other hand, the frequent use of repetitions as stylistic, semantic or rhythmic device becomes evident too. For the analysis, we chose some official documents, characterized by the absence of stylistic devices, and some appellative and literary texts (poetry by A. Carvajal, a novel by S. Puertolas, etc.), which are apriori aimed at the form and pragmatic effect. This approach helps achieve the most objective conclusions concerning the nature of the repetitions in a text. We considered lexical and grammar repetitions, grammar, semantic and concept repetitions. Phonetic and lexical repetitions, as the basic stylistic devices, have not been subjected to analysis, as their markedness is evident. The results of the research, presented in the article, may be useful both for the people studying the Spanish language in order to speak it correctly and to understand the pragmatic function of repetition, and for translators to decide whether to follow the structure and rhythm of the text if repetitions are marked, or to omit them when they are in the original text, should they be immanent in the language and the culture.*

Keywords: *the modern Spanish language, rhythm, repetitions, redundancy, functional and pragmatic potential of the repetitions, speech behavior norms, usual tendencies*

For citation: Goncharenko, E.S. (2021). Rythm-Forming, Functional and Pragmatic Potential and Immanence of Repetitions in the Modern Spanish Language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 24–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-24-35>

РИТМООБРАЗУЮЩИЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИММАНЕНТНОСТЬ ПОВТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. С. Гончаренко

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38

Аннотация. В настоящей статье предлагаются результаты исследования повторов в современном испанском языке. Для понимания роли, которую играют повторы в конкретном тексте, в первую очередь, необходимо установить, являются ли они имманентными языку или культуре, а потому немаркированными, или же, напротив, несут определённую нагрузку: стилистическую, ритмообразующую или прагматическую. Провести такую дифференциацию помогают анализ и синтез теоретического материала (труды А. Алонсо, Э. А. Льорака, Х. Ногейры, В. А. Иовенко, В. С. Виноградова и др.), сопоставительный и сравнительный анализ. Результаты исследований позволяют констатировать избыточность испанского языка по сравнению с русским, что, в свою очередь, объясняет большое количество немаркированных повторов в испанской речи. С другой стороны, частое использование повторов как стиле-, смысло- и ритмообразующих приёмов также становится очевидным. В качестве материала для анализа выбраны тексты официальных документов, характеризующихся минимальным использованием стилистически окрашенных языковых единиц, а также некоторые апеллятивные и художественные тексты (стихотворения А. Карвахалы, роман С. Пуэртолас и др.), заведомо ориентированные на форму и достижение прагматического эффекта. Такой подход способствует достижению наиболее объективных выводов касательно природы повторов в тексте. В статье рассматриваются лексико-грамматические, грамматические и семантико-концептуальные повторы. За рамками исследования остались фонетические и лексические повторы, лежащие в основе стилистических фигур, так как факт их маркированности не требует доказательств. Изложенные в статье результаты исследования будут полезны изучающим испанский язык как для более корректного использования средств языка, так и для правильной интерпретации прагматической составляющей содержащих повторы текстов, а также переводчикам, так как помогут принять решение о необходимости следовать за структурой и ритмическим рисунком текста, в случае их маркированности, или об опущении повторов, невзирая на их присутствие в тексте оригинала, в случае имманентности таковых испанским языку и культуре.

Ключевые слова: современный испанский язык, ритм, повтор, избыточность, функционально-прагматический потенциал повторов, нормы речевого поведения, узловые тенденции

Для цитирования: Гончаренко Е.С. (2021). Ритмообразующий, функционально-прагматический потенциал и имманентность повторов в современном испанском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 24–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-24-35>

Введение

Описываемое в настоящей статье исследование проводилось в рамках изучения ритмических приёмов организации текстов современного испанского языка и их функционально-прагматического потенциала. Ритм, согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю под редакцией В.Н. Ярцевой, это «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [7, с. 416]. Данное определение абсолютно справедливо по отношению к поэтическому тексту, однако в случае прозы регулярность повторов носит условный характер в силу отсутствия ответа на вопрос об универсальной единице ритма в прозаическом тексте. В этой связи, а также в связи с постоянным использованием функционально-прагматического потенциала ритма в современных текстах, факт ритмической организации прозаического текста – намеренной или естественной – в последнее время всё чаще рассматривается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Вопросы, связанные с наличием или отсутствием, намеренностью или случайностью и функционально-прагматической значимостью ритма, обнаруженного в том или ином тексте, вызывают заслуженный научный интерес.

Одним из приёмов образования ритма, как было указано выше, чаще всего называют разнообразные повторы. В своей монографии «Анализ ритма прозы (на материале французского языка)» романист Е. И. Бойчук поясняет, что «[н]амеренное использование повтора, создающего ритм художественного прозаического текста, является свидетельством богатства языка писателя» [1, с. 95]. Из данного комментария следует, что для корректной оценки языка автора должна проводиться дифференциация намеренно используемых повторов и повторов, присущих языку.

Объектом описываемого в данной статье исследования стали речевые повторы в современном испанском языке. **Предметом** настоящего исследования стали способы реализации повторов на разных языковых уровнях и способы дифференциации между повторами, присущими испанскому языку и культуре, а потому – немаркированными, и повторами маркированными, реализующими определённый функционально-прагматический потенциал. **Целью** настоящего исследования является систематизация принципов дифференциации некоторых маркированных и немаркированных повторов в современном испанском языке. Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, тем, что в фокусе изучения находятся повторы, обнаруженные именно в современном испанском языке, в основном – в текстах XXI века (что принципиально, поскольку как грамматический, так и стилистический аспект использования повторов в испанском языке претерпевает диахронические изменения и те явления, которые ранее считались естественными, сегодня могут оказаться искусственно воссозданными, и наоборот). Кроме того, актуальность исследования тем выше, чем чаще появляются аффективные и псевдоаффективные тексты, иными словами – чем чаще используются языковые средства, в том числе способы ритмической организации текста, способные транслировать получателю определённое настроение автора или персонажа, а также тексты, осуществляющие регулятивную, суггестивную и апеллятивную функции, объём которых в последнее время стремительно растёт. **Новизна** исследования заключается в том, что в настоящий момент в российской испанистике ощущается необходимость в описании принципов дифференциации между естественными и прагматически нагруженными повторами, а также в анализе их функций. В нашем исследовании мы опираемся на мнения авторитетных учёных, предлагающих результаты серьёзных исследований грамматики и стилистики испанского языка (А. Алонсо, Э. А. Льорак, В. С. Виноградов, В. А. Иовенко, О. В. Шведе), благодаря чьим трудам становится возможным наше исследование в области функционально-прагматического потенциала ритма в испанском языке и повторов как его частного способа реализации. Как указывают лингвисты, некоторые виды повторов имманентны определённому языку или культуре носителей определённого языка. А потому можно предположить, что богатая повторами речь не всегда стилистически окрашена, не всегда имеет своей целью построить дискурс согласно определённому ритмическому рисунку и не обязательно осуществляет с помощью таких повторов какую-либо функцию, помимо непосредственно коммуникативной.

Для дифференциации нейтральных и маркированных случаев повторов мы проводим комплексный анализ, основанный на грамматическом анализе с использованием метода лингвистического наблюдения и описания, а также контекстуального анализа. **Результаты** такого анализа помогут, во-первых, изучающим язык корректно пользоваться его средствами, так как использование тех или иных видов повторов станет более осознанным, основанным на теоретических знаниях, и будет приближать интеръязык изучающего к естественному языку носителя. Кроме того, результаты исследования будут полезны с точки зрения анализа самого текста, его прагматики, наличия в нём аффективного или псевдоаффективного элемента и прочих характеристик. Наконец, результаты такого анализа полезны для теории и практики перевода, так как помогают принять решение о необходимости следовать за структурой и ритмическим рисунком текста, в случае наличия у повторов функционально-прагматического потенциала, или об опущении повторов, невзирая на их присутствие в тексте оригинала, в случае имманентности таковых испанским языку и культуре.

Основная часть

При анализе функционально-прагматического потенциала речевого явления первоочередной задачей является установление функционально-стилистической принадлежности анализируемого текста. Очевидно, что языковые средства письменных художественных текстов используются, как правило, намеренно, они стилистически окрашены и, более того, зачастую применяются с учётом их потенциального смыслопорождения. В то же время в научно-техническом тексте такое использование языковых средств исключено. Что же касается устного и псевдоустного дискурса, удельный вес маркированных языковых средств в нём будет тем выше, чем больше в данном устном тексте проявляется идиостиль его автора, например, в таких жанрах устного стиля, как ораторское выступление. Это утверждение справедливо по отношению ко всем экспрессивным языковым явлениям, в том числе и к повторам.

В то же время, говоря о речевых манифестациях испанского национально-культурного мироведения, В.А. Иовенко указывает на «избыточность одних речевых номинаций испанского языка при лакуарности других номинаций» и на избыточный характер текстов современного испанского языка в целом [4, с. 102]. Под характерной для испанского языка избыточностью понимается, что разные компоненты высказывания – от малейших частей речи до целых идей – часто естественным образом повторяются в испанском языке там, где в русском языке в аналогичной ситуации повтора бы не было. Например:

- *Hola, buenos días.*
- *Sube para arriba.*
- *Resume brevemente.*

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что повторы, часто встречающиеся в текстах разных стилей испанского языка, могут представлять собой как явления, имманентные языку и культуре, так и стилистические приёмы, реализующие определённый функционально-прагматический потенциал.

Виды повторов, встречающихся в прозаических текстах, можно разделить согласно уровню их реализации (мы намеренно не затрагиваем фонетический уровень языка, чтобы сконцентрироваться именно на прозаических текстах, оставив фонетический уровень для более подробного рассмотрения в рамках ритма поэтических и стихотворных текстов):

1. Лексико-грамматические повторы. В эту группу мы предлагаем включить лексические повторы с учётом их статуса как самостоятельной или служебной части речи. Данная группа станет наиболее глубоко исследуемой, потому что, на наш взгляд, именно в её рамках, в первую очередь, требуется провести вышеуказанную дифференциацию. Непосредственно лексические повторы, лежащие в основе стилистических фигур – анафоры, эпифоры, анадиплосиса – в данной статье не рассматриваются в связи с тем, что их функционально-прагматический потенциал представляется очевидным, вопросов о наличии в них экспрессивной окраски не возникает.

2. Грамматические повторы: повторы синтаксических конструкций, морфологических форм, дейктические повторы.

3. Семантико-концептуальные повторы – дублирование идей.

Каждый из этих видов повторов можно рассмотреть с точки зрения их имманентности языку, с точки зрения имманентности культуре, которая может стать причиной кажущейся носителю иностранного языка избыточности, либо же с точки зрения их функционального потенциала – реализации фатической, суггестивно-регулятивной, (псевдо)аффективной, семантизирующей и иных функций.

Рассмотрим каждую категорию повторов с указанных точек зрения.

Лексико-грамматические повторы

Согласно классификации В.С. Виноградова, испанские части речи условно можно разделить на знаменательные и служебные [3, с. 5]. Наша оговорка об условном делении связана с наличием и других точек зрения относительно классификации и функций различных частей речи в испанском языке. В частности, артикль, повтор которого мы исследуем, О.К. Васильева-Шведе относит к отдельному «подклассу служебных слов» [2, с. 58], не ставя его на один уровень с предлогами и союзами.

Рассмотрим наиболее интересные с точки зрения вариативности и функциональной нагрузки случаи повторов служебных слов разных классов и подклассов в современном испанском языке.

Повтор или повторяемое опущение служебных частей речи

Артикли

Повтор (или, напротив, повторяемое опущение) артиклей не мыслится иначе как при перечислении имён существительных или иных субстантивированных частей речи. Как говорит Э.А. Льорак, согласно правилам грамматики испанского языка, «два существительных, находящихся в тесной связи, могут выступать в качестве группы существительных с одним артиклем – *la envidia y mentira* (зависть и ложь)» (перевод наш – Е. Г.) [9, с. 67]. Следовательно, наличие артикля перед вторым именем существительным, то есть его повтор, можно воспринимать как семантически нагруженное – как сигнал о том, что два упоминаемых понятия не состоят в тесной связи, возможно, даже как противопоставленные. Сравним, например, часто употребляемое с одним детерминантом сочетание *la vida y obra*¹ и, в то же время, с двумя – *la vida y el tiempo* (*La vida y el tiempo son los mejores maestros*).

В то же время при более многочисленных перечислениях имён существительных опущение артикля перед всеми перечисляемыми, за исключением первого, является нормативным для испанского языка [8].

Найдём подтверждения этому в разных современных текстах:

- *Antes era difícil que alguien se arriesgara a comprar una camiseta, pantalón o chaqueta sin saber exactamente si le quedaría bien.*²

- *La cuna, moisés, capazos, cambiador, bañera... ¿te puedes volver loco eligiendo todos estos productos?*³

Аналогичный способ перечислений мы можем найти и в современных художественных текстах. Таков фрагмент из поэмы Антонио Карвахала *Bajo continuo*:

*Pero en medio se abrieron las cidonias,
los ciruelos, manzanos y perales...*

¹ В различных источниках встречаются выражения: *una muestra que aborda la vida y obra de uno de los poetas peruanos más importantes del siglo XX* // *Un viaje a la vida y obra...* (Un viaje a la vida y obra del poeta Javier Heraud - Casa de la Literatura Peruana); *Conoce la vida y obra de...* Octavio Paz: quién es, biografía, frases y poemas del ensayista mexicano (caras.com.mx) и др.

² Фраза из статьи с сайта интернет-магазина *Los 6 productos más vendidos en Internet (análisis de ideas y mercados)* (doofinder.com)

³ Фраза из статьи с сайта продукции для будущих мам *Compras embarazo: todo lo que necesitas para ti y tu bebé* | Minutus (minutushop.com)

В первом и втором случаях мы видим пример естественного для испанского языка употребления артикля в информативном тексте, в третьем же случае такое использование артикля не только не нарушает норм испанского языка (в чём мы убедились, исходя из правила и первых двух примеров), но и позволяет сохранить нужный ритмический рисунок.

Важно заметить, что такое использование артикля не является строгим грамматическим правилом: современный испанский язык допускает вариативность в употреблении артикля при перечислении, наличие или отсутствие артикля перед перечисляемыми именами существительными имеет определённую свободу, может носить стилистический характер, быть обусловлено соображениями ритма и дополнительной семантизации детерминанта. Более того, такое (не)использование артикля при перечислении, согласно Амадо Алонсо, меняло свою стилистическую окраску в диахронии [8]. В частности, приводя примеры из «Дон Кихота» Сервантеса, Алонсо показывает, что в классическом испанском языке употребление артикля перед перечисляемыми существительными было стилистически нагружено, теперь же – напротив, часто имеет стилистический оттенок опущение артикля.

По нашим наблюдениям, в стилистически неокрашенных информативных текстах артикль при перечислении в одинаковой ситуации может как присутствовать, так и отсутствовать.

Рассмотрим несколько примеров. В официально-деловых текстах различных государственных и международных организаций встречаются в одинаковой позиции и в схожем контексте варианты сочетаний: *Los derechos de los niños, niñas y adolescentes (UNICEF: Los niños, niñas y adolescentes tienen derechos, UNICEF); Principios rectores de la defensa de los derechos de las niñas, niños y adolescentes (Comisión de derechos humanos del Estado de Puebla); Ayudando a madres, padres y cuidadores a darles a niñas, niños y adolescentes el mejor comienzo en la vida (UNISEF)*. Подобные примеры указывают на то, что опущение артикля при перечислениях логично связанных между собой перечисляемых не является нарушением норм современного испанского языка, равно как и использование первого имени существительного с относящимся к нему артиклем. Соответственно, можно сделать вывод о вариативности и некоторой избыточности использования детерминанта перед каждым перечисляемым.

Однако примеры использования в такой ситуации артикля, как и других детерминантов (притяжательного или указательного местоимения), тоже многочисленны в современном языке. На наш взгляд, дело не в несоблюдении норм языка, а именно в дополнительных смыслах, которые может реализовывать такой избыточный, с точки зрения узальной грамматики, повтор, а также в типе текста и в контексте. Так, артикли при перечислении часто опускаются в информативных текстах, в текстах, требующих экономии языковых средств, в ситуациях, когда перечисляемое рассматривается как сумма неких денотатов – в таких контекстах опущение артикля возможно и является нормативным. При этом в эмоционально окрашенных текстах – будь то художественный текст, ораторское выступление или маркетинговый текст – мы часто встретим перечисления с артиклем, что также не является нарушением норм языка, однако представляется способом реализации определённого функционально-прагматического потенциала. Приведём примеры:

- *Pero debemos, reconocámoslo, aspirar a mucho más que a regresar al instante en que comenzaron los reproches, las provocaciones y los engaños.*⁴

- *Y me permitirán también, Señorías, que agradezca a mi madre, la Reina Sofía, toda una vida de trabajo impecable al servicio de los españoles. Su dedicación y lealtad al Rey Juan Carlos, su dignidad y sentido de la responsabilidad, son un ejemplo que merece un emocionado tributo de gratitud que hoy -como hijo y como Rey- quiero dedicarle.*⁵

Сравним пример, приведённый выше, с другим фрагментом из этой же речи короля:

⁴ Pedro Sánchez. *El País* El discurso completo con el que Sánchez ha anunciado en Barcelona los indultos de los presos del 'procés' | España | EL PAÍS (elpais.com)

⁵ *Rey Felipe VI*, 1403171066.pdf (ecestaticos.com)

- *Queremos que los ciudadanos y sus preocupaciones sean el eje de la acción política, pues son ellos quienes con su esfuerzo, trabajo y sacrificio engrandecen nuestro Estado y dan sentido a las instituciones que lo integran.*

Эмфатизация перечисляемых в первом примере из речи Фелипе VI ощущается сильнее, чем во втором, именно благодаря повторяемым детерминантам, которые задают замедленный темп и упорядоченный ритмический рисунок. Точно так же и в выступлении Педро Санчеса читающий непроизвольно ощущает, что темп при перечислении в его речи замедляется, делается акцент на каждом перечисляемом.

Как было показано выше, ни опущение, ни повтор детерминанта не будут являться отступлением от норм языка. Следовательно, необходимо найти ответ на вопрос, насколько такое условно избыточное использование детерминанта является маркированным, в чём интенция автора изречения. Очевидно, что ораторы (король и премьер-министр Испании) пытаются придать особый вес каждому слову в своём выступлении, чего в том числе удаётся добиться с помощью таким образом оформленных перечислений. Кроме того, лучшему восприятию и запоминанию речи служит её размеренный темп, хорошо построенный и запоминающийся ритм. На наш взгляд, такое использование служебных слов, дающих возможность сделать паузу перед каждым самостоятельным – несущим важную смысловую нагрузку с точки зрения говорящего – словом, повышает ценность каждого такого перечисляемого. Запоминается такая речь легче, нежели поток перечислений без «слабых долей». Задаётся определённый размеренный темп, а вслед за ним – и ритм, просодическая реализация фразы становится выразительнее.

Проанализировав теоретические источники (А. Алонсо, Э. Льорак, Х. Ногейра) и современные тексты, мы пришли к нижеследующим выводам:

1. Использование и неиспользование артикля и прочих детерминантов при перечислении обладает в современном испанском языке относительной свободой и может иметь стилистическую нагрузку.

2. Опущение артикля перед всеми перечисляемыми, а также перед всеми, кроме первого, из перечисляемых элементов является свойственным испанскому языку.

3. Перечисление имён существительных с сохранением артикля перед каждым из них может:

- подчёркивать значимость каждого из перечисляемых,
- подчёркивать разнородность каждого из перечисляемых,
- подчёркивать противопоставление каждого из перечисляемых остальным,
- служить ритмообразующим элементом, при котором артикль или иной детерминант, будучи служебным словом, сродни слабой доле (в музыкальной терминологии применительно к ритму), неиктовому, безударному слогу (в литературоведческой терминологии применительно к ритму стиха);
- задавать более торжественный тон (особенно в ораторской речи) высказыванию;
- семантизировать артикль, имея в виду, что этот относящийся к «служебному подклассу» элемент, стоит по той или иной причине как некий барьер между одним и другим самостоятельным перечисляемым элементом, в то время как, согласно узальной грамматике современного испанского языка, его могло бы там и не быть.

4. Перечисление имён существительных без артикля, напротив, будет говорить об отсутствии барьеров между перечисляемыми элементами, о более быстром темпе и стремительном ритме перечислений без пауз, о большей уверенности выступающего или, в зависимости от контекста, о меньшей значимости каждого из перечисляемых и большей значимости именно их суммы.

Таким образом, в повторе или повторяемом опущении артикля мы обнаружили как свойства, имманентные испанскому языку, так и реализацию определённого функционально-прагматического потенциала.

Предлоги, союзы и глаголы-связки

Аналогичному анализу могут быть подвергнуты случаи повторов или опущений предлогов, союзов и вспомогательных глаголов (глаголов-связок).

В случае если несколько однородных членов предложения связаны с главным в синтагме словом одним и тем же предлогом, то нет необходимости повторять такие предлоги, если только их опущение не приведёт к неверному пониманию. Хусто Ногейра указывает на то, что повтор служебных слов в подобной ситуации, когда с точки зрения норм языка нет необходимости их повторять, может восприниматься как стилистический приём для «придания высказыванию большей энергии или же для того, чтобы замедлить его» (*перевод наш* – Е. Г.) [6, с. 19]. Это утверждение справедливо также в случае использования полисиндетона. Соответственно, такие повторы предлогов и союзов при перечислении могут рассматриваться как стилистический приём, а в частности – как ритмообразующий приём (недаром Ногейра переходит к фактически музыкальной терминологии, приводя слово *lentitud* (замедление), родственное музыкальному термину *lento*). Полисиндетон, согласно Новой грамматике испанского языка (*Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis. Fonética y fonología Real Academia Española*), используется как «эмфатическое средство, позволяющее достичь высказыванию наибольшей энергичности» (*перевод наш* – Е. Г.) [10, с. 3787].

Правильным считается употребление союза (*y, e, o, u, ni*) перед последним перечисляемым, а отсутствие такового тоже может рассматриваться как стилистический приём. Так, в Новой грамматике испанского языка указывается на то, что такой асиндетон создаёт ощущение незавершённости мысли, недоговорённости:

- *Sales por la noche los viernes, los sábados, los domingos... ¿Cuándo estudias, hijo mío?* [ibid.]

На наш взгляд, полисиндетон тоже может иметь эффект недоговорённости, как в рассматриваемом фрагменте из поэмы в прозе современного испанского поэта Хенаро Таленса *Rosebud*:

- *Recuerda una mañana, asomado al borde del océano, junto al amarre de los pescadores. Su hijo daba de comer a las ardillas, y había colibrís, y cuervos, y gaviotas.*

Между строк имплицитно присутствует информация о том, что у персонажа ещё осталось много воспоминаний, о которых нам не говорится, и такой эффект достигается именно благодаря постоянному повтору союза *y*. В то же время этот приём позволяет создать совершенно особый ритмический рисунок, который ощущается на протяжении всей поэмы *Rosebud*.

Не менее важно обратить внимание в рассматриваемом контексте на употребление вспомогательных глаголов (*ser, estar, haber*), глаголов *tener, ir, venir, poder, empezar, comenzar, seguir, dejar, quedar*, которые могут использоваться как частично десемантизированные – такие глаголы, как пишет В.С. Виноградов, «иногда называют полувспомогательными глаголами» [3, с. 105]. Проанализировав разные источники, мы пришли к выводу о том, что нет необходимости в повторах вспомогательных (десемантизированных) глаголов при перечислении с использованием глагольных перифраз или с использованием сказуемых в сложных временах. Такие примеры многочисленны:

- *Ha seguido llorando, gritando y cantando...* (фраза взята из форума в Интернете). Повтор вспомогательного глагола привнёс бы, на наш взгляд, либо ритмообразующую функцию, либо увеличил бы удельный вес семантической составляющей в частично десемантизированном глаголе *seguir*.

- *Los problemas de este país son políticos, económicos y, fundamentalmente, educativos* [10, с. 1594].

Перечисление именных частей сказуемого, не распространённого второстепенными членами, возможно без повтора самого глагола-связки, такая фраза – это нейтральный случай использования языковых средств. Если же автор повторяет всякий раз перед именем прилагательным или существительным глагол-связку, фраза, как и в случае с повтором артикля и полисиндетоном, приобретает большую напряжённость, энергичность, эмфатизацию и ритмичность. Однако в этом случае отхождение от нейтрального использования языковых средств будет ощущаться сильнее. Повтор глагола-связки *ser* перед каждым таким прилагательным привнесёт новую коннотацию, задаст новое звучание фразе, сделает её менее естественной, более торжественной и нарочитой.

Такие же наблюдения мы сделали относительно вспомогательного глагола *haber*, используемого в сложных глагольных временах. Совершенно естественно для испанского языка звучит *Hemos cantado, bailado y hablado*. Если бы сказуемые имели при себе дополнения или обстоятельства, вспомогательный глагол повторялся бы в силу дистанцирования от первого. Однако при таком

перечислении, как в нашем примере, нет необходимости в его повторе, а, следовательно, повтор такого можно рассматривать как маркированный, ритмообразующий, эмфатизирующий.

Указанные случаи лексико-грамматических повторов в испанском языке особенно важно учитывать русскоязычному реципиенту или переводчику. В русском языке отсутствуют артикли, в иных функциях используются предлоги, а глаголы-связки часто стоят в «нулевой форме». Соответственно, чтобы уловить стилистическую, семантическую или ритмообразующую (которая может, в свою очередь, также быть отнесена к стилистике или семантике) функцию повтора, необходимо знать о нормах и об узуальном использовании таковых в нейтральной речи.

Повтор самостоятельных частей речи

Повторы самостоятельных частей речи могут быть как присущими языку, так и являться особым сигналом, приносить в текст особую интонацию, стилистическую окраску, служить ритмоорганизующим элементом и осуществлять прочие функции.

В случае редупликации имени прилагательного, как правило, реципиент получает сигнал об эмфатизации, усилении описываемого качества. Так, в Новой грамматике испанского языка приводится пример: *Y Rusia se ha hecho grande, grande. Y una se siente orgullosa de ello (Monleón, Gallina)*, что можно передать на русский язык с помощью усилительного наречия – «очень великой». Такое явление часто встречается в разговорном стиле.

В то же время конструкции с повторяющимися глаголами могут иметь совершенно разный характер: конструкции, выполняющие функцию уступительного предложения, в которых между повторяющимися в сослагательном наклонении глаголами стоит детерминант и/или местоимение (*digan lo que digan, esté donde esté*) – это естественные и нейтральные с точки зрения стилистики выражения, имеющие чёткую семантику и переводимые, как правило, с помощью уступительных придаточных без необходимости сохранять повтор, использовать усилители или соблюдать особый ритм. Нижеуказанные же конструкции с редупликацией глагола носят явную стилистическую окраску – это может быть эмфатизация, выражение эмоции (досада, восхищение): *llora que te llora, llora y llora, llora que llora*. Это стилистический приём, помогающий достичь усиления в разговорно-обиходной речи и ритмической организации – в художественном (*Llueve, llueve dulcemente*. J. R. Jiménez – Плещет и плещет дождь монотонный (пер. С. Гончаренко). Часто повтор глагола в повелительном наклонении в разговорно-обиходной речи свидетельствует лишь о том, что говорящий пытается такой редупликацией смягчить сему приказа, содержащуюся в форме глагола, или побудить реципиента к более решительному действию.

Pase, pase. – Эту фразу можно, и даже желательно, перевести на русский не повтором, а с помощью добавления слова «пожалуйста».

Ahora salta. Salta, Fernando, salta y vente... Aaasí: muy bien. (Todo consejo desinteresado es por nuestro bien, рассказ Рикардо Архоны). – Здесь повтор можно заменить побудительным словом «Давай!».

Из вышеизложенного следует, что повтор, являясь основополагающим элементом любого ритма, не всегда является сигналом о наличии ритма. Для корректного понимания его функционально-прагматического потенциала необходимо сначала провести дифференциацию между имманентным языку или маркированным повтором.

Таким образом, нам удалось сделать некоторые выводы относительно повторов служебных и самостоятельных частей речи в испанском языке, с одной стороны, и их функционально-прагматическом потенциале, с другой. Однако перечисленными случаями семантическая избыточность в испанском языке не ограничивается.

Грамматические повторы

К частым и заслуживающим внимания случаям грамматических повторов можно отнести так называемые дейктические повторы, которые с точки зрения русскоговорящего человека являются избыточными, однако имманентны грамматике испанского языка. В частности, речь идёт о ду-

блировании дополнения соответствующим местоимением в косвенном падеже (*Esta película ya la he visto*. – анафорический дейксис. *Le di a Laura la noticia ya*. – катафорический дейксис). В повторе такого рода нет иного значения, кроме как соответствия нормам испанского языка, не следует в таких случаях искать особый ритмический рисунок или стиль. Такое использование языковых средств правильнее рассматривать в контексте тема-рематического членения предложения (сравним: «Этот фильм я уже видел» и «Я уже видел этот фильм»).

Повторы синтаксических конструкций и морфологических форм чаще всего, как и лексические повторы, лежат в основе стилистических фигур – анафоры, эпифоры, параллелизма, градации, что делает очевидным их функционально-прагматический потенциал. Такие повторы тем выразительнее, чем больше одинаковых морфологических форм или синтаксических конструкций обнаруживается при перечислении. Например:

- *Siempre que tenía oportunidad (y ocasiones, en verdad, no faltaban), sacaba el asunto a relucir sin ceder un ápice de su entusiasmo, convicción y vehemencia, y tanto y tanto susurró, murmuró y habló, que Dios le dijo un día...* (*Si al atardecer llegara el mensajero*, роман Соледад Пуэртолас).

Такие случаи повторов можно рассматривать и как ритмообразующий приём, потому что перечисление с использованием двух и более одинаковых форм невольно создаёт эффект ожидания и предугадывания. Такой повтор может, как в случае текста С. Пуэртолас, осуществлять аллюзивно-ассоциативную функцию: в данном романе, например, повтор морфологических форм задаёт ритмо-стиль, свойственный библейским сказаниям.

Семантико-концептуальные повторы

Это довольно частый вид повтора в испанском языке. Отчасти такие явления можно объяснить описанными В.А. Иовенко узуральными тенденциями испанского языка. Среди таких тенденций, приводящих к дублированию мысли и избыточности, российский испанист называет присущие испанскому языку «употребление коммуникативно избыточных предикатов бытийной семантики типа *suceder, ocurrir, haber, ser*»; частое избыточное с точки зрения семантики использование ««глагольно-завершённых» словосочетаний с эксплицитно выраженным предикативным компонентом, например: *obstáculo que se opone*» [5, с. 121– 146]. Кроме того, В.А. Иовенко указывает на случаи синтаксического плеоназма (дублирование дополнения местоимением *lo*) и на часто избыточное в испанском языке использование придаточных предложений, поясняющих то, что уже сказано. В этом явлении также не стоит искать стилистические предпосылки. Это свойство испанского языка и культуры, их «узуральные тенденции», которые следует учитывать при переводе на другие языки. В случае перевода на русский такая избыточность, как правило, сокращается. Приведём пример: *Enrique le confesó cuáles eran sus planes* (*La Casa Carbonell*, рассказ М.А. Альбухера Лакса) логично перевести как «Энрике поведал ей о своих планах».

Некоторые испанские стилисты пытаются бороться с такой избыточностью, однако признают, что такое использование языковых средств присуще носителям испанского языка и даже в случае логической ошибки и тавтологии остаётся естественным, а потому на сегодняшний момент может рассматриваться как имманентное языку и культуре.

В статье *¿Es el español redundante? (y por qué no es tan malo como parece)*⁶ испанский филолог Герреро Саласар подтверждает, что испанский язык довольно избыточен и часто сами испанцы этого не осознают и используют плеоназм по незнанию. В.А. Иовенко также указывает на некоторые избыточные речевые номинации испанского языка как на следствие «элементарной оплошности самих журналистов и редакторов» [4, с. 102]. Например, тавтологичное сочетание *hemorragia de sangre* для не разбирающегося в медицине испаноязычного человека не звучит так же избыточно, как для русского его буквальный эквивалент «кровоизлияние крови». Однако зачастую, говорится в той же статье, в современном испанском языке звучит плеоназм не по незнанию, а, напро-

⁶ ¿Es el español redundante? (y por qué no es tan malo como parece) - BBC News Mundo (31.08.2020)

тив, как следствие намеренного использования языковых средств, дублирующих друг друга – для экспрессивности, чтобы произвести впечатление на слушающего, чтобы сделать речь более пространной и, «сказав много, сказать мало» (*перевод наш* – Е. Г.). В качестве примера приводится фраза, часто используемая в рекламных текстах – *totalmente gratis*, абсурдность которой становится очевидной при логическом анализе: если бы надо было заплатить хоть один евроцент, слово «бесплатно» было бы неуместным. Другой пример того, как намеренное использование избыточных языковых средств авторами высказывания приводит к тому, что такая ошибочная избыточность входит в речевой обиход, – фраза, часто используемая в политическом дискурсе: *esfuerzo común de todos*.

Из вышесказанного следует, что случаи имманентных испанскому языку избыточности и повторов разных видов часты, и понимание их природы важно, с одной стороны, для более полноценного понимания текста – интенций автора, имплицитной информации, а с другой – для того, чтобы при интерпретации текста ограничить энтропию смыслопорождения.

Выводы

Отличительной чертой испанского языка является его избыточность по сравнению с русским языком, которая, в частности, выражается в повторах как служебных, так и самостоятельных слов, а также конструкций и идей. Для правильной интерпретации текста и его функционально-прагматического потенциала необходимо понимать природу таких повторов. Дифференциация повторов, имманентных языку (продиктованных нормами грамматики или нормами речевого поведения), и стилистически окрашенных позволяет избежать энтропии смыслопорождения в художественном тексте, установить принадлежность текста к аффективному, регулятивному, суггестивному и, наконец, вычислить ритмообразующие элементы текста.

© Гончаренко Е.С., 2021

Список литературы

1. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка): монография / Е. И. Бойчук. Ярославль. Канцлер, 2019. 232 с.
2. Васильева-Шведе О. К. Теоретическая грамматика испанского языка. – Морфология и синтаксис частей речи. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., испр. и доп. / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов М.: Высш. школа, 1980. 336 с.
3. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка: Практический курс: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – 4-е изд. / В. С. Виноградов М.: Книжный дом «Университет», 2000. 432 с.
4. Иовенко В. А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении : монография / В. А. Иовенко ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. М. : МГИМО-Университет, 2013. 219 с.
5. Иовенко В. А. Теоретический курс испанского языка. / В. А. Иовенко Москва. Военный Краснознаменный институт, 1991. 153 с.
6. Ногейра Х. Учебное пособие по стилистике испанского языка / Х. Ногейра М.: Тип. МПНИИЯ, 1970. 139 с.
7. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / В. Н. Ярцева. Москва, Большая Российская энциклопедия, 1998
8. Alonso A. Estudios lingüísticos. Temas españoles (4.ª edición). Sevilla: Athenaica Ediciones Universitarias-Editorial Universidad de Sevilla; Colección Clásicos Universitarios, 2020.
9. Llorach E. A. Gramática de la lengua española. Espasa Calpe, S. A., 1999.
10. Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis. Fonética y fonología Real Academia Española / Asociación de Academias de la Lengua Española, Espasa Libros, S. L. U., 2009, 2011 .

References

1. Boichuk, E. I. *Analiz ritma prozy (na materiale frantsuzskogo iazyka): monografia* [Analysis of the Rhythm of the Prose (based on material of the French language)] / E. I. Boichuk. Yaroslavl. Kantsler, 2019. 232 p.

2. Vasilieva-Shvede, O. K. *Teoreticheskaia grammatika ispanskogo iazyka. – Morfologia i sintaxis chastey rechi*. Uchebnik dlia institutov y fak. inostr. iaz. – 2e izd., ispr. i dop. [Theoretical Grammar of the Spanish Language. – Morphology and Syntax of the Parts of the Speech] / O. K. Vasilieva-Shvede, G. B. Stepanov. Moscow: Vysshaia shkola, 1980. 336 p.
3. Vinogradov, V. S. *Grammatika ispanskogo iazyka: prakticheskii kurs*: Uchebnik dlia institutov i fakultetov inostrannykh iazykov. – 4-e izd. [Grammar of the Spanish Language: Practical course.] / V. S. Vinogradov. Moscow: Knizhnii dom “Universitet”, 2000. 432 p.
4. Iovenko, V. A. *Natsionalno-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii : monografia* [National and cultural outlook in translation and interpretation : monograph.] / V. A. Iovenko. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (un-t) MID Rossii, kaf. ispanskogo iazyka. M. : MGIMO-Universitet, 2013. 219 p.
5. Iovenko, V. A. *Teoreticheskii kurs ispanskogo iazyka* [Theoretical course of the Spanish Language] / V. A. Iovenko. Moscow: Voennii krasnoznamennii institut, 1991. 153 p.
6. Nogueira J. *Uchebnoe posobie po stilistike ispanskogo iazyka* [Study Guide on the Spanish Language Stylistics] / J. Nogueira. Moscow.: Tip. MGPIIIa, 1970. 139 p.
7. Iartseva, V. N. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar': Iazykoznanie* [Big Encyclopaedical Dictionary: Linguistics] / V. N. Iartseva. Moscow. Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopedia, 1998
8. Alonso, A. *Estudios lingüísticos. Temas españoles* (4.ª edición). Sevilla: Athenaica Ediciones Universitarias-Editorial Universidad de Sevilla; Colección Clásicos Universitarios, 2020
9. Llorach, E. A. *Gramática de la lengua española*. Espasa Calpe, S. A., 1999
10. *Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis. Fonética y fonología* Real Academia Española / Asociación de Academias de la Lengua Española, Espasa Libros, S. L. U., 2009, 2011

Сведения об авторе:

Гончаренко Елизавета Сергеевна – преподаватель кафедры испанского языка и перевода МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика испанского языка, стилистика испанского языка, прагматический потенциал метра и ритма, художественный перевод, аудиовизуальный перевод, синхронный перевод. E-mail: elisea@rambler.ru

About the author:

Elizaveta S. Goncharenko – Professor of Department of Spanish Language and Translation, MSLU University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish grammar, Spanish stylistics, pragmatical potential of the cadency and of the rhythm, literary translation, audiovisual translation, conference interpreting. E-mail: elisea@rambler.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45

УДК: 8-81-13

THE COGNITIVE DISCOURSE ANALYSIS OF EVIDENTIALITY CATEGORY IN RUSSIAN EXCLAMATORY SENTENCES

A. Hosseini, T. Khakrah Kahnamouei

The University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literature.
North Kargar Street, 15/16, Tehran, 1439813164, Iran

Abstract. *The aims of the article are to examine the meanings of indirect evidentiality: inference, goal, desire and to search the manifestation of direct evidentiality in Russian exclamatory sentences. We attempt to prove that this category of evidentiality can be found in exclamatory sentences to express the speaker's emotional attitude to the described situation, and, also, by using the cognitive discourse analysis, we are going to search the ways of realization of the speaker's and his interlocutor's intentions in any statement. In our study we analyzed the exclamatory sentences containing certain lexical or grammatical language tools used to express the meanings of direct and indirect evidentiality. The relevance of this work is determined by the necessity of studying the reliable and unreliable sources of information expressed in Russian exclamatory sentences. By means of cognitive discourse analysis, we revealed that the availability of some of introductory words, particles, exclamatory pronouns and etc. according to the context, can contextually point to the personal experience of the speaker or to the unreliable and incomplete information he gets. In these situations the subject of the speech act in relation to what he sees or hears, renders feelings of wonder, happiness and sadness.*

Keywords: *direct evidentiality, indirect evidentiality, exclamatory sentence, cognitive-discourse analysis, the Russian language*

For citation: Hosseini, A., Kahnamouei, T.K. (2021). The Cognitive Discourse Analysis of Evidentiality Category in Russian Exclamatory Sentences. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 36–45. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45>

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

А.А. Хоссейни, Т. Хакрах Кахнамуи

Тегеранский Университет, факультет иностранных языков и литературы,
15/16, Улица Норс Каргар, г. Тегеран, 1439813164, Иран

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в описании значений не прямой эвиденциальности – инференциальности, цели, желания, а также в рассмотрении проявления значения прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях. Предпринята попытка доказать, что категория эвиденциальности может реализоваться в восклицательных предложениях для выражения эмоционального отношения говорящего к описываемой ситуации, а также с помощью метода когнитивно-дискурсивного анализа рассмотреть способы реализации замысла говорящего и его собеседника в высказывании. В нашем исследовании были проанализированы восклицательные предложения, содержащие определённые лексические или грамматические языковые средства и используемые для выражения значений прямой и не прямой эвиденциальности. Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения достоверных и недостоверных источников информации, передаваемых в русских восклицательных предложениях. Посредством когнитивно-дискурсивного анализа было выявлено, что наличие некоторых вводных слов, частиц, восклицательных местоимений и т.д. контекстуально может указывать на собственный опыт говорящего или на недостоверную и неполную получаемую им информацию. В этих случаях субъект речевого акта по отношению к тому, что он видит или слышит, выражает чувства удивления, радости, восторга или грусти.

Ключевые слова: прямая эвиденциальность, не прямая эвиденциальность, восклицательное предложение, когнитивно-дискурсивный анализ, русский язык

Для цитирования: Хоссейни А.А., Кахнамуи Т.Х. (2021). Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности в русских восклицательных предложениях. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 36–45. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45>

1. Введение

В настоящее время лингвисты уделяют внимание исследованиям в области проявления когнитивной связи в языковых явлениях. Ф. Боас был первым учёным, рассматривавшим морфологические и синтаксические языковые средства, используемые для выражения значения эвиденциальности [25, с. 496].

Русские и иностранные лингвисты уделяют внимание как лингвистическим, так и экстралингвистическим языковым средствам выражения значений эвиденциальности в языке.

В ходе нашего исследования на материалах произведений А.П. Чехова «Вишнёвый сад», Л.Н. Толстого «Анна Каренина», К.М. Симонова «Товарищи», М. Горького «Детство» предпринята

попытка определить языковые средства, употребляемые говорящим для передачи значений прямой и не прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях.

Теоретическая значимость нашего исследования определяется тем, что работа вносит вклад в изучение категории эвиденциальности. В работе предпринята попытка на основе когнитивно-дискурсивного анализа раскрыть лингвистические и экстралингвистические средства, передающие значения прямой/непрямой эвиденциальности в восклицательных предложениях.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты проведённого исследования могут быть использованы в изучении значений эвиденциальности и способов их выражения в восклицательных предложениях. Более того, эта работа помогает иностранным студентам в восприятии категории прямой/непрямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях и переводе на персидский язык.

2. Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности

Анализ категории эвиденциальности осуществляется в тех языковых структурах с эмоциональной окраской, где можно наблюдать репрезентацию знаний участников речи. При использовании когнитивного и коммуникативного подхода, как нам кажется, значение эвиденциальности воплощается в изучении психологических и мыслительных процессов, отражающихся в мозгу говорящего и объективно проявляющихся в высказываниях. С помощью когнитивно-дискурсивного анализа можно связать категорию эвиденциальности с более высокой системой дискурса как одной из высоких систем в лингвистике, где рассматривается язык со всеми своими особенностями, и отражающими картину мира в действительности [8, с. 9], [21].

Под дискурсом понимается речь, процесс языковой деятельности, совокупность высказывания, рассматривающегося как способ передачи всего происходящего в действительности [21], [8], [23]. С помощью дискурсивного анализа можно рассматривать не только грамматические, синтаксические конструкции, но и культурные, исторические, ментальные и коммуникативные факторы [13, с. 66]. То есть именно дискурс как речь содержит прагматические, социокультурные, психологические факторы, а также показывает целенаправленные социальные действия людей и их взаимоотношения в когнитивных процессах [2, с. 136–137]. Более того, интерпретация интенции участников речи отражает коммуникативную и смысло-содержательную структуру художественного произведения. Так как основной задачей дискурса является отражение всего происходящего в действительности, функция категории эвиденциальности как языкового явления, определяющего источника информации, становится значимой [2], [4, с. 6].

Следовательно, с учётом экстралингвистических факторов в дискурсе, таких как чувства говорящего, интенции всех участников речи, в категории эвиденциальности как способа отражения ситуации речи могут рассматриваться разнообразные лингвистические и экстралингвистические аспекты.

3. Языковые средства, передающие значение прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях

Известно, что восклицательное предложение, содержащее восклицательную интонацию, восклицательные частицы, такие как «что за», «вижу», «вот так», «же», «ну», и междометий «о!», «ой!», «ох!», «эх!», «ах!», «эй!», «увы!» и др., является средством выражения эмоционального отношения говорящего как субъекта речи [12, с. 394]. Следует напомнить, что эмоциональное отношение, передающееся участником речи в дискурсе, может проявляться в повествовательных, вопросительных и побудительных предложениях. Таким образом, названная категория способна встречаться в разных синтаксических конструкциях по цели высказывания [9, с. 59–60], [18, с. 87].

Н.А. Козинцева рассматривает эту категорию как категорию со значением субъективного отношения говорящего к объекту речи. Как отмечает Н.А. Козинцева, говорящий как субъект ре-

чевого акта иногда не указывает на источник своих знаний, однако в некоторых случаях, при помощи своего собственного прямого наблюдения, умозаключения или наблюдения другого человека выражает значение эвиденциальности [5, с. 92]. В современном языкознании, согласно А.Ю. Айхенвальду, эвиденциальность как речевой акт связана с источником информации из первых и вторых рук [24, с. 3, с. 1]. Источник информации в высказывании оформляется с помощью визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания [24, с. 3].

В современном русском языке значение эвиденциальности, как правило, выражается лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами. Как, например, с помощью частицы «де», «дескать», «мол» можно оформлять ссылку на источник информации в контексте. Они обычно предшествуют словам, передающим чужую речь [22, с. 39]. Сравните: *«Так продолжалось до тех пор, пока Васька или Мотыка донёс барину, что, вот-де, когда он, Мотыка, сего утра лазил на остатки галереи, так углы совсем отстали от стен и, того гляди, рухнут опять»* (И. Гончаров)» [22, с. 21]. Частица «де» в данном употреблении использована в качестве языкового средства для выражения не прямой эвиденциальности. В предложениях же: *«Петров, **говорят**, поправился»* [22, с. 21], значение не прямой эвиденциальности выражается при помощи спрягаемой формы глагола «говорят» в простом односоставном неопределённо-личном предложении. В предложении: *«Он **сказал**: Если будут столько платить [он говорит], (это) недостаточно [он говорит]»* [22, с. 40], значение не прямой эвиденциальности выражено формой глагола «сказал» в простом двусоставном предложении. В других случаях посредством вводного слова *кажется* можно передавать значение не прямой эвиденциальности, например: *«За дверь, **кажется**, кто-то прячется»* [22, с. 28]. В этом предложении значение не прямой эвиденциальности выражено безличным глаголом «кажется» [6, с. 88–89].

Так, восклицательное предложение оказывается синтаксическим средством выражения эмоционального отношения [11, с. 55] говорящего в качестве участника ситуации речи. Восклицательное предложение способно отражать умозаключение говорящего при помощи лексических и интонационных и других языковых средств в предложениях. Для выражения прямой эвиденциальности в восклицательном предложении, как правило, нужно сосредоточиться на языковых средствах, отражающих всё происходящее в реальной действительности субъектом речи. В восклицательных предложениях часто говорящий оказывается собственно свидетелем ситуации, вызывающей у него чувства радости и восторга. В таких случаях контекстуально указывается на значение прямой эвиденциальности. Сравните:

1) Аня (***глядит в свою дверь, нежно***). *Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. **Я дома!** Завтра утром встану, побегу в сад...* [20, с. 3];

2) Фирс (***хлопочет около кофейника***). *Эх ты, **недотёпа**... (Бормочет про себя.) Приехали из Парижа... и барин когда-то ездил в Париж... на лошадях... (Смеётся)*

Варя. *Фирс, ты о чём?*

Фирс. *Чего изволите? (**радостно**) **Барыня моя приехала!*** [20, с. 5].

В обоих приведённых выше предложениях, чувства восторга и радости передаются контекстуально восклицательными предложениями со значением прямой эвиденциальности. Эти чувства выражаются участником речевого акта после того, когда он через несколько лет встречается Аню и свою барыню.

По Н.А. Козинцевой, прямая эвиденциальность в русском языке выражает наблюдения самого говорящего или его воспоминание о своём прошлом опыте [5, с. 92]. Ясно, что для передачи воспоминания об опыте прошлого, автор указывает на прямой и достоверный источник информации. Примерами выражения воспоминания говорящего о хороших событиях, вызывающих у него чувства восторга и радости, служат следующие высказывания, указывающие контекстуально на прямую эвиденциальность в восклицательных предложениях. Сравните:

1) Аня. *Пройдёте здесь. Ты, мама, **помнишь, какая это комната?***

Любовь Андреевна. *(**радостно, сквозь слёзы**). **Детская!***

Варя. *Как холодно, у меня руки заоченели. (Любови Андреевне) **Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.***

Любовь Андреевна. *Детская, милая моя, прекрасная комната... я тут спала, когда была маленькой... (Плачет)* [20, с. 3].

2) Аня (печально). *Это мама купила. (Идёт в свою комнату, говорит весело, по-детски.) А в Париже я на воздушном шаре летала!*

Варя. *Душечка моя приехала! Красавица приехала!* [20, с. 4].

Как показывают вышеуказанные примеры, чувство радости говорящего обусловливается его положительной эмоциональной оценкой, получаемой им на основе того, что случилось. Однако в некоторых случаях говорящий отрицательно оценивает ситуацию, из-за чего у него появляется чувство грусти, выражаемой восклицательным предложением. Сравните:

Трофимов. *Верьте мне, Аня, верьте! Мне ещё нет тридцати, я молод, я ещё студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И всё же душа моя всегда, во всякую минуту, и днём и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня я уже вижу его...* [20, с. 19].

Вспоминая свой прошлый опыт, в выше приведённом примере Трофимов как собственный наблюдатель перечисляет Ане свои неприятности, которые испытывал везде в своей жизни в прошлом. Напоминаем, что в отличие от предшествующих примеров, где выражается чувство радости, здесь интонационно и контекстуально выражается чувство грусти у субъекта речи в восклицательном предложении.

Восклицательные предложения со значением бытийности называются генитивными предложениями. Генитивное предложение, по А.А. Леканту, представляется как одна из разновидностей именных субстантивных предложений. Генитивные утвердительные предложения указывают на бытие предметов в большом количестве. Имя существительное в генитивном предложении употребляется в форме родительного падежа и приобретает значение бытийности [17, с. 166–167]. Таким образом, выступая в качестве восклицательного предложения, генитивное предложение указывает на реальную модальность и в то же время выражает прямую эвиденциальность [17, с. 167]. Сравните:

1) *К весне дядья разделились; Яков остался в городе, Михаил уехал за реку, а дед купил себе большой интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой уютной комнаткой на чердаке и садом, который опускался в овраг, густо ошестинившийся голыми прутьями ивняка.*

— *Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, когда, осматривая сад, я шёл с ним по мягким, протаявшим дорожкам*» [3].

2) *Удивительное дело эта степь! — Сказал Апухтин, полуоборачиваясь с переднего сиденья к Артемьеву, после того как они молча проехали с десятков километров, не встретив и не обогнав ни одной машин. — Я здесь около двух недель. Сначала было впечатление чего-то до того однообразного и унылого, что, каюы не военная служба, — сегодня приехал, а завтра обратно. Ни одного дерева! Листок сорвать и в пальцах помять* [16].

Исходя из приведённых предложений, видим, что в некоторых случаях, как, например, в первом примере, частица «то» подчёркивает значение бытийности, избытка, большого количества или меры. Кроме того, в этом примере участник речевого акта с помощью восклицательной интонации выражает свою экспрессивно-эмоциональную оценку [15, с. 684].

Утверждаем, что во втором предложении (*Ни одного дерева*) частица «ни» подчёркивает отсутствие предмета речи в данном генитивном восклицательном предложении.

4. Языковые средства, передающие значение косвенной эвиденциальности в русских восклицательных предложениях

Далее мы переходим к изучению восклицательных предложений со значением косвенной эвиденциальности. Отметим, что косвенная эвиденциальность, которая отражается в русских восклицательных предложениях, может обозначать разнообразные семантические значения, в том

числе умозаключение, удивление, утверждение и побуждение, желание осуществления действия. Как правило, косвенная эвиденциальность, передающая вышеперечисленные значения, содержит когнитивный аспект, связанный с признаками логического содержания описываемого факта действительности.

При наблюдении новых, неожиданных событий говорящий удивляется, так как в этих ситуациях говорящий от удивления использует в своей речи те языковые средства, которые обозначают непрямую эвиденциальность [10, с. 93]. В таких случаях субъект речи в восклицательных предложениях не может нести полную эпистемическую ответственность за тот факт, что перед ним неожиданно открывается.

Ясно, что в некоторых случаях субъект речи не является наблюдателем какого-либо события с самого начала его возникновения, таким образом, свидетель ситуации получает неполную достоверную информацию.

Говорящий в таких случаях с помощью восклицательной интонации и некоторых других лексических средств, таких как местоимения «что», «какой», оценочного существительного «вздор» и междометия «боже мой», выражает чувство удивления. Сравните:

— *Да, я непременно поеду, — отвечал Левин. — Хотя мне показалось, что княгиня неохотно звала меня.*

— **Что ты! Вздор какой! Это её манера..** [19].

Детальное изучение восклицательных предложений помогает нам определить результат мышления субъекта речи. В таких случаях говорящим выражается значение инференциальности.

Очевидно, что догадки и выводы субъекта речевого акта основываются на его наблюдении, однако источники всех его умозаключений не являются достоверными. Значение инференциальности в восклицательных предложениях выражается оттенками утверждения и удивления. Таким образом, источник проявления чувства удивления и утверждения человека в сочетании с его умозаключением о сообщаемом факте не является убедительным [10, с. 93]. Говорящий с помощью восклицательной интонации и восклицательных предложений, в которых используются междометие «ах!», и утвердительных сочетаний, в том числе «ещё бы», «да» и т.п., описывает и оценивает действие, выражаемое в выше указанных примерах. Следующие предложения служат примерами для выражения утверждения и удивления у собеседника.

1) *Я побегал на коньках, и есть хочется. И не думай, — прибавил он, заметив на лице Облонского недовольное выражение, — чтоб я не оценил твоего выбора. Я с удовольствием поем хорошо.*

— **Ещё бы! Что ни говори, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич** [19].

Непрямая косвенная эвиденциальность в данном употреблении обозначает умозаключение субъекта речи с положительной эмоциональной оценкой.

2) *....Ты знаешь, что он сделал.....*

— **Ах, это ужасно, ужасно! — повторял Левин** [19].

3) *Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. "Да, он счастлив и доволен! — подумала она, — а я?! И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту", — подумала она. Рот её сжался, мускул щёки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица* [19].

В двух приведённых выше предложениях непрямая эвиденциальность обозначает умозаключение субъекта речи с отрицательным эмоциональным отношением.

Иногда реальное и ирреальное условное предложение передаёт инференциальную эвиденциальность, где контекстуально выражается гипотетичность предопределяющего. Восклицательное предложение с оттенками реального условного значения связывается с категорией инференциальности со значением предупреждения и передаёт рассуждение субъекта речи о вероятности проявления событий. Реальное условное предложение выражает реально-потенциальное условное значение и указывает на реальную действительность [14], [7, с. 668], [1, с. 96]. Сравните: *Ведь любит же она моего ребенка, — подумал он, заметив изменение её лица при крике ребёнка, — моего ребёнка; как же она может ненавидеть меня?*

— *Долли, ещё одно слово, — проговорил он, идя за нею.*

– *Если вы пойдёте за мной, я позову людей, детей!*» [19].

Приведённое выше предложение выражает негативное эмоциональное чувство гнева, которое возникло в субъекте речи. Кроме того, в этом примере говорящий при помощи условного предложения делает логический вывод о том, что может *позвать детей и людей, если муж её пойдёт за ней*.

Значение ирреального условия, проявляющегося в восклицательном предложении, указывает на отсутствие возможности осуществления действия в прошлом или в настоящее время. Сравните:

Аня (задумчиво): – Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки... (Вздрагивает.) Как я её понимаю, если бы она знала! [20, с. 4].

Из приведённого выше примера можно понять, что Аня в качестве говорящего всё время была собственным наблюдателем страданий своей матери. В этом примере субъект речевого акта чувствует грусть. Аня в этом предложении делает логический вывод о том, что для облегчения этих мучений её маме надо было знать, что её дочь понимала её. В данном случае восклицательное предложение со значением непрямой эвиденциальности обозначает ирреальный факт с негативной эмоциональной окраской.

Синтез психических особенностей эмоциональных чувств субъекта речи при изучении языковых средств выражения значений косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях позволяет нам различать отдельные коммуникативные реакции и поступки участника речевого акта в соответствии с ситуацией, в которой он находится.

Косвенная эвиденциальность в условном восклицательном предложении может выражать значение желания, воспринимаемого участником речевого акта. Сравните:

Гаев. Молчу. (Целует Ане и Варе руки.) Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в окружном суде, ну, сошлась компания, начался разговор о том, о сём, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заём под векселя, чтобы заплатить проценты в банк.

Варя. Если бы господь помог! [20, с. 10].

В приведённом примере у участника речевого акта есть желание, чтобы бог им помог. Ясно, что такое желание ещё не осуществилось и субъект речи не оказывается свидетелем реального желаемого акта. В данном употреблении восклицательное предложение передаёт значение непрямой эвиденциальности с положительной эмоциональной оценкой.

Факторы желания и побуждения, выражаемые участником речевого акта в восклицательных предложениях, служат элементами более широкого синтаксического значения, то есть значения цели. Это значение лексически и контекстуально иногда выражается говорящим в восклицательных предложениях и указывает на значение косвенной эвиденциальности, так как достижение цели нуждается в выполнении ожидаемого действия. Поскольку осуществление/неосуществление желания в действительности является возможным результатом действия, субъект речевого акта фактически не является свидетелем названного желаемого результата. Сравните:

«Варя (выйдя из себя). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идёт к двери, она за ним. Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!» [20, с. 25].

Изучая приведённый выше контекст, заметим, что побудительное и восклицательное предложения взаимосвязаны. Они оказываются средствами выражения значения непрямой эвиденциальности. Говорящий во всех этих предложениях с помощью частицы «вон» и целевого союза «чтобы» указывает на своё желание и побуждение к осуществлению определённой цели, то есть указывает на тот факт, что ему больше не хочется встречаться со своим собеседником.

5. Результаты исследования и их обсуждение

Таким образом, многоаспектное описание способов передачи значений прямой и косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях, позволяет нам на основе когнитивно-дискурсивного анализа вскрыть лингвистические и экстралингвистические средства, передающие

значения прямой и косвенной эвиденциальности. В нашей работе были показаны связи источников информации с эмоциями действующих лиц, с их сознаниями и ситуациями, в которых они принимают участие. Дискурс как процесс формирования чувства радости, восторга, гнева и удивления у действующего лица, интонационно, семантически и лексико-грамматически указывает на показатели значений прямой и косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях. При выражении значений эвиденциальности в восклицательных предложениях субъект речи как языковая личность в каждой отдельной ситуации играет основную роль.

Выступая как собственный наблюдатель ситуаций, вызывающих чувства радости и восторга у человека, участник речевого акта указывает на достоверный источник передаваемых сообщений и позитивно или негативно его оценивает. Прямая эвиденциальность выражает положительный или отрицательный опыт говорящего в некой ситуации, которая вызывает у него чувство грусти или радости. Следует подчеркнуть, что в условиях, когда генитивное восклицательное предложение выражает значение бытийности и реальной модальности, источник информации является достоверным. В нашем исследовании также утверждается, что значения не прямой эвиденциальности в восклицательных предложениях выражают замысел, реакцию и рассуждение говорящего по отношению к ситуации речи.

Субъект речевого акта иногда на основе того, что видит или слышит, с помощью восклицательной интонации, местоимений «какой», «что», оценочного существительного «вздор» и некоторых междометий «боже мой!» выражает своё удивление. В таких случаях субъект речи не владеет полной и всесторонней информацией о сообщаемом факте, источник которого является недостоверным.

Инференциальность в восклицательных предложениях выражает рассуждение субъекта речи о том, что происходит/ произошло в реальной действительности, поэтому его сообщение не является достоверным. Для передачи значения инференциальности в восклицательных предложениях можно использовать вводное словосочетание «может быть», указывающее на догадки субъекта речи. В некоторых случаях при употреблении модальных частиц «ещё бы», «да»... можно передавать значение утверждения. В других случаях говорящий при помощи условных союзов «если» и «если бы» выражает своё суждение о вероятности проявления событий и иногда указывает на своё желание к осуществлению действия. Более того, субъект речевого акта посредством союза «чтобы» указывает на свою цель и своё побуждение к выполнению определённого действия.

© Хоссейни А.А., Кахнамуи Т.Х., 2021

Список литературы

1. Аникина М.Н. Синтаксис сложноподчинённого предложения / М.Н. Аникина и др. М.: Русский язык, 2004. 173 с.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
3. Горький М. Детство / М. Горький, М.: Детская литература, 1913. 45 с.
4. Гричин С.В. Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно- дискурсивный аспект / С.В. Гричин, Т.А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6. С.5-17.
5. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.
6. Кобрин О.А. Категория эвиденциальности: Её статус и формы выражения в разных языках / О.А. Кобрин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005 № 1. С. 86-98.
7. Краткая русская грамматика / Шведова Н.Ю. М: Учреждение российской академии наук институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН и ООО «Словари Ру», 2002. 726 с.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. Обзоров. М., 2000. С. 7-25.
9. Кустова Г.И. Синтаксис современного русского языка / Г.И. Кустова, К.И. Мишина, В.А. Федосеев. М.: Академия, 2005. 251 с.
10. Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке / Т.П. Лунина // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2020. С. 92-97.

11. Пешкова А.Б. Восклицательные предложения в русском и английском языках: структурно-прагматическая классификация // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2014. № 2. С. 55-57.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
13. Пташки А.С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессоры / А.С. Пташки // Вестник ТГПУ, 2016. № 6. С. 66-70.
14. Русская грамматика. / Шведова Н.Ю. М: Наука, 1980. 710 с.
15. Русский язык / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С.730-731.
16. Симонов К.М. Товарищи по оружию / К.М. Симонов. ФТМ, 1950-1965. 27 с.
17. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. М.: Выш. Шк, 2004. 247 с.
18. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения / Н.М. Пипченко. Минск: БГУ, 2008. 203 с.
19. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. Русский вестник, 1877.
20. Чехов А.П. Вишнёвый сад / А.П. Чехов. СПб, 1904. 34с.
21. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
22. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность. Эвиденциальность в языках Европы и Азии / В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 632 с.
23. Aikhenvald A. Y. Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press. 2004.
24. Aikhenvald A. Y. Evidentiality / A.Y. Aikhenvald. In grammar. Encyclopedia of languages and linguistics. Oxford: Elsevier, 2006. pp. 320-325.
25. Boas F. Handbook of American Indian languages / F. Boas. USA: Washington, 1911. 570 s.

References

1. Anikina, M.N. *Sintaksis slozhnopodchinennogo predlozheniia* [The syntax of complex sentence] / M.N. Anikina i dr. М.: Russkii iazyk, 2004. 173 s.
2. Arutiunova, N.D. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [The linguistic encyclopedic dictionary] / N.D. Arutiunova, V.A. Vinogradov i dr. М.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. 688 s.
3. Gorkij, M. *Detstvo* [Childhood] / M. Gorkij. М.: Detskaia literatura, 1913. 45 s.
4. Grichin, S.V. Avtorizatsiia v tekste nauchnogo proizvedeniia: kognitivno- diskursivnyi aspekt [Evidentiality in the text of a research work: A cognitive-discursive aspect] / S.V. Grichin, T.A. Demeshkina // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016. № 6. S. 5-17.
5. Kasatkina, L.L. *Russkii iazyk* [Russian language] / L.L. Kasatkina. М: Izdatel'skiy tsentr «Akademii», 2001. S. 730-731.
6. Khrakovskiy, V.S. *Evidentsial'nost', epistemicheskai modal'nost', admirativnost'*. *Evidentsial'nost' viyazykakh evropy i azii* [Evidentiality, Epistemic modality, Mirative: Evidentiality in European & Asian languages] / V.S. Khrakovskiy. St. Petersburg, Nauka, 2007, 632 s.
7. Kobrina, O.A. Kategoriia evidentsialnosti: Ee status i formy vyrazheniia v raznykh iazykakh [Category of evidentiality: Its status and forms of expression] / O.A. Kobrina // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2005 № 1. S. 86-98.
8. Koznitseva, N.A. Kategoriia evidentsialnosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (Problems of typological analysis)] / N.A. Koznitseva // *Voprosy iazykoznaviia*. 1994. № 3. S. 92-104.
9. Kubryakova, E.S. O poniatiiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike [The concepts of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics] / E.S. Kubriakova // *Diskurs, rech', rechevaia deiatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sb. Obzorov*. М., 2000. S. 7-25.
10. Kustova, G.I., Mishina, K.I., et al. *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of modern Russian language] / G.I. Kustova, K.I. Mishina, V.A. Fedoseev, М.: Akademiia, 2005. 251s.
11. Lunina, T.P. O sredstvakh vyrazheniia kosvennoy evidentsial'nosti v russkom iazyke [Means of reported evidentiality expression in the Russian language] / T.P. Lunina // *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 2020. S. 92-97.
12. Peshkova, A.B. Vosklitiatel'nye predlozheniia v russkom i angliyskom iazykakh: strukturno-pragmaticheskai klassifikatsiia [Exclamatory sentences in Russian and English languages: structural-pragmatic classification] / A.B. Peshkova // *Vestnik VGU. Serii: Filologiya. Zhurnalistika*, 2014. № 2. S. 55-57.
13. Peshkovskiy, A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage] / A.M. Peshkovskiy, М.: YAzyki slavianskoy kul'tury [Languages of Slavic cultures]. 2001. 544 s.
14. Ptashki, A.S. Diskurs, diskursivny analiz i lingvisticheskie protsesy [Discourse, Discourse analysis & linguistic processes] / A.S. Ptashki // *Vestnik TGPU*. 2016. № 6. S. 66-70.
15. Shvedova, N.YU. *Kratkaia russkaia grammatika* [Concise Russian grammar]/ N.YU. Shvedova. М: Uchrezhdenie rossiyskoy akademii nauk institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN i OOO «Slovari Ru», 2002. 726 s.
16. Shvedova, N.YU. *Russkaia grammatika* [The Russian grammar]. / N.YU. Shvedova. М: Nauka, 1980. 710 s.
17. Simonov, K.M. *Tovarishchi po oruzhiu* [Comrades in arms] / K.M. Simonov. ФТМ, 1950-1965. 27s.
18. Lekant, P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniia v sovremennom russkom iazyke* [The syntax of a simple sentence in modern Russian language] / P.A. Lekant. М.: Vysh. SHk, 2004. 247 s.
19. Pipchenko, N.M. *Sovremenny russkiy iazyk: Sintaksis slovosochetaniia i prostogo predlozheniia* [The modern Russian language: The syntax of phrase in simple sentence] / N.M. Pipchenko. Minsk: BGU, 2008. 203 s.
20. Tolstoy, L.N. *Anna Karenina*. [Anna Karenina] / L.N. Tolstoy. Russkiy Vestnik, 1877.
21. Chekhov, A.P. *Vishnevyy sad*. [The cherry orchard] / A.P. Chekhov. SPB, 1904. 34s.

22. Fuko, M. *Arheologiia znaniia* [Archeology of knowledge] / M. Fuko. Kiev: Nika-Centr, 1996. 208 s.
23. Aikhenvald, A. Y. *Evidentiality* / A. Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press. 2004.
24. Aikhenvald, A. Y. Evidentiality in grammar. *Encyclopedia of languages and linguistics* / A.Y. Aikhenvald. Oxford: Elsevier, 2006. s. 320-325.
25. Boas, F. *Handbook of American Indian languages*/ F. Boas. USA: Washington, 1911. 570 s.

Сведения об авторах:

Хоссейни Амир Алиасгар – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета (Иран, Тегеран). Сфера научных и профессиональных интересов: морфология и синтаксис современного русского языка. E-mail: amhoseini@ut.ac.ir

Хакрах Кахнамуи Табассом – аспирантка, ассистент преподавателя кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета (Иран, Тегеран). Сфера научных и профессиональных интересов: морфология и синтаксис современного русского языка. E-mail: t.khakrah@gmail.com

About the authors:

A. Hosseini – PhD, assistant professor at the Department of the Russian language and literature at the University of Teheran. Fields of research interests: the morphology and syntax of the Russian language.

E-mail: amhoseini@ut.ac.ir

T. Khakrah Kahnamouei – a graduate student at the University of Teheran, Department of the Russian language and literature. Fields of research interests: the morphology and syntax of the Russian language.

E-mail: t.khakrah@gmail.com

* * *

FUNCTIONAL AND STYLISTIC TYPES OF SPECIAL VOCABULARY IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS (BASED ON ENGLISH AND GERMAN AVIATION VOCABULARY)

Nasima S. Sharafutdinova

Ulyanovsk State Technical University
32, Severny Venets, Ulyanovsk, 432027, Russia

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the typology of special vocabulary in the modern language of technology and the study of the proportion of functional and stylistic types of special lexical units (terms, nomens, pragmonyms, terminoids, professionalisms) in scientific and technical texts of various genres. To study the ratio of the types of special vocabulary, popular scientific articles from aviation electronic journals, individual chapters of Ph.D. theses as well as fragments of aviation textbooks in English and German were analyzed. The total volume of the studied texts is 180, 000 characters (30,000 characters for each genre in one language). Based on this material, 2,426 English special lexical units and 2,465 German special lexical units were identified and distributed into separate categories. As a result of the study, it was found that the proportion of types of special vocabulary in scientific and technical texts of the corresponding genres in English and German is approximately the same. In all analyzed popular science, scientific and educational texts, the proportion of terms considerably prevails. The largest number of terms is used in educational texts. In popular science texts, nomens are used more often than in texts of other genres. Terminoids and professionalisms are very rarely used in the studied texts.*

Keywords: *scientific and technical text, special vocabulary, types of special lexemes, genre of text, term*

For citation: Sharafutdinova, N.S. (2021). Functional and Stylistic Types of Special Vocabulary in Scientific and Technical Texts (Based on English and German Aviation Vocabulary). *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 46–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-46-56>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.С. Шарафутдинова

Ульяновский государственный технический университет,
432027, Россия, Ульяновск, ул. Северный Венец, 32

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению типологии специальной лексики в современном языке техники и изучению доли функционально-стилистических типов специальных лексических единиц (терминов, номенов, прагмонимов, терминоидов, профессионализмов) в научно-технических текстах различных жанров. Для изучения соотношения типов специальной лексики были проанализированы научно-популярные статьи из авиационных электронных журналов, отдельные главы кандидатских диссертаций, а также фрагменты учебных пособий по авиации на английском и немецком языках. Общий объём исследованных текстов составляет 180 000 символов (30 000 символов на каждый жанр в одном языке). На данном материале были выявлены и распределены в отдельные классы 2426 английских специальных лексических единиц и 2465 немецких специальных лексических единиц. В результате исследования установлено, что доля разрядов специальной лексики в научно-технических текстах соответствующих жанров в английском и немецком языках примерно одинакова. Во всех проанализированных научно-популярных, собственно-научных и учебных текстах доля терминов преобладает многократно. Наибольшее количество терминов употребляется в учебных текстах. В научно-популярных текстах номены используются активнее, чем в текстах других жанров. Терминоиды и профессионализмы в изученных текстах используются очень редко.

Ключевые слова: научно-технический текст, специальная лексика, типы специальных лексем, жанр текста, термин

Для цитирования: Шарафутдинова Н.С. (2021). Функционально-стилистические типы специальной лексики в научно-технических текстах (на материале авиационной лексики английского и немецкого языков). *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 46–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-46-56>

Введение

Исследование языка науки и техники является перспективным направлением в лингвистике, поскольку непрерывный научно-технический прогресс находит отражение в языке: создаются новые специальные лексические единицы для наименования последних технических изобретений. В терминоведческой литературе много работ, посвящённых вопросам языка отдельных отраслей техники, как правило, терминологии. Однако на сегодняшний день недостаточно изучены другие разряды специальной лексики, их доля в научно-технических текстах.

Актуальность темы исследования объясняется востребованностью работ о современном языке отдельных областей знания, в частности о функционировании специальной лексики в научно-технических текстах различных жанров. Сами научно-технические тексты также претерпевают изменения и тем самым нуждаются в лингвистических исследованиях.

Цель статьи – изучить количество и долю функционально-стилистических типов специальной лексики в научно-технических текстах трёх жанров в английском и немецком языках.

Научно-технические тексты создаются на основе специальной, общенаучной (и/или общетехнической) и общеупотребительной лексики. Общенаучные лексические единицы (напр., *система, структура*) и общетехнические термины (напр., *двигатель, измерение*) отличаются от отраслевых терминов тем, что они не относятся к какой-либо отдельной области знания и не закреплены за текстами определённой предметной области, а используются для того, чтобы правильно структурировать текст и выразить логику рассуждения. Общеупотребительная лексика используется вне зависимости от стиля или жанра текста и тем самым является неотъемлемой частью текста любого стиля и жанра.

Материалом для исследования послужили научно-популярные статьи из авиационных электронных журналов, освещающих последние достижения авиационной науки, отдельные главы кандидатских диссертаций, а также фрагменты учебных пособий по авиации. Данный выбор объясняется двумя факторами: во-первых, тексты трёх вышеуказанных жанров (научно-популярных статей, научных диссертаций, учебных пособий) являются наиболее распространёнными, к тому же первичными и, как следствие, обладают собственными характерными признаками; во-вторых, авиация является одной из сложнейших и интенсивно развивающихся отраслей техники. Объём проанализированных текстов составляет приблизительно 180 000 символов (30 000 символов на каждый жанр в одном языке). В ходе исследования выявлено и распределено по группам 4891 единица специальной лексики (2426 специальных лексических единиц в англоязычном материале и 2465 специальных лексических единиц в немецкоязычном материале).

1. Типология отраслевой лексики

В терминоведческой литературе неоднократно обсуждались и корректировались типы специальных лексем [см.1, с. 20-53; 5, с. 72-73]. На наш взгляд, отраслевая (специальная) лексика в научно-технических текстах вышеуказанных жанров включает в себя лексические единицы, называющие предметы и явления определённой отрасли или области знания, и делится на термины, номены, терминоиды, профессионализмы и прагмонимы [4, с.16]. Основное и значительное место в специальной лексике занимает отраслевая терминология. Отраслевая терминология – это постоянно эволюционирующая под влиянием особых лингвистических и экстралингвистических факторов системно организованная совокупность терминов определённой области науки или отрасли техники.

Термины являются важнейшим подвидом специальной лексики, поскольку идентифицируют объекты и понятия той или иной области знания. Основные признаки термина: соотносённость со специальным понятием, системность и наличие дефиниции. Желательные свойства идеального термина: точность, однозначность, независимость от контекста, отсутствие синонимов, краткость, стилистическая нейтральность, логичность, удобность для создания производных терминов [1, с. 25-41], [4, с. 27-32], [9, с. 25-28]. Желательными свойствами обладают не все термины. Как известно, термин отличается от других слов тем, что создаётся искусственно для называния специального понятия. Эндогенные термины, созданные по словообразовательным моделям своего языка, мотивированы. Термины, заимствованные из других языков, не являются мотивированными или дают ложную мотивацию. Следует заметить, что употребление в научно-техническом тексте терминов-слов заметно снижается, поскольку однословные термины (унитермы) не всегда способны называть сложные технические процессы, артефакты и их свойства. Как следствие в английском и немецком языках растёт число терминологических словосочетаний устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух. Справедливо за-

мечает Т.А. Кудинова, что «Преобладание терминов-словосочетаний в современных научно-технических текстах вызвано необходимостью номинации сложных составных понятий, уточнения профессиональных объектов и понятий по мере познания их сущности и открытия новых сторон изучаемых явлений» [2, с. 58], см. также [8, с. 68], [9, с. 87]. Термины-словосочетания позволяют конкретизировать значение и точнее разграничивать различные понятия.

Термин служит конкретным именем научного понятия, обозначает объект или процесс определённой области науки. В.М. Лейчик и С.Д. Шелов в статье “Terminology: Where is Russian Science Today?” отмечают, что именно это свойство термина делает его термином [6, с. 84]. Описывая свойства отраслевого термина, немецкий терминолог Хартвиг Калверкемпер (Hartwig Kalverkämper) подчёркивает огромную роль терминологических единиц в интернационализации профессиональной коммуникации [7, с. 44]. Общеизвестно, что значительное количество терминов во всех языках образовано на базе греческих и латинских элементов и тем самым имеет интернациональный характер.

Сегодня в терминологиях наблюдается тенденция к номинализации. Не углубляясь в обсуждение вопроса о принадлежности терминов к частям речи, отметим лишь, что терминами могут быть лексические единицы, относящиеся не только к имени существительному, но и к глаголу (например: нем. *rundfunken* – передавать по радио, нем. *landen* – делать посадку); к прилагательному (нем. *flugfähig* – полётопригодный).

Наряду с терминами в авиационных текстах употребляются и другие типы специальной лексики, как-то: номены, прагмонимы, профессионализмы и терминоиды. Рассмотрим их основные характеристики.

Номены (номенклатурные наименования) являются второй по значимости разновидностью специальной лексики после терминов. В языке техники номены называют конкретные, серийно производимые модели и марки изделий данной отрасли техники (летательных аппаратов, двигателей, радаров и т.д.), а также единичные понятия как названия авиапредприятий, например: Airbus, Boeing. Научно-технический номен представляет собой символослово, состоящее из буквенной и цифровой частей. Причём каждый его элемент несёт значение. Например:

A320 – узкофюзеляжный 150-местный пассажирский самолёт с электродистанционной системой управления, базовая модель семейства среднемагистральных самолетов Airbus [Skyships RU].

A320neo – модификация самолёта семейства A320 [там же]. В этом номенклатурном наименовании элемент *neo* является аббревиатурой английского словосочетания *New Engine Option* (новые варианты двигателей).

Airbus A300-600 ST – широкофюзеляжный реактивный грузовой самолёт европейского консорциума “Airbus S.A.S” для транспортировки крупногабаритных грузов [Летающий кит. Аэробус A300-600 ST Beluga]. Пример употребления номена в электронном немецкоязычном авиационном словаре: “**Airbus A300-600 ST Beluga**: mit 1.400 m³ der weltweit größte Frachtraum zum Transport der Airbusteile” [Flugzeug-Lexikon]. – Аэробус A 300-600 ST Beluga: с объёмом 1400 м³ самый большой в мире грузовой отсек для перевозки деталей самолёта. (Здесь и далее выделено нами – Н.Ш., перевод примеров наш – Н.Ш.). В этом номенклатурном наименовании элемент ST – аббревиатура английского словосочетания *Super Transporter* (сверхмощный грузовой самолёт). Добавление нового элемента в словообразовательную структуру номенклатурного наименования меняет его значение.

Прагмонимы – коммерческие названия и товарные знаки, созданные производителями в целях успешной коммерции и рекламы изделия. Ряд лингвистов вместо слова «прагмоним» использует «прагматоним», вкладывая в него это же значение [см. 3]. Прагмоним выражает положительный отличительный признак изделия (например, летательного аппарата, радара) и служит его привлекательным именем. Так, в английском наименовании Airbus A300-600ST “Beluga” прагмонимом является “Beluga”. Самолёт получил это имя в связи с тем, что по своей форме напоминает кита белуху. Прагмоним может употребляться также отдельно без номенклатурного наименования или термина. Например: “Die “Beluga” fliegt in einer Höhe von 10.700 m ...”. [Flugzeug-Lexikon]. – «Beluga» летит на высоте 10 700 м ...

Профессионализмы – это неофициальные, не стандартизованные наименования специальных понятий. Большинство профессионализмов обладает эмоциональной окраской и образностью. Например: (нем.) *Bauchlandung* – аварийная посадка “на брюхо”. Профессионализмы употребляются вместо термина, как правило, в устной неформальной производственной коммуникации. Однако надёжного критерия для разграничения терминов и профессионализмов не существует.

Для **терминоидов** характерна зависимость от контекста, отсутствие точности в значении, допустимость коннотации. Терминоид не имеет дефиниции, она у терминоида находится в стадии формирования.

Для решения поставленной задачи далее проводится подсчёт доли каждой разновидности специальной лексики в анализируемых текстах.

2. Анализ специальной лексики англоязычных текстов

В процессе изучения научно-популярных статей по авиации на английском языке была выявлена 691 единица специальной лексики: 476 терминов, 192 номена, 22 прагмонима и 1 терминоид. Следует отметить преобладание терминов по сравнению с любыми другими типами специальной лексики (доля терминов составляет 68,89%). Доля номенов в специальной лексике в научно-популярных статьях составляет 27,79%. На прагмонимы приходится 3,18% специальной лексики, на терминоиды – менее одного процента (0,14%). Профессионализмы не обнаружены в исследованных текстах. Следующие примеры служат иллюстрацией функционирования разных типов специальной лексики в англоязычных научно-популярных журналах:

Термины: *airplane* (самолёт), *aircraft engine* (авиационный двигатель), *electrical power generation system* (система выработки электроэнергии), *hydrogen technology-based electrical power generation system* (система выработки электроэнергии на основе водородной технологии) [Aviation today, June 20, 2021].

Номены: *The Boeing MQ-25A*. [Aviation Today, June 7, 2021]. *Boeing's 737-10, the largest airplane in the 737 MAX family* [Aviation today, June 20, 2021]. – Боинг 737-10, самый большой самолёт в семействе 737 MAX. (Здесь и далее выделено нами – Н.Ш., перевод примеров наш – Н.Ш.).

Прагмоним: *The Black Cats are the Royal Navy's helicopter display team and perform using two Royal Navy Lynx helicopters*. [Military Airshows in the UK, 2021]. – Чёрные кошки – это вертолётная демонстрационная группа Королевского военно-морского флота, выступающая с использованием двух вертолётов Lynx (Рысь) Королевского флота.

Терминоид “air taxi”: *Will the public approve of multiple “air taxis” flying overhead at any given moment?* [Aviation Today, June 21, 2021]. – Одобрят ли общественность «воздушные такси», летающие над головой в любое время?

В ходе анализа собственно научных текстов по авиации на английском языке на примере фрагментов кандидатской диссертации “Investigation of coupled Rotor-Drivetrain-Airframe-Engine Vibrations using Dynamic Substructuring” американского инженера Стейси Сайдл (Stacy Sidle) было выявлено 925 единиц специальной лексики: из них 868 терминов, 39 номенов, 16 терминоидов, 1 профессионализм, 1 прагмоним. По сравнению с научно-популярными статьями заметен значительный рост доли терминов с 68,89% до 93,84%, сопровождаемый резким снижением доли номенов с 27,79% до 4,22%. Доля терминоидов в исследуемом фрагменте диссертации составляет 1,73%, профессионализмы (0,11%) и прагмонимы (0,11%) встречаются редко.

Малое количество номенклатурных обозначений в тексте диссертации, по сравнению с научно-популярными статьями, можно объяснить тем, что собственно научные тексты направлены на более узкий круг читателей-специалистов и, как правило, затрагивают теоретические вопросы. По этой причине номенклатурные наименования, называющие модели и модификации летательных аппаратов (напр., *AH-1G airframe* [Sidle, с. 10], *rotor helicopter SH-60B* [там же, с. 15], *NASTRAN FE model of GE CT7-8* [там же, с. 108]) употребляются в научном тексте нечасто. В диссертации встречаются единичные прагмонимы (*Superstar* – название GPS-приёмника), терминоиды (*pendulum-like motion* – движение, подобное движению маятника) и

профессионализмы (*bottom out* – достигать критической точки / находиться на самом низком уровне).

В процессе анализа 4-й и 5-й глав учебника по авиации “Advanced Avionics Handbook” выявлено 810 единиц специальной лексики: из них 794 термина, 13 номенов, 1 терминойд, 2 прагмонима. По сравнению с научно-популярными и научными статьями наблюдается дальнейшее сокращение доли номенов (1,62%) и увеличение доли терминов (98,02%). Доля терминойдов (0,12%) и прагмонимов (0,24%) составляет менее 1%.

Таким образом, отраслевые термины преобладают во всех трёх анализируемых жанрах англоязычных научно-технических текстов. При этом учебные тексты, по сравнению с другими жанрами, содержат больше терминов, причём большинство из них являются терминологическими словосочетаниями. Например: *vertical speed indicator* [Advanced Avionics Handbook, с. 4-5] – указатель вертикальной скорости; *flight director* [там же, с. 4-5] – командно-пилотажный прибор; *multi-function display* [там же, с. 4-17] – многофункциональный дисплей; *onboard weather radar system* [там же, с. 5-10] – бортовая метеорологическая радиолокационная система. Многословные терминологические словосочетания при первом употреблении вводятся с соответствующей аббревиатурой. Например:

These instruments can be displayed in a variety of views, and can be coupled to many of the navigation receives (e.g. instrument landing system (ILS), global positioning system (GPS)) ... available in the aircraft. [там же, с. 2-3]. – Эти приборы могут быть отображены на дисплее в различных видах и могут быть соединены со многими навигационными приёмниками (например, системой посадки по приборам (ILS), глобальной спутниковой навигационной системой (GPS)) ..., доступными в самолёте.

3. Анализ специальной лексики немецкоязычных текстов

Анализ немецкоязычных научно-популярных статей по авиации общим объёмом 718 единиц специальной лексики показал наличие 489 терминов, 203 номенов, 24 прагмонимов, 1 профессионализма и 1 терминойда. Отмечается преобладание терминов по сравнению с любыми другими типами специальной лексики (доля терминов составляет 68,11%; доля номенов – 28,27%; на прагмонимы приходится 3,35% специальной лексики, на терминойды и профессионализмы – по 0,14%). Следующие немецкоязычные примеры служат иллюстрацией употребления разных типов специальной лексики:

Термины: *Tankflugzeug, Tanker* [Flug Revue. 21.06.2021]. – Самолёт-заправщик, заправщик.

Номены: *Die Suchoi Su-30 ist eine Zweisitzer-Variante der Su-27* [Flug Revue. 21.06.2021. *Kampfflugzeuge*]. – Су-30 – двухместный вариант Су-27.

Профессионализмы: *Die Anforderungen für diese "Brückentanker" werden gerade definiert.* [Flug Revue. 21.06.2021]. – Требования для самолёта-заправщика на промежуточном этапе развития уже определены.

Прагмонимы: *Das "Pegasus" genannte Derivat der 767-200ER kämpft nach wie vor mit gravierenden Problemen.* [FlugRevue. 21.06.2021]. – Модификация 767-200ER, так называемый «Пегас», всё ещё борется с серьёзными проблемами.

Hubschrauber Tiger und NH90. [Aerokurier. 10.04.2020] – Вертолёт Тигр и NH90. В последних двух примерах лексические единицы "Pegasus", *Tiger* являются прагмонимами, 767-200ER, NH90 – номенами.

Терминойд: *Er möchte wissen, ob im Flugverkehr wie auf der Autobahn eine Rettungsgasse freigemacht wird, wenn ein Rettungshubschrauber im Anflug ist. Über dem Flugplatz in seiner Nähe beobachte er, dass sich Rettungs- und Freizeitflieger manchmal etwas nahekomen.* [MDR Aktuell. 15.07.2020]. – Он хотел бы знать, освобождается ли в воздушном транспорте аварийная полоса движения как на автомагистрали вертолёту поисково-спасательной службы, когда он подлетает. Над аэродромом вблизи своего дома он наблюдает, как иногда вертолёт поисково-спасательной службы и рекреационный вертолёт сближаются. В данном примере слово *Freizeitflieger* является терминойдом, оно не зафиксировано в авиационных словарях. *Flieger* – краткая форма терми-

на летательный аппарат, однако мы перевели *Freizeitflieger* на русский язык как *рекреационный вертолёт*.

Для анализа собственно научных текстов на немецком языке был изучен фрагмент (с. 9-35) диссертации на авиационную тематику автора Len Schumann. В исследованном материале 819 лексических единиц относятся к специальной лексике. Из них терминами являются 725 специальных лексических единиц, номенами – 80 единиц, прагмонимами – 9 единиц, терминоидами – 5 единиц. Таким образом, доля терминов в собственно-научном тексте составляет 88,52%; доля номенов – 9,77%; доля прагмонимов – 1,1%; доля терминоидов – 0,61%. Профессионализмы не выявлены в тексте диссертации на немецком языке.

Термины в собственно-научном тексте вышеназванной диссертации [Schumann] имеют различные формы архитектурной структуры. Например, краткие формы термина: *Multikopter* [с. 10], *Drehflügler* [с. 10], *Akku* [с. 12]; сложные термины: *e-Flugzeug* [с. 11], *Klein-UAS* [с. 9], *Solarflugzeug* [с. 17], *Propellerstrahlgeschwindigkeit* [с. 32]; терминологические словосочетания: *unbemanntes Elektroflugzeug* [с. 9], *zweisitziges UL-Segelflugzeug* [с. 17], *batteriebetriebenes Elektroflugzeug* [с. 32].

Номены летательных аппаратов, например, *Taurus G4* [с. 19], *Allison 250-B17E* [с. 27], авиационных моторов, например, *Lycoming 0-360* [с. 35] употребляются в немецкоязычной диссертации достаточно часто.

Прагмонимы употребляются в немецкоязычном диссертационном тексте в малом количестве, как-то: *Gossamer Albatross*, *Gossamer Penguin* [с. 12].

Терминоиды в собственно-научном тексте употребляются редко. Пример терминоида: *Üblicherweise wird die Zusammenschaltung der Batteriezellen „Akkupack“ genannt* [Schumann, с. 24]. – Совместное включение элементов батареи обычно называют «аккумуляторной батареей».

Материалом для анализа немецкоязычных учебных текстов послужили фрагменты (с. 20, с. 55-80) учебника по авионике немецкого учёного Холгера Флюра (Holger Flühr) „Avionik und Flugsicherungstechnik“. Количество специальных лексических единиц составляет 928. Из них к терминам относится 909 единиц (97,95%), номеном являются 15 единиц (1,61%), профессионализмом – 2 единицы (0,22%), терминоидом – 2 единицы (0,22%). Прагмонимы не выявлены в изученном фрагменте учебника. Учебный текст заметно отличается от научно-популярных и научных статей большим количеством терминов, содержащих в своей структуре аббревиатуры, символы, а также наличием в тексте значительного количества формул, схем, рисунков и таблиц. Все аббревиатуры поясняются в тексте. Например:

Die UTM-Projektion (Universal Transverse Mercator Projection) verläuft nach demselben Schema wie die Gauß-Krüger-Projektion. [Flühr, S. 60]. – Проекция UTM (универсальная поперечная проекция Меркатора) следует той же схеме, что и проекция Гауса-Крюгера.

Следует заметить, что аббревиатура новых терминов указывается в скобках с целью ознакомления обучаемых с разными формами употребления термина. В дальнейшем аббревиатура часто используется для создания нового термина, то есть входит в структуру сложного или составного термина. Например:

Die Differenz entspricht der Abweichung vom gewählten Kurs, die am Course Deviation Indicator (CDI) zur Anzeige gebracht wird [там же, с. 80]. – Разница соответствует отклонению от выбранного курса, которое отображается на индикаторе отклонения от курса (CDI). **CDI-Zeiger** [там же] – указатель CDI.

Новые для студентов эндогенные термины вводятся в учебном тексте в сопровождении англоязычного эквивалента в скобках. Например:

Ungerichtete Funkfeuer (Non Directional Beacon) stellen mit die ältesten Radionavigationshilfen dar [там же, с. 60]. – Приводные радиомаяки представляют собой самые старые радионавигационные средства.

Профессионализмы: „Greenwich-Länge“ [там же, с. 57], „home in“ [там же, с. 60].

Die x-Achse schneidet weiter die Ebene des Nullmeridians („Greenwich-Länge“). [там же, S.57]. – Ось x продолжает пересекать плоскость нулевого меридиана («Линию в Гринвиче»).

Dieses Prinzip der Seitenpeilung wurde primär dazu genutzt, um zur Station zu finden („home in“) [там же, с. 60]. – Этот принцип бокового пеленга использовался в основном для поиска станции («домой»).

Терминоиды: *Ebenso führten sprunghafte Veränderungen der Leitfähigkeit an der Erdoberfläche zu Feldverzerrungen, die als „Küsteneffekt“ bekannt sind* [там же, с. 69]. – Резкие изменения электропроводимости на земной поверхности также привели к искажениям поля, известным как «береговой эффект».

Таким образом, в немецкоязычных научно-популярных, собственно-научных и учебных текстах, как и в англоязычных, доля терминов преобладает многократно.

4. Сравнительный анализ английских и немецких текстов

Доля в процентах каждого из пяти типов специальной лексики (терминов, номенов, прагматимов, терминоидов, профессионализмов) в научно-популярных статьях, собственно научных текстах (диссертациях) и учебных пособиях на английском и немецком языках наглядно представлена в таблице «Типы специальной лексики в научно-технических текстах различных жанров в процентах».

Таблица. Типы специальной лексики в научно-технических текстах различных жанров в процентах

Типы специальной лексики	Научно-популярные статьи		Собственно научные статьи (диссертации)		Учебные пособия	
	Англ.	Нем.	Англ.	Нем.	Англ.	Нем.
Термины	68,89	68,11	93,84	88,52	98,02	97,95
Номены	27,79	28,27	4,22	9,77	1,62	1,61
Прагматимы	3,18	3,35	0,11	1,1	0,24	0
Терминоиды	0,14	0,14	1,73	0,61	0,12	0,22
Профессионализмы	0	0,14	0,11	0	0	0,22

Как видно из таблицы, состав специальной лексики в англоязычных и немецкоязычных научно-технических текстах примерно одинаковый. Во всех изученных текстах трёх жанров преобладают термины. Наибольшее количество терминов употребляется в учебных текстах (98,02% в английском языке и 97,95% в немецком языке). В научно-популярных текстах термины используются относительно меньше, чем в текстах других двух жанров, (68,89% в английском языке и 68,11% в немецком языке). Однако именно в научно-популярных текстах номены и прагматимы употребляются активнее, чем в текстах остальных жанров, (номены составляют 27,79% в английском языке и 28,27% в немецком языке; количество прагматимов в английском языке – 3,18% и в немецком языке – 3,35%). Терминоиды употребляются одинаково редко в англоязычных и немецкоязычных текстах всех трёх жанров. В письменных научно-технических текстах крайне редко употребляются профессионализмы, характерные для устной формы профессиональной коммуникации.

Выводы

Таким образом, доля функционально-стилистических типов специальной лексики в англоязычных и немецкоязычных научно-технических текстах соответствующих жанров примерно одинакова. Доминирующим типом специальной лексики во всех исследованных научно-технических текстах на английском и немецком языках являются отраслевые термины. При этом тексты научно-популярных статей являются более разнообразными по составу из-за относительно высокой доли номенов и прагматимов. Наблюдаются незначительные различия в размерах долей номенов и прагматимов в научных статьях английского и немецкого языков. Тот факт, что разноразличные научно-технические тексты одного и того же жанра имеют много сходств в употре-

блении специальных лексических единиц, свидетельствует о тенденции к интернационализации научных текстов, а интернационализация способствует успешной межкультурной профессиональной коммуникации.

Полученные выводы могут быть полезны как при исследовании, так и при составлении научно-популярных текстов, собственно научных статей, учебных пособий на английском и немецком языках. Перспективным представляется изучение функционирования специальных лексических единиц в научных текстах и других жанров.

© Шарафутдинова Н.С., 2021

Список литературы

1. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов вузов / С.В. Гринев-Гриневич. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
2. Кудинова Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2(14). С. 58-62. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/2.2011/kudinova.pdf> (Дата доступа 22.07.2021)
3. Стомпель Е.М. Прагматимы как особый тип номинации / Е.М. Стомпель, Т.С. Спирина // Гуманитарные исследования. 2013. № 3 (47). С. 81-85.
4. Шарафутдинова Н.С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме: монография / Н.С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 204 с.
5. Leitchik V.M. Optimal means of terminological nomination (Is a special notion designated or is it expressed by a term? / V.M. Leitchik, E.A. Nikulina // L.A. Manerko /K.-D. Baumann /H. Kalverkämper (eds.). Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future. Berlin: Frank and Timme, 2014. pp. 65-76.
6. Leitchik V.M. Terminology: Where is Russian Science Today? / V.M. Leitchik, S.D. Shelov // LSP & Communication, Volume 3, No 1, 2003. pp. 82-109. [Электронный ресурс] – URL: <https://rauli.cbs.dk/index.php/LSP/issue/view/277> (Дата доступа 22.07. 2021)
7. Kalverkämper H. Wissenstransfer und Wissenschaftsnetzwerk als Chance der interkulturellen Verständigung // L.A. Manerko /K.-D. Baumann /H. Kalverkämper (eds.). Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future. Berlin: Frank and Timme, 2014. pp. 35-62.
8. Moskowich I. Morphologically complex nouns in English Scientific Texts after Empiricism. Linguistik Online. 2010. Bd.43. Nr. 3. [Электронный ресурс] – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/download/413/656?inline=1> (Дата доступа 22.07. 2021).
9. Roelcke T. Fachsprachen / T. Roelcke. 3., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 269 S.

Источники иллюстративного материала

1. Летающий кит. Аэробус A300-600 ST Beluga. [Электронный ресурс] – URL: <https://topwar.ru/85474-letayuschiy-kit-aerobus-a300-600st-beluga.html> (дата доступа 21.09.2021).
2. Advanced Avionics Handbook. Washington: U.S. Department of Transportation, Federal Aviation Administration, Flight standard Service, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.faa.gov/regulations_policies/handbooks_manuals/aviation/advanced_avionics_handbook/media/FAA-H-8083-6.pdf (Дата доступа 23.07.2021).
3. aerokurier10.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aerokurier.de/luftfahrtregion-bodensee-tradition-und-moderne/> (Дата доступа 23.07.2021).
4. Aviation today. June 7, 2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.aviationtoday.com/2021/06/07/mq-25-model-conducts-first-unmanned-aerial-refueling/> (Дата доступа 23.07.2021).
5. Aviation today. June 20, 2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.aviationtoday.com/2021/06/20/whats-trending-in-aerospace-june-20-2021/> (Дата доступа 23.07.2021).
6. Aviation today. June 21, 2021. URL: <https://www.aviationtoday.com/category/air-taxi/> (Дата доступа 23.07.2021).
7. Flug Revue. 21.06.2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.flugrevue.de/militaer/neue-ausschreibung-kauft-die-us-air-force-doch-noch-airbus-tanker/> (Дата доступа 23.07.2021).
8. Flug Revue. 21.06.2021. Kampfflugzeuge. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.flugrevue.de/militaer/suchoi-su-57-zwei-sitze-fuer-den-exportmarkt/> (Дата доступа 23.07.2021).
9. Flühr, Holger. Avionik und Flugsicherungstechnik: Einführung in Kommunikationstechnik, Navigation, Surveillance. 2., erweiterte Auflage, Berlin, Heidelberg: Springer Vieweg, 2012. 371 S.
10. Flugzeug-Lexikon. [Электронный ресурс] – URL: https://www.flugzeug-lexikon.de/ILA_2004/Grossraumflugzeuge/Airbus_Beluga/airbus_beluga.html (Дата доступа 22.09.2021)
11. MDR Aktuell. 15.07.2020. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/panorama/hmp-flugrettung-regelen-luftfahrt100.html> (Дата доступа 23.07.2021).

12. Military Airshows in the UK, 2021. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.military-airshows.co.uk/teamj.htm> (Дата доступа 23.07.2021).
13. Schumann, Len. Reduktion des Energiebedarfs mittels eines batterieelektrischen Antriebs am Beispiel eines Kleinflugzeugs. Dissertation. Stuttgart: Universität Stuttgart, Institut für Flugzeugbau, 2018. 133 S.
14. Sidle, Stacy. Investigation of coupled rotor-drivetrain-Airframe-Engine Vibrations using Dynamic Substructuring. Dissertation, University Maryland: College Park: Aerospace Engineering, 2020. [Электронный ресурс] – URL: file:///C:/Users/Home/Downloads/Sidle_umd_0117E_21311.pdf (Дата доступа 22.07.2021).
15. Skyships RU. [Электронный ресурс] – URL: http://skyships.ru/?page_id=5888 (Дата доступа 21.09.2021).

References

1. Grinev-Grinevich, S.V. *Terminovedenie: uchebnoe posobie dlia studentov vuzov* [Terminology science] / S.V. Grinev-Grinevich. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademii», 2008. 304 s.
2. Kudina, T.A. K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere angliiskogo pod"iazyka biotekhnologii) [On nature of the multicomponent term (on English sublanguage of biotechnologies)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia*. 2011. Vyp. 2(14), S. 58-62. [Electronic resource] – URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/2.2011/kudina.pdf> (Accessed 22.07.2021)
3. Stompel', E.M., Spirina T.S. Pragmonimy kak osobyi tip nominatsii [Pragmonyms as a special type of nomination] // *Gumanitarnye issledovaniia*. 2013. № 3 (47). S. 81-85.
4. Sharafutdinova, N.S. *Leksiko-semanticheskie protsessy v nemetskoj aviatsionnoi terminosisteme*: monografiia [Lexico-semantic processes in the German aviation terminology system] / N. S. Sharafutdinova. Ul'ianovsk: UIGTU, 2016. 204 s.
5. Leitchik, V.M., Nikulina, E.A. Optimal means of terminological nomination (Is a special notion designated or is it expressed by a term? // L.A. Manerko /K.-D. Baumann /H. Kalverkämper (eds.). *Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future*. Berlin: Frank and Timme, 2014. pp. 65-76.
6. Leitchik, V.M., Shelov, S.D. Terminology: Where is Russian Science Today? *LSP & Communication*. Volume 3, No 1, 2003. pp. 82-109. [Electronic resource] – URL: <https://rauli.cbs.dk/index.php/LSP/issue/view/277> (Accessed 22.07.2021)
7. Kalverkämper, H. Wissenstransfer und Wissenschaftsnetzwerk als Chance der interkulturellen Verständigung // L.A. Manerko /K.-D. Baumann /H. Kalverkämper (eds.). *Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future*. Berlin: Frank and Timme, 2014. pp. 35-62.
8. Moskowich, I. Morphologically Complex Nouns in English Scientific Texts after Empiricism // *Linguistik Online*. 2010. Bd.43. No 3. [Electronic resource] – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/download/413/656?inline=1> (Accessed 22.07.2021)
9. Roelcke, T. *Fachsprachen* / T. Roelcke. 3., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 269 S.

Sources of illustrative material

1. Letaiushchii kit. Airbus A300-600 ST Beluga. [The flying whale. Airbus A300-600 ST Beluga], <https://topwar.ru/85474-letayushchii-kit-aerobus-a300-600st-beluga.html> (Accessed 21.09.2021).
2. Advanced Avionics Handbook. Washington: U.S. Department of Transportation, Federal Aviation Administration, Flight standard Service, 2009, https://www.faa.gov/regulations_policies/handbooks_manuals/aviation/advanced_avionics_handbook/media/FAA-H-8083-6.pdf (Accessed 23.07.2021).
3. Aerokurier10.04.2020, <https://www.aerokurier.de/luftfahrtregion-bodensee-tradition-und-moderne/> (Accessed 23.07.2021).
4. Aviation today. June 7, 2021, <https://www.aviationtoday.com/2021/06/07/mq-25-model-conducts-first-unmanned-aerial-refueling/> (Accessed 23.07.2021).
5. Aviation today. June 20, 2021, <https://www.aviationtoday.com/2021/06/20/whats-trending-in-aerospace-june-20-2021/> (Accessed 23.07.2021).
6. Aviation today. June 21, 2021, <https://www.aviationtoday.com/category/air-taxi/> (Accessed 23.07.2021).
7. Flug Revue 21.06.2021, <https://www.flugrevue.de/militaer/neue-ausschreibung-kauft-die-us-air-force-doch-noch-airbus-tanker/> (Accessed 23.07.2021).
8. Flug Revue 21.06.2021. Kampfflugzeuge, <https://www.flugrevue.de/militaer/suchoi-su-57-zwei-sitze-fuer-den-exportmarkt/> (Accessed 23.07.2021).
9. Flühr, Holger. Avionik und Flugsicherungstechnik: Einführung in Kommunikationstechnik, Navigation, Surveillance. 2., erweiterte Auflage, Berlin, Heidelberg: Springer Vieweg, 2012. 371 S.
10. Flugzeug-Lexikon, https://www.flugzeug-lexikon.de/ILA_2004/Grossraumflugzeuge/Airbus_Beluga/airbus_beluga.html (Accessed 22.09.2021).
11. MDR Aktuell. 15.07.2020, <https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/panorama/hmp-flugrettung-regeln-luftfahrt100.html> (Accessed 23.07.2021).
12. Military Airshows in the UK, 2021, <http://www.military-airshows.co.uk/teamj.htm> (Accessed 23.07.2021).
13. Schumann, Len. Reduktion des Energiebedarfs mittels eines batterieelektrischen Antriebs am Beispiel eines Kleinflugzeugs. Dissertation. Stuttgart: Universität Stuttgart, Institut für Flugzeugbau, 2018. 133 S.
14. Sidle, Stacy. Investigation of coupled rotor-drivetrain-Airframe-Engine Vibrations using Dynamic Substructuring. Dissertation, University Maryland: College Park: Aerospace Engineering, 2020, file:///C:/Users/Home/Downloads/Sidle_umd_0117E_21311.pdf (Accessed 22.07.2021).

15. Skyships RU, http://skyships.ru/?page_id=5888 (Accessed 21.09.2021).

Сведения об авторе:

Шарафутдинова Насима Саетовна – доктор филологических наук (Германские языки – 10.02.04), доцент, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Ульяновского государственного технического университета (Россия, г. Ульяновск). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка, язык для специальных целей, научно-техническая терминология, межкультурная профессиональная коммуникация. E-mail: nassima@mail.ru

About the author:

Nasima S. Sharafutdinova – Doctor of Philology (Germanic Languages – 10.02.04), Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russia). Spheres of research and professional interests: lexicology of the German language, language for special purposes, scientific and technical terminology, intercultural professional communication. E-mail: nassima@mail.ru

* * *

ON INTRODUCING FREE INDIRECT SPEECH IN RUSSIAN TRANSLATION DESPITE THE ABSENCE OF CORRESPONDING STRUCTURES IN THE ENGLISH ORIGINAL

Anastasia D. Alimova

Moscow State Linguistic University,
Ostozhenka 38-1, Moscow, 119034, Russia

Abstract. *The article analyzes the most typical cases of introducing free indirect speech in the Russian translation where there are no corresponding structures in the English original. Typical non-free-indirect-speech structures and contexts in the source text are explored, such as may materialize as free indirect speech in the target text. The study employs qualitative methods including lexical-semantic, contextual and comparative analysis of the source text and the target text. As for the structure, this paper has been divided into two parts. First, a theoretical background for the problem is established, involving the theories by Ia. I. Retsker and D. V. Psurtsev. The paper then goes on to examine translators' choices to generate new interference of the narrator's text and the character's text. The cases when free indirect speech may arise in the Russian translation are typically based on kindred forms of the character's speech representation in the English original, long descriptions of a situation where the character acts, complex sentences with content clauses, containing the character's thoughts and emotions. The analysis suggests that the decision to introduce free indirect speech patterns into translation can be based on the typological differences between the languages in question, or on logical and stylistic "inclinations" of a given fragment. Therefore, the decisions to introduce free indirect speech fall into two groups, obligatory and possible respectively. If such choices by Russian translators constitute a tendency, a certain correlation of syntactic patterns and contexts may be established. The results obtained in the study may be used by translators of literary texts.*

Keywords: *free indirect speech, free indirect discourse, translation, translation studies, linguistics, textual interference, correlation of patterns, literary text*

For citation: Alimova, A.D. (2021). On Introducing Free Indirect Speech in Russian Translation Despite the Absence of Corresponding Structures in the English Original. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 57–65. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-57-65>

О СЛУЧАЯХ ВВЕДЕНИЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ОТСУТСТВИИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТРУКТУР В АНГЛИЙСКОМ ОРИГИНАЛЕ

А.Д. Алимова

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Аннотация. В статье рассматриваются основные случаи введения несобственно-прямой речи (НПР) в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в английском оригинале. Цель исследования заключалась в том, чтобы в результате рассмотрения текстов оригинала и перевода выявить типичные грамматические конструкции и надфразовые синтаксические структуры в английском языке, которые обычно передаются на русский язык с помощью НПР. Основными методами исследования стали лексико-семантический, контекстуальный и сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода. Рассмотрению полученных результатов предшествует теоретическое обоснование возможности проведения переводоведческого исследования НПР, в частности в качестве основных теоретических трудов, позволяющих говорить о закономерных соответствиях НПР при переводе, приводятся работы Я. И. Рецкера и Д. В. Псурсева. Далее в статье представлен анализ конкретных решений переводчиков, в том числе их подход к созданию текстовой интерференции (взаимодействие текста автора и текста персонажа), которая лежит в основе построения данного художественного приёма. Было установлено, что посредством НПР могут передаваться английские сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными, содержащие указание на мысли или чувства персонажа, а также другие формы чужой речи; кроме того, художественный приём могут вводить в развёрнутые описания, в том числе событий, участником которых является персонаж. Таким образом, введение НПР в текст перевода при отсутствии её в оригинале может объясняться либо различиями в грамматическом строе русского и английского языков, либо особой стилистической организацией и логикой построения фрагмента текста. В первом случае решение ввести в текст перевода НПР будет носить скорее обязательный характер, во втором – представлять собой одно из факультативных решений. Представляется, что, если переводческие решения имеют систематический характер, можно говорить о закономерных соответствиях. Результаты исследования могут использоваться практикующими переводчиками художественной литературы.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, перевод, переводоведение, лингвистика, текстовая интерференция, закономерные соответствия в синтаксисе, художественная литература

Для цитирования: Алимова А.Д. (2021). О случаях введения несобственно-прямой речи в текст русского перевода при отсутствии соответствующих структур в английском оригинале. Филологические науки в МГИМО. 7(5), С. 57–65. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-57-65>

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) – художественный приём, окончательно сформировавшийся к началу XX века и ставший одним из неотъемлемых компонентов современных произведений. Широкую распространённость НПР можно объяснить множеством выполняемых ею функций, позволяющих использовать её в текстах различных литературных направлений и жанров, в частности способностью НПР передавать речь, мысли, чувства и особенности восприятия персонажа без прямого указания на то, что они принадлежат конкретному герою, возможностью с помощью НПР создавать особое взаимодействие текста автора и персонажа, которому немецкий филолог В. Шмид дал название «текстовая интерференция» [10, с. 200, 209].

Поскольку НПР играет важную роль в построении художественных произведений, возникает необходимость в выявлении способов передачи НПР при переводе, в том числе с английского языка на русский. Однако передача данного художественного приёма при переводе сопряжена с рядом трудностей, связанных как с расхождениями в структурном оформлении и частотности НПР в русском и английском языках (представляющих собой языки разных типов) в рамках различных литературных традиций, так и с необходимостью принимать во внимание особенности функционирования НПР в конкретном произведении конкретного автора с учётом его индивидуального стиля.

При этом, на наш взгляд, небезынтересными представляются случаи введения переводчиком НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в тексте оригинала, в особенности при переводе с английского языка на русский, учитывая, что в среднем частотность НПР в произведениях, написанных на английском языке, выше, чем в русской литературе. Так, ранее нами было установлено, что в американской литературе НПР в среднем встречается в 1,2 раза чаще, чем в русской оригинальной литературе [1, с. 56]. Теперь на основании новых данных анализа мы утверждаем, что в переводе на русский язык число отрывков текста, содержащих НПР, превышает количество соответствующих структур английского оригинала в среднем в 1,1 раза.

В рамках данной статьи будут рассмотрены и систематизированы случаи введения структур НПР в текст перевода произведений американской литературы¹ XX века на русский язык, а также предложено возможное объяснение причин подобных переводческих решений.

Теоретические предпосылки возможности систематизации случаев введения НПР в текст перевода

Выявление закономерностей передачи НПР при переводе, в частности при систематизации случаев введения НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие соответствующих структур в тексте оригинала, возможно по ряду причин. Одной из них являются различия в строе исходного и переводящего языков (ИЯ и ПЯ). Морфологически русский и английский – языки разного строя: если первый – скорее синтетический, то последний можно отнести к классическим аналитическим языкам [7, с. 168]. Эти различия находят отражение и в способах построения НПР. Так, вследствие выражения грамматического значения отдельно от лексического в английском языке будет более фиксированный порядок слов, чем в русском. В результате изменение порядка слов, характерное для речи персонажа и производимое в целях создания текстовой интерференции, в английском языке будет обладать большим экспрессивным потенциалом и, соответственно, являться более ярким маркером НПР, чем в русском языке.

Такие общеязыковые различия можно свести к системе соответствий в рамках предложенной Я. И. Рецкером теории закономерных соответствий. Как пишет Я. И. Рецкер, данная теория предполагает существование общих закономерностей передачи структурно-семантических «узлов»

¹ В дальнейшем планируется подобным образом проанализировать произведения английской литературы.

сопоставляемых языков на основе функционального соответствия [8, с. 10–11]. В результате, по мнению переводоведа, устанавливаются параметры, в рамках которых переводчик выбирает вариант перевода [8, с. 11]. Возможность распространения теории закономерных соответствий на область синтаксиса обосновывается в статье Д. В. Псурцева [6, с. 48], который утверждает, что «за внешним несходством синтаксических структур может просматриваться глубинное структурно-грамматическое сходство». Следовательно, если «преобладающее число» переводчиков для передачи синтаксических структур ИЯ выбирает определённые структуры в ПЯ, характерные для этого языка в целом, то можно говорить о закономерном соответствии на синтаксическом уровне.

Таким образом, исходя из того, что НПП можно рассматривать как явление «стилистического синтаксиса» [3, с. 18], мы предполагаем, что в английских текстах можно обнаружить ряд грамматических и надфразовых синтаксических структур, которые при переводе с высокой долей вероятности будут переданы посредством НПП. Далее мы рассмотрим наиболее частотные случаи подобных преобразований.

Основные случаи введения НПП в текст перевода

При переводе с английского языка на русский преобразованию в НПП нередко подвергаются сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным. К первой группе таких предложений можно отнести случаи, когда сказуемое главной части представлено такими глаголами, обозначающими чувственно-ментальные процессы, как *wonder*, *wish*, *hope* и т. п. Эти глаголы представляют собой прямое препозиционное указание на вопрос, размышления или желание персонажа, и в тексте перевода они довольно часто опускаются или переносятся в постпозицию, что позволяет переводчикам вынести суть вопроса или желания в качестве НПП в препозицию, тем самым сделав мысли персонажа более живыми.

And while he talked, the girl looked at him with startled eyes. His fire warmed her. She wondered if she had been cold all her days. (J. London "Martin Eden")	Он рассказывал, а Руфь не сводила с него изумлённых глаз. Его жар разогревал её. Неужели до сих пор она всегда жила в холоде, думалось ей. (пер. Р. Облонской)
--	--

В приведённом выше переводе подобная конструкция передана с помощью НПП в виде вопроса с «неужели» и вводящей конструкцией в постпозиции. Благодаря такому её расположению и возвратной форме глагола «думать», усиливается текстовая интерференция, ведь в первую очередь читатель воспринимает вопрос и только потом видит указание на персонажа, которому принадлежат эти мысли, причём коммуникативный ранг обозначения персонажа, по сравнению с оригиналом, становится ниже, что также переносит акцент на предшествующий вопрос.

Кроме того, трансформации в НПП подвергаются сложноподчинённые предложения, главная часть которых содержит указание на чувства и эмоции персонажа, например, в конструкциях, вводимых с помощью формального подлежащего *it* и глагола *to be*, а также других конструкциях, содержащих инфинитивные обороты. Придаточное предложение представляет собой пояснение существительного, прилагательного, причастия или глагола в главной части: что именно вызвало у персонажа те или иные чувства. В переводе такие конструкции передаются с помощью НПП, нередко с использованием безличных предложений. Причём, если подлежащее выражено существительным или местоимением, указывающим на персонажа, придаточное предложение, по аналогии с предыдущим типом, трансформируется в непосредственно НПП, а главное – становится вводящей конструкцией или опускается.

"I don't get on," Mr. Croy almost gaily replied. His daughter took in the place again, and it might well have seemed odd that in so little to meet the eye there should be so much to show. (H. James "The Wings of the Dove")	– А я и не собираюсь, – почти весело ответил мистер Крой. Все возвращалось на круги своя, даже странно, как мало требуется, чтобы продемонстрировать суть дела. (пер. О. Чумичевой)
--	--

В этом примере авторская оценка *it might well have seemed odd* преобразована в оценку персонажем, мистером Кроем, происходящих событий. Такой переход достигнут в результате использования в переводе безличного предложения, что стало возможно благодаря грамматическому строю русского языка, а также смене временного плана (в переводе использовано настоящее время).

Следует отметить, что в случаях преобразования сложноподчинённых предложений в НПР передача мыслей и чувств персонажа становится более имплицитной. Соотнесение высказывания с речью персонажа будет строиться преимущественно на пресуппозиционных знаниях, которые можно получить из контекста. Как отмечает М. Аbruшан, смещение точки зрения может встраиваться в текст автора по-разному: употребление экспрессивных элементов в НПР позволяет осуществить прямой переход к передаче внутреннего мира героя, в то время как в случае их отсутствия главную роль в распознавании переключения точки зрения будут играть пресуппозиционные знания [11, р. 862]. Вследствие этого НПР второго типа будет обладать более высокой степенью текстовой интерференции. Переводчики же отдают предпочтение тому или иному способу включения НПР в текст перевода в зависимости от степени экспрессивности отрывка в тексте оригинала. При этом, как пишет Э. Майер, в рамках текстовой интерференции именно пресуппозиционные знания, полученные из предшествующего повествования, позволяют соотнести употребление форм третьего лица и согласование времён с маркерами текста автора, а употребление элементов ближнего дейксиса и экспрессивно-оценочных средств – с маркерами текста персонажа [13, р. 354–355], что также используется при построении НПР в тексте перевода.

Кроме того, переводчики нередко преобразуют в НПР отрывки текста, содержащие описание персонажей и событий, тем самым перенося описание в область восприятия героя.

He was able to picture her as she had once been when he glanced at his nephew. He resembled her strongly. Only his slightly outcurving nose belonged to the Leventhals. (S. Bellow "The Victim")	Он легко представлял себе её прежнюю, поглядывая на племянника. Весь в неё. Только нос с лёгкой горбинкой – это от Левенталей. (пер. Е. Суриц)
--	--

В данном примере трансформация текста автора в НПР начинается с предложения *He resembled her strongly*. В переводе Е. Суриц текстовая интерференция достигается благодаря использованию неполных предложений, характерных для непроизнесённой речи – мыслей персонажа. В целом же в отрывок переводчиком добавлена более сильная, по сравнению с оригиналом, оценочность. Кроме того, констатация наследственного характера носа с горбинкой преобразована в вывод-причину: почему персонаж выглядит именно так. Следует отметить, что, по мнению И. С. Жилиной, указание на причины явлений в целом свойственно НПР в русской литературе [2, с. 101–103].

Такая НПР, передающая вывод персонажа относительно увиденного и услышанного, нередко вводится после глаголов восприятия и в ПЯ представлена частью бессоюзного предложения или отдельным простым предложением.

She opened the oven and looked at the pan of bread, then stooping she paused while someone descended the stairs. (W. Faulkner "The Sound and the Fury")	Она открыла духовку и, нагнувшись к противню с булочками, насторожилась – по лестнице спускался кто-то. (пер. О. Сороки)
---	--

Здесь сложноподчинённое предложение с придаточным времени в переводе преобразовано в бессоюзное предложение, вторая часть которого содержит одновременно и причину, по которой Дилси насторожилась, и вывод, который она сделала, услышав звук шагов по лестнице. Такое решение переводчика можно, в частности, объяснить тем, что, согласно предложенной М. Д. Литвиновой теории языковых спектров, в русском языке придаточные времени в целом менее частотны, чем соответствующие структуры в английском языке [4, с. 14]. Поэтому, отходя от подобных конструкций текста оригинала, переводчик, вероятно, отдал предпочтение гораздо более естественному для русского языка и устной речи в целом паратаксису, при котором имплицитная связь двух частей привела к введению в текст структур НПР.

Добавление в текст автора оценки и преобразование его в НПР возможно также с помощью введения в текст перевода слов, выражающих эпистемическую модальность – одного из грамматических маркеров НПР [12, р. 360–361]. Слова, выражающие модальность, актуализируют речевую пресуппозицию, определяющуюся коммуникативным заданием говорящего: персонаж, которому принадлежит высказывание, передаёт собственную точку зрения на какой-либо факт действительности, поэтому нельзя с точностью сказать, является утверждение истинным или ложным [5, с. 24–26]. В результате начинает проявляться противопоставление субъективности персонажа объективности «всезнающего» автора.

She paused there a moment, looking absently at a growth of nasturtiums and iris tangled at its foot, as though sprung from a careless handful of seeds, listening to the plaints and accusations of some nursery squabble in the house. (F. Scott Fitzgerald "Tender Is the Night")	Николь на мгновение остановилась и, рассеянно глядя на ирисы и настурции, разросшиеся у подножья сосны в полном беспорядке, точно кто-то наудачу бросил тут горсть семян, прислушалась к шуму, который вдруг донёсся из дома, – детский плач и сердитые голоса; должно быть, какая-то баталия в детской. (пер. Е. Калашиковой)
---	--

В приведённом выше примере оценочность в тексте перевода представлена вводным словом «должно быть», благодаря которому читатель понимает, что предложение содержит особенности восприятия Николь, оформленные посредством структур НПР: они передают мысли героини, которые сначала представляют собой вывод о том, что за шум она слышит, а затем последующее умозаключение относительно того, откуда вообще мог доноситься такой шум и почему. При этом в тексте перевода оригинальное предложение с основанным на управлении словосочетанием *listening to the plaints and accusations* подверглось разделению на две части: в первой даётся гипероним «шум», который во второй конкретизируется – «плач и сердитые голоса» – структурами НПР. Второе же словосочетание с управлением, вводимое посредством предлога *of*, становится отдельной частью бессоюзного предложения, представляющей собой развитие мыслей героини посредством НПР с помощью вводного слова «должно быть».

Помимо случаев создания текстовой интерференции и, соответственно, введения в текст перевода НПР посредством добавления слов, выражающих эпистемическую модальность, переводчики нередко приносят оценочность на лексическом и синтаксическом уровне, добавляя в текст автора соответствующие маркеры НПР. По нашим наблюдениям, происходит это в основном в длинных описательных или повествовательных фрагментах авторского текста.

She had committed herself to helping another neighbor's child, Roxie Lee Smith, with a trumpet solo that Roxie Lee planned to play at a school concert; had promised to run three complicated errands for her mother; and had arranged to attend a 4-H meeting in Garden City with her father. And then there was lunch to make and, after lunch, work to be done on the bridesmaids' dresses for Beverly's wedding, which she had designed and was sewing herself. As matters stood, there was no room for Jolene's cherry-pie lesson. Unless something could be canceled. (T. Capote "In Cold Blood")	Она обещала помочь дочери других соседей – Рокси Ли Смит – отрепетировать соло на трубе, которое Рокси хотела исполнить на школьном концерте, а потом ей предстояло выполнить три важных поручения своей матери, затем съездить с отцом на собрание клуба «4С» в Гарден-Сити, приготовить обед, а после обеда заняться платьем к свадьбе Беверли, которое Нэнси сама придумала и шила тоже сама. Как ни верти, свободного местечка для выпечки вишнёвого пирога не выкроишь; разве что отменить какой-то другой пункт. (пер. М. Гальпериной)
---	--

В приведённом выше примере НПР в тексте перевода начинается с употребления разговорного оборота «как ни верти» вместо более нейтрального английского *as matters stood*. Кроме того, переводчик использует обобщённо-личное предложение с глаголом «выкроишь», которое также более характерно для разговорной речи. В результате в тексте перевода прослеживается речевая характеристика Нэнси, которая разбавляет текст автора, благодаря чему он становится более «живым».

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда переводчики вводят НПР в текст перевода вместо других способов передачи чужой речи в тексте оригинала.

Наиболее частотной трансформацией является преобразование в НПР косвенной речи. На наш взгляд, такое решение переводчиков можно объяснить тем, что в английском языке согласо-

вание временных форм и дейктических средств происходит не только в косвенной речи и является более естественным явлением в целом, в то время как в русском языке такое согласование менее частотно, чем в частности и объясняется существование форм свободной косвенной речи. При этом для русского языка свойственно опущение подчинительного союза «что». Соответственно, в ряде случаев переводчики под влиянием тенденций родного языка отдают предпочтение более свободным конструкциям, нежели косвенная речь, например НПР с невысокой степенью текстовой интерференции. В связи с этим следует отметить, что нарушение порядка слов и согласования времен в английской НПР в целом обладает большим экспрессивным потенциалом, чем в русском варианте НПР (поскольку оно затрагивает правила построения предложений в языке).

He rose shakily and glanced at his watch. It was hours before his usual time to rise. And so sat on the edge of his rented bed and asked himself what harm, after all a halfy on a box could do to an able-bodied grammar-school graduate like himself. (N. Algren "The Face on the Barroom Floor")	Фэнси с трудом встал и посмотрел на часы. До обычного утреннего подъёма было ещё далеко. Он снова сел на край кровати и спросил себя: ну что в конце концов может сделать безногий на тележке ему, здоровому взрослому парню? (пер. О. Кулагиной)
---	---

Здесь экспрессивный вопрос, представляющий собой НПР, предваряется контактной вводящей конструкцией с глаголом «спросил себя» и двоеточием. В переводе сохранена форма вопроса, который задал себе персонаж до того, как в изложении автора (в тексте оригинала) он приобрёл утвердительную форму. Кроме того, в качестве маркера свойственной речи персонажа разговорности выступает частица «ну».

Подобным образом происходит и трансформация в НПР сложноподчинённых предложений с придаточным дополнительным, в которых сказуемое главной части представлено глаголами, обозначающими ментальные процессы, например «знать», «понимать» и т. п., как в приведённом ниже отрывке, где следующий за вводящей конструкцией текст НПР характеризуется разговорностью благодаря повтору глагола через отрицательную частицу и экспрессивной инверсии во второй части.

The shops were small and the wares in their windows were dusty, as though the owners knew there really was no use. (I. Shaw "Rich Man, Poor Man")	Магазины здесь были маленькие, товары на витринах – серые от пыли, точно владельцы сами понимали: протирай их не протирай, всё равно никому они не нужны. (пер. И. Басавиной)
---	---

Кроме того, косвенная речь при переводе может при переводе быть передана структурами НПР, введёнными с помощью частиц «мол», «-де» и т. п., свойственных русскому языку, но не имеющих аналога в английском. Несмотря на расхождение мнений учёных относительно того, можно ли рассматривать вводимые подобными частицами предложения как НПР, мы разделяем мнение Б. А. Успенского [9, с. 53–54], что такие случаи вполне можно отнести к разновидности НПР (однако лишь в случае сохранения после частиц текстовой интерференции).

He waved his hand deprecatingly and muttered that it was nothing at all, what he had done, and that any fellow would have done it. (J. London "Martin Eden")	Он протестующе махнул рукой, пробормотал, мол, чего он такого особенного сделал, всяк на его месте поступил бы так же. (пер. Р. Облонской)
--	--

Так, в приведённом примере НПР в тексте перевода введена с помощью частицы «мол», при этом текстовая интерференция в отрывке присутствует и маркируется лексически просторечием «всяк», а также синтаксически экспрессивным вопросом «чего он такого особенного сделал», с помощью которого передано более нейтральное предложение *it was nothing at all*.

Трансформации в НПР может подвергаться и прямая речь. В таком случае переводчик, наоборот, выводит высказывание из плана речи персонажа и создаёт интерференцию с текстом автора, в результате чего становится менее очевидно, кому принадлежат эти слова. Однако следует отметить, что такие трансформации в переводе менее частотны, чем преобразования косвенной речи в НПР. При этом само существование подобных переходов в переводе подтверждается мнением

американского филолога Б. Макхейла о том, что между формами представления чужой речи и их функциями образуется связь «многие ко многим», а значит функции НПР, прямой и косвенной речи могут совпадать [14, р. 5]. Именно это и позволяет осуществлять преобразования прямой и косвенной речи в НПР.

Allbee was dodging through the crowd after him. "What does he want?" Leventhal irritably asked himself. (S. Bellon "The Victim")	– Эй, погодите! Олби к нему пробирался в толпе. Интересно, чего ему надо? (пер. Е. Суриц)
--	--

В приведённом отрывке прямая речь передана с помощью НПР, причём переводчик предпочёл отказаться от использования вводящих конструкций, в результате чего НПР отличается высокой степенью текстовой интерференции. Однако, на наш взгляд, в переводе мысли героя, начинающиеся со слова «интересно» выглядят гораздо более дружелюбно, чем в оригинале, где представлены прямым вопросом с указанием на эмоциональную составляющую – *irritably*.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в английском языке существует ряд грамматических и надфразовых синтаксических структур, которые при переводе на русский язык с высокой долей вероятности будут переданы с помощью структур НПР.

К основным случаям введения в текст перевода НПР при отсутствии соответствующих структур в тексте оригинала можно отнести сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными, в которых сказуемое главной части отражает либо ментальные процессы, либо эмоциональное состояние персонажа, косвенную и прямую речь, контексты, представляющие собой описание воспринимаемых персонажем событий и явлений, а также развёрнутые авторские описания. Переводческие решения относительно построения НПР варьируются от привнесения оценки на уровне смысла или с помощью слов, выражающих эпистемическую модальность, до выбора лексических и синтаксических единиц, характерных для речи персонажа.

В то время как передача выявленного нами набора грамматических конструкций посредством НПР будет обусловлена различиями в грамматическом строе ИЯ и ПЯ и осуществление трансформации будет носить скорее обязательный характер, решения вводить НПР в крупные фрагменты авторского текста и заменять данными структурами прямую речь, на наш взгляд, определяются стилистическими целями и задачами и представляют собой одно из факультативных решений – внедрение в текст автора речи персонажа, его мыслей и оценок.

© А.Д. Алимова, 2021

Список литературы

1. Алимова А. Д. Эволюция структур несобственно-прямой речи в английской, американской и русской литературе // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С. 53–64. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64.
2. Жилина И. С. Структурно-семантические особенности несобственно-прямой речи и проблемы её перевода: на материале художественных текстов XX века английского, немецкого и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. С. Жилина. Москва, 2015. 151 с.
3. Ковтунова И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1953. № 2. С. 18–27.
4. Литвинова М. Д. Методика преподавания художественного перевода филологических вузах. Критерий оценки переводов // Мосты. № 3 (63). М.: Р. Валент, 2019. С. 13–15.
5. Нагорный И. А. Пресуппозитивный слой смысла в высказываниях с модально-персуазивными частицами // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 20 (191), вып. 23. С. 20–27.
6. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. №2 (62). М.: Р.Валент, 2019. С. 46–60.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
9. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
11. Abrusán M. The spectrum of perspective shift: protagonist projection versus free indirect discourse // *Linguistics and Philosophy*. 2021. 44. P. 839–873.
12. Kaiser E. Perspective-shifting and free indirect discourse: Experimental investigations // *Proceedings of SALT* 25. 2015. P. 346–372.
13. Maier E. Quotation and Unquotation in Free Indirect Discourse // *Mind and language*. 2015. 30 (3). P. 345–373.
14. McHale B. Speech Representation [Electronic resource] // *The living handbook of narratology*. Hamburg University Press, 2011. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation>. 23.09.2021.

References

1. Alimova, A. D. Evoliutsiia struktur nesobstvenno-priamoi rechi v angliiskoi, amerikanskoi i russkoi literature [Evolution of free indirect speech structures in English, American, and Russian literature]. // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2021. Vol. 163, no. 1. P. 53–64. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64.
2. Zhilina, I. S. *Strukturno-semanticheskie osobennosti nesobstvenno-priamoi rechi i problemy ee perevoda: na materiale khudozhestvennykh tekstov XX veka angliiskogo, nemetskogo i russkogo iazykov* [Structural and Semantic Features of Free Indirect Speech and Problems of Its Translation: on the Material of the 20th Century English, German and Russian Fiction]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / I. S. Zhilina. Moscow, 2015. 151 p.
3. Kovtunova, I. I. Nesobstvenno-priamaia rech' v sovremennom russkom literaturnom iazyke [Free Indirect Speech in Modern Russian Language] // *Russkii iazyk v shkole*. 1953. № 2. P. 18–27.
4. Litvinova, M. D. Metodika prepodavaniia khudozhestvennogo perevoda v filologicheskikh vuzakh. Kriterii otsenki perevodov [Methods of Teaching Literary Translation in Philological Universities. Criteria for Translation Quality Assessment] // *Mosty*. № 3(63). Moscow: R. Valent, 2019. P. 13–15.
5. Nagornyi, I. A. Presuppozitivnyi sloi smysla v vyskazyvaniyakh s modal'no-persuazivnymi chastitsami [Presuppositions Sense in Statements with Modal-Persuasiveness Particles] // *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 20 (191), issue 23. P. 20–27.
6. Psurtsev, D. V. Chastotno-tipologicheskaya model' perevoda [Frequency-and-Typological Model of Translation] // *Mosty*. №2 (62). Moscow: R. Valent, 2019. P. 46–60.
7. Reformatskii, A. A. *Vvedenie v iazykovedenie* [Introduction to Linguistics] / Edited by V. A. Vinogradov. Moscow: Aspekt Press, 1996. 536 p.
8. Retsker, Ia. I. *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Theory of Translation and Translation Practice] / updated and commented by D. I. Ermolovich. 3rd edn., stereotyped. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p.
9. Uspenskii, B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1995. 360 p.
10. Shmid, V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p.
11. Abrusán, M. The spectrum of perspective shift: protagonist projection versus free indirect discourse // *Linguistics and Philosophy*. 2021. 44. P. 839–873.
12. Kaiser, E. Perspective-shifting and free indirect discourse: Experimental investigations // *Proceedings of SALT* 25. 2015. P. 346–372.
13. Maier, E. Quotation and Unquotation in Free Indirect Discourse // *Mind and language*. 2015. 30 (3). P. 345–373.
14. McHale, B. Speech Representation [Electronic resource] // *The living handbook of narratology*. Hamburg University Press, 2011, www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation. 23.09.2021.

Сведения об авторе:

Алимова Анастасия Дмитриевна – преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета. Сфера научных и профессиональных интересов: перевод, переводоведение, английский язык. E-mail: alimovaad@gmail.com

About the author:

Anastasia D. Alimova – Lecturer, Department of Translation Studies and English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University. Spheres of research and professional interest: translation, translation studies, the English language. E-mail: alimovaad@gmail.com

* * *

IMAGERY IN THE TRANSLATIONS OF THE GAZELLE NIZAMI "AMADE BUD" ("CAME") INTO AZERBAIJANI AND RUSSIAN

Abuzar M. Bagirov

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The subject of scientific research is the textual analysis of the translation of one of the most famous gazelles by a brilliant Azerbaijani poet Nizami Ganjavi (1141-1209) "Amade bud" ("Came") from Persian into the Azerbaijani and Russian languages.*

The article discusses in detail the imagery created in these translations and their adequacy to the original, as well as a comparative semantic analysis of each beit; it interprets some situational free interpretations of the original made by translators. In each beit are analyzed the concepts on which the transmission of images is built in translation into Azerbaijani and Russian which in poetic translation include size, rhythm, a number of poetic figures and other artistic means.

The study was carried out with the use of theoretical-literary and comparative-analytical methods and at the junction of literary criticism and translation studies.

The novelty of the work lies in the fact that the research approach applied by the author in comparative analysis allows us to identify methods and means of rendering the high imagery of the primary source in translations of the classical gazelle into Azerbaijani and Russian by recognized poets-translators – Jafar Khandan (1911-1961) and Arseny Tarkovsky (1907-1989), which makes an undoubted contribution to the development of the basic translation problem – the adequacy of literary translation.

Naturally, the concept of imagery in the three texts is expressed differently, due to the typological differences of the compared languages. The Azerbaijani language is agglutinative, while the Persian and Russian languages are inflective. Accordingly, in the comparative analysis all the linguistic subtleties of each language are taken into account in the process of poetic imagery creation as well as their adequacy.

Also, a detailed textual conceptual comparative analysis of the poetic text of one gazelle in three languages – the original Persian and translated Azerbaijani and Russian – allows us to draw an important conclusion that an adequate translation fiction text is undoubtedly a work of art in itself that has a long-term aesthetic and substantive value, which makes the position of a number of translation scholars insisting on the need of updating translations irrelevant.

Keywords: *gazelle, imagery, original, Nizami Ganjevi, Persian language, Azerbaijani language, Russian language, translation, beit*

For citation: Bagirov, A.M. (2021). Imagery in the Translations of the Gazelle Nizami "Amade Bud" ("Came") Into Azerbaijani and Russian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 66–75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-66-75>

ОБРАЗНОСТЬ В ПЕРЕВОДАХ ГАЗЕЛИ НИЗАМИ «АМАДЕ БУД» («ПРИШЛА») НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

А.М. Багиров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Предметом научного исследования является текстологический анализ перевода одной из известных газелей гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141–1209) «Амаде буд» («Пришла») с персидского на азербайджанский и русский языки. В статье подробно рассматривается образность в данных переводах и их адекватность оригиналу, а также детально проводится сравнительно-семантический анализ каждого бейта, трактуются допущенные переводчиками некоторые ситуативные вольные интерпретации оригинала. В каждом бейте анализируются концепты, на которых построена передача образов в переводе на азербайджанский и русский языки в контексте составляющих вопроса адекватности поэтического перевода: размер, ритмика, ряд поэтических фигур и другие художественные средства.

Исследование проводилось с применением таких основных методов, как теоретико-литературный и сравнительно-аналитический, на стыке литературоведения и переводоведения.

Новизна работы заключается в том, что применённый автором в ходе сопоставительного анализа исследовательский подход позволяет выявить методы и способы воспроизведения высокой образности первоисточника в переводах классической газели, осуществлённых на азербайджанский и русский языки признанными поэтами-переводчиками – Джафаром Ханданом (1911–1961) и Арсением Тарковским (1907–1989), что вносит несомненный вклад в развитие базовой переводческой проблемы – адекватности художественного перевода.

Естественно, концепт образности в трёх текстах выражен по-разному из-за типологических различий сопоставляемых языков. Азербайджанский язык является агглютинативным, а персидский и русский языки – флективными. Соответственно, при сопоставительном анализе учтены лингвистические изыски каждого языка в процессе создания поэтической образности и её адекватной передачи в переводном тексте.

Также детальный текстологический концептуальный сопоставительный анализ поэтического текста одной газели на трёх языках – исходном персидском и переводных азербайджанском и русском – позволяет сделать важный вывод о том, что адекватный переводческий художественный текст, несомненно, сам является художественным произведением, имеющим долгосрочную эстетическую и содержательную ценность, что, в свою очередь, делает несостоятельной позицию ряда учёных-переводоведов, настаивающих на необходимости периодического обновления перевода классической поэзии.

Ключевые слова: газель, образность, оригинал, Низами Гянджеви, персидский язык, азербайджанский язык, русский язык, перевод, бейт

Для цитирования: Багиров А.М. (2021). Образность в переводах Газели Низами «Амаде буд» («Пришла») на азербайджанский и русский языки. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 66–75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-66-75>

Слово «газель» (غزل в арабском языке означает «лирическое стихотворение, ухаживание за женщиной, любезное обхождение с женщиной, флирт» [7, с. 114]. Газель – это достаточно широко распространённая в восточной поэзии форма лирического стихотворения. Как правило, содержание данных произведений сосредоточено в любовной лирике. Газели преимущественно состоят из 5-10 бейтов, представляющих собой двустишья. Первые две строчки газелей рифмуются между собой. На эту же рифму заканчивается каждая чётная строка, а в последнем двустишье обычно упоминается имя автора – «тахаллус» [2, с. 668]. Газели исполняются чаще всего под аккомпанемент одного из таких струнных музыкальных инструментов, как уд (лютня), танбур, гогуз, тар, каманча и др., или в сопровождении нескольких одновременно.

Как известно, в художественном переводе крайне велика роль переводчика в создании произведения, по своей художественной ценности равного оригиналу. Хотя известны случаи, когда художественные переводы завоёвывали не меньшую известность, чем оригинал. Как правило, переводчики художественного жанра сами являются достаточно талантливыми авторами произведений.

Известный азербайджанский литературовед, критик Джафар Хандан Зейнал оглу Гаджиев был талантливым поэтом и при жизни выпустил несколько поэтических сборников: «Белые ночи» (1936), «Фронтовые стихи» (1942), «Первая разлука» и др. Он являлся знатоком творчества Низами Гянджеви и перевёл немало его лирических произведений с персидского на азербайджанский язык. Слова популярного романса газели Низами «Без тебя» в исполнении легендарного певца Муслима Магомаева были переведены с оригинала на азербайджанский язык именно Джафаром Ханданом. Великолепное и тонкое знание персидского языка позволило ему использовать для перевода газели «Амаде буд» («Пришла») первоисточник на персидском языке – лирический «Диван» Низами Гянджеви, составленный, комментированный и изданный поэтом, профессором Тегеранского университета Вахидом Дастегирди (1879–1943) в 1935 году и переизданный в Тегеране после его смерти в 1956 году. Перевод на азербайджанский язык газели «Амаде буд» (آمدہ بود) под названием «Gəlmiş idi» был осуществлён в 1957 году. Известно, что через год, когда русские поэты-переводчики под руководством знаменитого Павла Григорьевича Антакольского (1896–1978) побывали в Азербайджане с целью подготовки трёхтомной «Антологии Азербайджанской поэзии», Джафар Хандан предоставил Арсению Александровичу Тарковскому подстрочный перевод данной газели на русский язык, а также подробный комментарий к данному «подстрочнику». Газель «Амаде буд» под названием «Вчера» в переводе А.А. Тарковского впервые была опубликована в первом томе вышеназванной антологии, изданной в Москве в 1960 году в издательстве «Художественная литература».

Исходные тексты для обоих авторов-переводчиков представляли собой один и тот же источник – оригинал газели «Амаде буд» на персидском языке.

Попытаемся разобраться в тонкостях творческого процесса художественного перевода газели «Амаде буд» на примере переводов, сделанных поэтами-переводчиками Джафаром Ханданом на азербайджанский язык и Арсением Тарковским на русский язык. В качестве основного критерия оценки переводов нами рассматривается воспроизведённая в переводных текстах степень образности оригинала. Для выявления всех контекстуально-смысловых тонкостей и деталей переводческого процесса нами было проведено текстологическое сравнение поэтических текстов на трёх языках: персидском, азербайджанском и русском. Выбор в качестве текстологической основы газели «Пришла» был не случаен – это одно из самых популярных произведений в лирическом «Диване» Низами, которое занимает особое место с точки зрения изобилия использованных автором художественных образов, подтекстов, поэтических фигур и фразеологизмов. При переводе подобного рода поэтических образцов с персидского языка на любой другой язык перед переводчиком стоит проблема решения нескольких важных задач:

- сохранение общей ритмики и музыкальности исходного текста путём подбора на языке перевода подходящего размера стиха, который был бы созвучным с оригиналом;
- адекватное восприятие и расшифровка исходных скрытых смыслов, а также элементов содержания, заложенных во фразеологических словосочетаниях для последующего корректного перекодирования на языке перевода;

- адекватное использование средств поэтических образов при переводе;
 - как результат всего вышесказанного – максимально адекватное воспроизведение содержания и общей конструкции оригинала.

Низами написал эту газель в размере тюркского аруза «рамал», в ритме «фаилатун-фаилатун-фаилатун-фаилун». Как известно, в арабской поэзии часто используется 19 из более 60 существующих размеров «аруза». «В персидской поэзии из 19 арабских «арузов» часто употребляется 14 размеров, созвучных с тональностью, музыкальностью и гармонией языка» [6, с. 112]. В азербайджанской поэзии часто употребляемые размеры «аруза» в основном заимствованы из персидского варианта и адаптированы к особенностям азербайджанского языка. Кстати, многие тюркские поэты – Гази Бурханеддин (1344–1398), Алишер Навои (1441–1501), Шах Исмаил Хатаи (1487–1524), Мухаммед Физули (1494–1556) и другие – очень часто использовали размер «рамал» в своих как персоязычных, так и тюркоязычных произведениях.

Джафар Хандан в своём переводе на азербайджанский язык полностью сохранил размер «рамал» и его ритмическое деление – фаилатун-фаилатун-фаилатун-фаилун. В свою очередь Арсений Тарковский в русском переводе своим высочайшим мастерством добился адекватности размера оригинала при помощи выбранной тональности и музыкальности созвучных слов и словосочетаний.

Надо особо подчеркнуть, что оба переводчика выполнили свои творческие задачи в полном объёме и на высочайшем уровне, создали как на азербайджанском, так и на русском языках высокопробный поэтический образец, вполне соответствующий непревзойдённому оригиналу.

Но особую значимость в анализе использованных переводческих приёмов имеют текстологические сравнения с оригиналом вариантов перевода каждого бейта (двустихия) в текстах на азербайджанском и русском языках, благодаря чему можно установить степень адекватности перевода, а также те или иные отступления от оригинала, переводческие успехи и огрехи.

Каждый бейт в работе приводится в оригинале на персидском языке, а также его транскрипция латиницей. Затем даётся подстрочный перевод данного бейта с персидского на русский язык, далее – художественный перевод на азербайджанский язык с подстрочником для отражения смысловой работы с азербайджанским текстом, а также художественный перевод на русский язык. Далее проводятся текстологические сравнения переводных текстов с оригиналом, даётся анализ адекватности перевода, анализируется степень воспроизводства образности первоисточника и оценка качества результатов творческого процесса перевода.

Итак, первый бейт:

دوش مهروی من از مشک نقاب آمده بود
 کار آشفته من زو بصواب آمده بود

[4, с. 300]

Duş məhrüye mən əz moşk neqab aməde bud

Kare aşoftəye mən zu besəvab aməde bud

Подстрочный перевод с персидского:

Вчера ночью с мускусного цвета вуалью на лице моя лунолика ко мне пришла,

Моё испорченное настроение и дела от этого в порядок пришли.

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Gecə xəlvətə bizə sevgili yar gəlmiş idi,

Üzü aydan da gözəl nazlı nigar gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского языка на русский:

Ночью тайком к нам возлюбленная пришла,

Лицо красивее Луны ласковая любимая пришла.

Художественный перевод на русский язык:

Расступился чёрный мускус, и она всплыла вчера.

Оттого пришли в порядок все мои дела вчера. [5, с. 64]

Перевод бейта, сделанный Джафаром Ханданом на азербайджанский язык, построен преимущественно на развитии содержания первой строки, а смысл второй строки отражён общезна-

шенным поэтическим настроением. На первый взгляд, полностью упущенная смысловая нагрузка данной строки компенсируется усилением образности – сравнение лица ласковой любимой с Луной несёт в себе особую образность, так как Луна содержит в себе такие концепты, как «холодная», «круглая», «свет-тьма». Однако при этом любимая наделяется ещё большей красотой, чем красота Луны.

Между тем, Арсений Тарковский сумел точно передать содержание обеих строк, однако для этого он был вынужден заменить оригинал редифа «пришла» адекватным темпоральным эквивалентом «вчера», указывающим на свершившийся факт, описываемый в исходном поэтическом тексте.

Оба перевода достигли адекватности путём максимального соблюдения размера в сохранении ритмики оригинала: это очевидно при чтении бейта вслух на трёх языках одновременно-поочерёдно – персидском, азербайджанском и русском. Надо сразу оговориться, что достижение такого уровня переводческого мастерства относится, без исключения, ко всей газели в целом.

Второй бейт:

عرق انگیخته از گل قصب افگنده ز ماه
مگر از بیم رقیبان بشتاب آمده بود؟

[4, с. 300]

*Əraq əngixte az qol qəsəb əfgənde ze mah
Məğər az bime rəqiban beşetab aməde bud?*

Подстрочный перевод бейта:

*С её взволнованного розоподобного лица стекал пот, как будто с Луны
сорвалось шёлковое покрывало,*

Может от страха преследования врагами так спешно пришла?

Художественный перевод на азербайджанский язык:

*Tər axıb gül yanağından, bulud örtmüşdü ayı,
Onu düşmənni qovub, könlü qubar gəlmiş idi?* [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

*С розоподобных щёк пот стекал, облака закрыли Луну,
Её враг преследовал что ли, она вся расстроенная пришла?*

Художественный перевод на русский язык:

*Лунолика спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.* [5, с. 64]

Очевидно, что азербайджанский вариант представляет собой более точный перевод оригинала – для адекватной и образной передачи смысла переводчик снова использует «Луну» как основную поэтическую фигуру. В основе же русского варианта лежит завуалированная смысловая нагрузка всего бейта. Однако и здесь «Луна» доминантным поэтическим образом олицетворяет луноликую любимую, а введённый самостоятельно переводчиком дополнительный эпитет «обо-жжённая роза», указывая на её розоподобную щёчку, явно служит усилению яркости образа. На наш взгляд, текст обоих переводов звучит поэтически выверено, осмысленно и передаёт содержание достаточно внятно и образно. Тут вспоминается классическая оценка работы переводчиков, данная великим Корнеем Чуковским, называвшим переводческую деятельность «высоким искусством»: «Я понял, что хороший переводчик заслуживает почёта в нашей литературной среде, потому что он не ремесленник, не копиист, но художник. Он не фотографирует подлинник, как обычно считалось, но воссоздаёт его творчески. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и частого вдохновенного творчества. Переводчик – раньше всего талант!» [8, с. 8].

Третий бейт:

نتوانستم ازو چشم بریدن نفسی
گویى از چشم من آن در جوشاب آمده بود

[4, с. 300]

Nətəvanəstəm əzu çeşm boridən nəfəsi

Quyi əz çeşmə tən an dorre xoşab aməde bud

Подстрочный перевод бейта:

Я от неё ни на миг не мог оторвать свой взгляд,

Как будто та жемчужина, драгоценная влага из моих глаз пришла.

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Ona tən göz yetirib xəlvəti baxdım, baxdım,

Ovçunun ovlağına körpə şikar gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

Окинув её взглядом, я украдкой на неё смотрел, смотрел,

На угодье охотника молоденькая дичь пришла.

Художественный перевод на русский язык:

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,

Словно по моим ресницам – влажная – сошла вчера. [5, с. 64]

В азербайджанском переводе первая строка по смыслу эквивалентна оригиналу, а во второй строке переводчик Джафар Хандан от себя ввёл новые поэтические образы – «угодье охотника», «молоденькая дичь». Тем самым смысл бейта получил совершенно иную окраску и интонацию. Но тут примечательно, что в целом бейт вписывается в общий сюжетный контекст газели и не вредит художественности и образности произведения. А русский перевод Арсения Тарковского точно отражает суть газели – в нём мастерски сохранена логичность содержания, тональность повествования, выдерживается последовательность сюжетной линии и ситуационных нюансов, используются основные поэтические образы и фигуры первоисточника. Демонстрация владения всеми данными переводческими технологическими приёмами свидетельствует о безупречно высоком таланте переводчика.

Четвёртый бейт:

دوبدو ما بیکی خفته و آسوده بهم

بخت بیدار شده در تگو تاب آمده بود

[4, с. 300]

Dobedo ma beyeki xoŧtevo asude behəm

Bəxtə bidarşode dər təgo tab aməde bud

Подстрочный перевод бейта на русский язык:

Насытившись, мы вдвоём вместе очень хорошо поспали,

Так, проснувшись судьба моя меня поддержать пришла.

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Uyuuyub hər ikimiz rahat olub bir yatdıq,

Bəxtimin bağçasına güllü bahar gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

Насытившись, мы вдвоём, вместе поспали,

В мой садик судьбы цветистая весна пришла.

Художественный перевод на русский язык:

И покоились мы рядом. Пробудилось – и бегом

Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера. [5, с. 64]

В данном бейте азербайджанский перевод в целом передаёт смысл максимально близкий оригиналу. Между тем дополнительный поэтический образ, использованный Дж. Ханданом, такой как «приход в садик судьбы цветистой весны», добавляя поэтическую яркость содержанию, способствует усилению художественной образности строки. Однако во второй строке русского переводного текста уход от первоисточника очевиден. Несмотря на то, что ритмика газели переводчиком сохранена со скрупулёзной точностью, это никак не компенсирует серьёзный изъян, допущенный переводчиком в тексте перевода по сравнению с содержанием первоисточника. К сожалению, приходится констатировать, что данная строка четвёртого бейта переведена слабо и не соответствует высокому уровню поэтического мастерства Арсения Тарковского.

Следует особо отметить, что и Джафар Хандан, и Арсений Тарковский в своей переводческой деятельности уделяли особое внимание каноническим требованиям к стилю, ритмике и системе поэтических образов переводимых поэтов. Данный подход является не только оправданным, но и классически обязательным – прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иноязычного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику. Эти требования предъявлялись не только к поэзии, но и к прозе. Как писал Корней Чуковский: «Переводчик должен чаще читать этого автора вслух, чтобы уловить темп и каданс его речи, столь существенные не только в стихах, но и в художественной прозе...» [8, с. 187].

Пятый бейт:

گفت : خواهم شدن، از من چه ستانی بگرو؟

گفتمش: بوسه، که هنگام جواب آمده بود

[4, с. 300].

Qoft: xahəm şodən, əz mən çe setani begerov?

Qoftməş: buse ke henqame cəvab aməde bud

Подстрочный перевод бейта на русский язык:

Сказала она: «хочу уходить, от меня в залог что хочешь взять?»

Я сказал: «поцелуй, ибо на другое нет времени, пора ответа пришла».

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Dedi: – Getmək dəmidir, söylə, nə istərsən yar?

Bir öpüş istədim ondan... Yeri var, gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

Сказала: – Пора уйти, говори, что хочешь, любимый?

Один поцелуй хотел от неё... Уместно был, раз пришла.

Художественный перевод на русский язык:

«Ухожу! – она сказала. – Что мне дать в залог тебе?»

«Поцелуй», – я той ответил, что мне жизнь дала вчера. [5, с. 64]

Как видно, смысловая нагрузка данного бейта обоими переводчиками передана с удивительной точностью и сохранением образности. И даже введенный А. Тарковским в переводе дополнительный концепт «что мне жизнь дала» в сопоставлении с оригиналом не создаёт диссонанс, а наоборот, как поэтический штрих к портрету главной героини звучит вполне уместно и выражает нежную, искреннюю любовную привязанность любимого. При внимательном сопоставительном анализе с первоисточником обнаруживается склонность обоих переводчиков к введению в ткань газели дополнительных поэтических штрихов и концептов, способствующих более яркому выражению художественной образности текста через обожествление возлюбленной.

На наш взгляд, очевидно, что и для Дж. Хандана, и для А. Тарковского перевод газели великого Низами стал преимущественно одним из видов «упражнения», который наряду с природным даром и талантом способствовал оттачиванию и воспитанию своих поэтических навыков, эстетических взглядов.

Шестой бейт в оригинале:

آتشی در من دل سوخته زد وقت شدن

آب چشمی که در آن چشمه آب آمده بود

[4, с. 300].

Atəşi dər mənə delsuxte zəd vəqte şodən

Abe çeşmi ke dər an çeşmeye ab aməde bud

Подстрочный перевод бейта на русский язык:

Когда уходила она, вновь опалила моё обожжённое сердце,

Каждая капля слёз из её глаз, будто из родника пришла.

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Ağlayıb getdi o yar, göz yaşı yandırdı məni,

Odlara yandı dilim, sanki şərar gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

Заплакав, ушла та любимая, её слёзы обожгли меня,

Язык мой огнём горел, как будто огненная пришла.

Художественный перевод на русский язык:

Я проснулся, опалённый, и огонь во мне горит, –

Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера. [5, с. 64]

Первая строка шестого бейта художественного перевода на азербайджанский язык максимально приближена к адекватному воспроизведению содержания оригинала. Во второй же строке оригинала автор создаёт яркий образ за счёт таких поэтических фигур, как «*капли слёз идущие из глаз*» и «*родниковая вода*». Переводчик применил метод антонимического перевода – «огонь», «огненная», благодаря чему смог сохранить эмоциональный фон содержания, а также общую концептуальную канву газели. Художественный перевод данного бейта на русский язык полностью адекватен оригиналу, в нём передаётся интригующее развитие логического укрепления сюжетной ткани стиха. В этих строках поэтическое мастерство поэта-переводчика Арсения Тарковского проявляется во всей красе, образность оригинала передана в полном объёме.

Седьмой бейт:

خورد سوگند نظامی بسر شروانشاه

که چو بیدار شدم یار بخواب آمده بود

[4, с. 300]

Xord souqənd Nezami be sərə Şervanşah

Ke çə bədar şodəm yar bəxab amədə bud

Подстрочный перевод бейта на русский язык:

Низами клянётся головою Ширванишаха, что

Проснулся и понял, что оказывается любимая ко мне во сне пришла.

Художественный перевод на азербайджанский язык:

Ey Nizami! – dedi, – birdən ayılıb, gördüm o yox,

Demə rüyada bizə çeşti-xumar gəlmiş idi. [3, с. 27]

Подстрочный перевод с азербайджанского на русский язык:

Эй, Низами! – сказала, – вдруг проснулся, увидел, что не она,

Оказывается к нам во сне томноглазая пришла.

Художественный перевод на русский язык:

Головою Ширванишаха вам клянётся Низами:

Лишь во сне со мною вместе милая была вчера. [5, с. 64]

Автором перевода на азербайджанский язык в целом полностью сохранён смысл бейта, но упущена важная смысловая деталь – «Низами клянётся головою Ширванишаха», ибо этот поэтический посыл явно указывает на дружеские отношения великого поэта с правителем Ширвана – Ахситаном I (годы правления 1160–1196). В качестве компенсации данного смыслового компонента переводчик добавил эпитет «*томноглазая*», который, несомненно, усиливает образную загадочность поэтической ситуации.

При рассмотрении перевода на русский язык этого же бейта можно констатировать, что Арсению Тарковскому мастерски удалось полностью сохранить не только смысловую нагрузку бейта, он также смог рифмой передать ссылку Низами на Ширваншаха.

В качестве заключения сопоставительного анализа переводов газели Низами на типологически разные языки – азербайджанский и русский, необходимо отметить, что при тщательном текстологическом анализе данных переводов было ещё раз со всей убедительностью установлено высочайшее поэтическое и переводческое мастерство и Джафара Хандана, и Арсения Тарковского, которые, нередко используя совершенно разные способы и методы художественно-поэтического перевода, смогли выйти на максимальный уровень адекватности с воспроизведением всех эстетических деталей исходного произведения с учётом лингвистических особенностей языков перевода.

Упомянув основополагающие требования, предъявляемые к поэтическому художественному переводу, а также его естественные технологические сложности, прежде всего, следует указать на внешне формальную сложность поэтического текста. Как известно, поэтическая форма традиционно поставлена в жёсткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись – это те особенности формы, которые, сочетаясь, придают стиху особый параметр музыкальности, те внутренние каркасные балки, которые обеспечивают архитектурному сооружению стиха неотразимую привлекательность. По этому поводу теоретик-переводовед И.С. Алексеева точно подметила: «Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии» [1, с. 138].

Среди учёных-переводоведов бытует ещё одно устойчивое мнение о том, что произведения классиков время от времени, как минимум через каждые 50-60 лет, надо заново переводить на другие языки. Объясняется это тем, что филологическая наука развивается, а переводы морально и содержательно устаревают, поэтому периодически их необходимо обновлять (В.С. Виноградов, М.А. Дадашзаде, В.Н. Комиссаров, Б.А. Набиев, П.М. Топер, А.В. Фёдоров, А.Д. Швейцер). Бесспорно, в этом тезисе есть большая доля истины, так как технология переводческой деятельности, действительно, не стоит на месте. Но, с другой стороны, вряд ли этим можно руководствоваться как аксиомой, особенно когда речь идёт о переводах, которые уже сами по себе становятся поэтическими художественными шедеврами, а нередко просто отрываются от оригинала и начинают жить как бы своей самостоятельной жизнью.

© Багиров А.М., 2021

Список литературы

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории // И.С. Алексеева. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
2. Божественные слова. Классика литератур СНГ. Фольклор и литературные памятники Азербайджана // науч. ред. акад. НАНА Т.Г. Керимли. Сост., биограф. спр. и комм. А.М. Багирова. М.: Худ. лит., 2010. 728 с.
3. Гянджеви Н. Лирика (на азерб. яз.) // Н. Гянджеви. Баку: Лидер, 2004. 160 с.
4. Гянджеви Н. Сборник касыд и газелей (на перс. яз.) // Н. Гянджеви. Сост. и комм. проф. Саида Нефиси. Тегеран, 1966. 409 с. [غزلیات نضامی گنجوی. بکوشش استاد سید نفیسی دیوان غصاید و تهران].
5. Гянджеви Н. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый // Н. Гянджеви. М.: Худ. лит., 1985. 382 с.
6. Мир Джалал. Основы литературоведения (на азерб. яз.). Учеб. для ВУЗов // Мир Джалал, Панах Халилов. Баку: Maarif, 1972. 280 с.
7. Словарь арабских и персидских слов: для чтения классической азербайджанской литературы (на азерб. яз.) // под ред. Ю.З. Ширвани. Баку: Элм, 1967. 1036 с.
8. Чуковский К.И. Высокое искусство: принципы художественного перевода // К.И. Чуковский. С.-Пет.: Азбука-Аттикус, 2019. 416 с.

References

1. Alekseeva, I.S. *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and translation. Questions of theory] / I.S. Alekseeva. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2008. 184 s.
2. *Bozhestvennye slova. Klassika literatur SNG. Folklor i literaturnye pamiatniki Azerbaidzhana* [Divine words. Classics of CIS literatures. Folklore and literary monuments of Azerbaijan], nauch. red. akad. NANA T.G. Kerimli. Sost., biograf. spr. i komm. A.M. Bagirova. M.: Hud. lit., 2010. 728 s.
3. Giandzhevi, N. *Lirika (na azerb. iaz.)* [Lyrics (in Azerbaijani)] // N. Giandzhevi. Baku: Lider, 2004. 160 s.
4. Giandzhevi, N. *Sbornik kasyd i gazelei (na pers. iaz.)* [Collection of kasyds and gazelles (in Persian)] // N. Giandzhevi. Sost. i komm. prof. Saida Nefisi. Tegeran: 1966. 409 s. [غزلیات نضامی گنجوی. بکوشش استاد سید نفیسی دیوان غصاید و تهران].
5. Giandzhevi, N. *Sobranie sochinenii v piati tomakh. Tom pervyi* [Collected works in five volumes. Volume One] // N. Giandzhevi. M.: Hud. lit., 1985. 382 s.
6. Mir Dzhahal. *Osnovy literaturovedeniia (na azerb. iaz.)*. Ucheb. dlia VUZov [Fundamentals of Literary Studies (in Azerbaijani). Studies for Universities] // Mir Dzhahal, Panah Halilov. Baku: Maarif, 1972. 280 s.

7. Slovar arabskikh i persidskikh slov: dlia chteniia klassicheskoi azerbaidzhanskoi literatury na azerb. iaz. [Dictionary of Arabic and Persian Words: for Reading Classical Azerbaijani Literature (in Azerbaijani.)] // pod red. Y.Z. Shirvani. Baku: Elm, 1967. 1036 s.
8. Chukovskii, K.I. *Vysokoe iskusstvo: printsipy hudozhestvennogo perevoda* [High Art: Principles of Literary Translation] / K.I. Chukovskii. S. Pet.: Azbuka-Attikus, 2019. 416 s.

Сведения об авторе:

Багиров Абузар Муса оглу – доктор филологических наук, профессор Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока Университета МГИМО МИД РФ, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: история и теория азербайджанской литературы, фольклористика, азербайджанско-русская литературная связь.
E-mail: abuzar-bam@mail.ru

About the author:

Abuzar M. Bagirov – Doctor of Philology, Professor of the Department of Middle-East Languages, Moscow State University of International Relations (MGIMO- University), Leading Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). Sphere of scientific and professional interests: history and theory of Azerbaijani literature, folkloristics, Azerbaijani-Russian literary connection. E-mail: abuzar-bam@mail.ru

* * *

EXPERIMENT IN CREATING PROFESSIONALLY ORIENTED MATERIALS FOR TEACHING ENGLISH TO INTERNATIONAL LAW STUDENTS

N.N. Dianina, M.A. Kolosovskaia, E.A. Lisova, N.A. Segeitcheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The study presents results of many years of research and analysis into the process of creating core textbooks and teaching materials aimed at developing linguistic, communicative and professional competences inherent in the future professional activities of International Law students. When creating language learning materials with a focus on a particular profession (e.g. English for Law Students), it is important to proceed from the nature and specific content of day-to-day activities surrounding the future job of a student. Detailed analysis of legal documents and professional activities that International Law students may be involved in in the future allows to gauge the necessary level of English grammar and vocabulary that needs to be attained. The process also points out what specific language and communication skills (e.g. negotiation, persuasion, etc.) as well as professional competencies may be required. Since core textbook for learning English written by native speakers are very generic and, naturally, do not aim at achieving the level of English language, communication and professional skills required by those specializing in International Law, we find it of vital importance to create a series of very niche textbooks for achieving these goals. The present study allows us to determine the structure and content of core textbooks and to create a system of grammar and lexical exercises as well communication tasks aimed at acquiring specific grammar and conversational skills within a short period of time. Of particular mention here too is mastering debating skills, which is paramount for International Law students. This again can only be achieved by creating very narrowly focused materials that will introduce these skills gradually.*

Keywords: *professionally oriented materials, professional activities, professional skills, translation, requirements for exercises, professionally oriented discussion, acquiring debating skills*

For citation: Dianina, N.N., Kolosovskaia, M.A., Lisova, E.A., Segeitcheva, N.A. (2021). Experiment in Creating Professionally Oriented Materials for Teaching English to International Law Students. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 76–87. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-76-87>

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Н.Н. Дианина, М.А. Колосовская, Е.А. Лисова, Н.А. Сергейчева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматриваются результаты многолетнего исследования и анализа работы по созданию базовых учебников и учебных пособий, направленных на формирование лингвистических, коммуникативных и профессиональных компетенций юриста-международника. При создании профессионально ориентированных учебных материалов необходимо исходить из характера и конкретного наполнения профессиональной деятельности будущего специалиста. Анализ юридических документов и профессиональной деятельности юриста-международника позволяет определить объём грамматического и лексического материала, необходимого и достаточного для успешной профессиональной деятельности юриста-международника, а также выделить языковые, коммуникативные и профессиональные компетенции, формирование которых необходимо осуществить в ходе обучения английскому языку. Поскольку учебные материалы, написанные носителями английского языка, не ставят себе целью формирование лингвистических и коммуникативных компетенций до уровня, необходимого юристу-международнику, представляется необходимым создание серии учебников, направленных на достижение указанных целей. На основе данных проведённого исследования можно определить содержание и структуру учебных материалов, построить оригинальную систему грамматических, лексических и коммуникативных упражнений, позволяющих в сжатые сроки сформировать прочные грамматические навыки и речевые умения. Особого внимания требует формирование дискуссионных умений как основы профессиональных компетенций юриста-международника. Эта задача может быть выполнена на основе специально разработанных учебных материалов, позволяющих осуществлять поэтапное формирование данных умений.

Ключевые слова: профессионально ориентированные материалы, профессиональная деятельность, профессиональные компетенции, перевод, требования к упражнениям, профессионально ориентированная дискуссия, формирование дискуссионных умений

Для цитирования: Дианина Н.Н., Колосовская М.А., Лисова Е.А., Сергейчева Н.А. (2021). Опыт создания профессионально ориентированных материалов для обучения английскому языку юристов-международников. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 76–87. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-76-87>

Обучение английскому языку юристов-международников предполагает два основных этапа, представляющих собой практически две отдельные дисциплины – «Иностранный язык общий» и «Язык специальности». Базовый общий курс формирует лингвистические и коммуникативные компетенции, необходимые и достаточные для практической деятельности юриста-международника, а специальный курс знакомит студентов с юридическими поня-

тиями и категориями, принятыми в англо-американской правовой системе, и формирует навыки переводческой деятельности.

Целью данной статьи является определение содержания и структуры учебных материалов общезыковой практики, закладывающих основу для успешного усвоения материалов специального курса и формирования профессиональных компетенций юриста-международника.

Актуальность исследования и обмена опытом в данной области определяется тем, что в настоящее время (по мнению как школьных учителей, так и преподавателей вузов) качество языковой подготовки в школах, а следовательно, и абитуриентов вузов значительно снизилось. Это приводит нас к необходимости создания новых учебных материалов, позволяющих в сжатые сроки формировать лингвистические и коммуникативные компетенции на достаточно высоком уровне.

Важно и то, что большинство исследований в области профессионализации обучения иностранному языку (в частности работы Н.П. Хомяковой [14] и К.Х. Рекош [13]) посвящено разделу языка специальности. Вопросы ранней профессионализации в ходе общезыковой подготовки рассматриваются в исследованиях А.А. Кизимы [10], М.В. Гринёвой [4], А.Н. Павловой [12]. Однако данные работы посвящены обучению экономистов-международников. Безусловно, они указывают основные пути ранней профессионализации обучения, но даже поверхностный взгляд на проблему даёт основания полагать, что обучение юристов-международников должно иметь свои собственные специфические черты. Данное положение и обуславливает цель данной работы, для достижения которой было необходимо решить следующие задачи:

1. Определить сферы профессиональной деятельности юристов-международников, выполняемой с применением иностранного языка.

2. Выявить лингвистические и профессиональные компетенции, необходимые и достаточные для профессиональной деятельности юриста-международника, которые должны быть сформированы в ходе обучения иностранному языку.

3. Определить психологические особенности речевой деятельности юриста-международника в ходе решения профессиональных задач.

4. Разработать требования для профессионально ориентированных учебных материалов.

Поставленные цели и задачи определили следующие методы исследования:

- a) анкетирование выпускников международно-правового факультета, работающих по специальности, и ведущих специалистов в области юриспруденции из профессорско-преподавательского состава МГИМО;

- b) лингвистический анализ текстов юридического характера;

- c) изучение теоретических работ по методике и психологии преподавания иностранного языка;

- d) анализ наиболее популярных учебных материалов, созданных носителями языка;

- e) обобщение практического опыта преподавания английского языка на международно-правовом факультете МГИМО;

- f) экспериментальная проверка эффективности составленных учебных материалов.

Создание качественных профессионально ориентированных учебников для обучения иностранному языку юристов-международников предполагает, в первую очередь, анализ профессиональной деятельности, выполняемой ими с использованием иностранного языка. Исследование, начатое авторами данной статьи ещё в начале 2000-х годов, опиралось на анкетирование студентов старших курсов и выпускников международно-правового факультета МГИМО, работающих по специальности. Анкета включала следующие основные вопросы:

1. Какие виды работ вы выполняете с использованием иностранного языка?

2. Приходится ли вам проводить беседы с носителями языка? Если «ДА», то какие вопросы вы чаще всего обсуждаете? (Профессиональные? Повседневные? Общественно-политические?)

3. Какие трудности вы испытываете при выполнении профессиональных задач с использованием иностранного языка?

Анкетирование, которым было охвачено 119 человек, показало, что выпускники МГИМО выполняют следующие виды работы:

- чтение и анализ юридических документов;
- письменный перевод документов с английского языка на русский и с русского на английский;
- составление документов юридического характера;
- устный двусторонний перевод бесед вышестоящих сотрудников;
- самостоятельное участие в переговорном процессе;
- свободные беседы и дискуссии на профессиональные темы.

Огромное значение для данного исследования имели личные беседы с ведущими специалистами в области юриспруденции, работавшими в МГИМО, среди которых были заслуженный юрист РФ доктор юридических наук профессор И.И. Веремеенко, заслуженный юрист РФ почётный доктор МГИМО РФ С.Н. Лебедев, доктор юридических наук профессор Г.П. Толстомятенко и другие.

Первоначальной гипотезой данной части исследования было мнение, что существуют специфические особенности восприятия и построения речевого высказывания профессиональным юристом. В ходе бесед данная гипотеза была подтверждена и расширена. В частности, было определено, что важной задачей обучения юриста, помимо сообщения знаний по различным отраслям права, является формирование юридического правового мышления.

Что касается языковой подготовки, было установлено, что как продуктивные (говорение и письмо), так и рецептивные (слушание и чтение) виды речевой деятельности юриста-международника имеют свои специфические черты, основными из которых является максимально точное восприятие устных сообщений и письменных текстов, а также формирование устного или письменного речевого высказывания не только абсолютно адекватно замыслу, но и способом, исключая возможность различного толкования смысла высказывания.

Поясним последнее утверждение элементарным примером: "The editor of the newspaper decided to employ more talented reporters." Анализ данного простого предложения приводит к необходимости определить, что было решено: принять на работу больше репортёров (more reporters) или найти репортёров, которые более талантливы (more talented)? Если для обычного повседневного общения такие тонкости в высказываниях не имеют никакого значения, то в юридической практике они могут привести к серьёзным последствиям, если подобные разночтения в трактовке текста встречаются в формулировках документов, являющихся предметом судебного разбирательства.

Данное положение подтверждается многими исследованиями. Так, И.А. Богданова указывает, что неточности в тексте договора или грамматические ошибки могут привести к подаче судебных исков [2, с. 7]. Поддержку этого мнения мы находим и в исследовании Н.Д. Афанасьевой: «Неточное словоупотребление, нарушение законов языка в области права создают предпосылки для различного понимания закона, а значит, и различного применения его, то есть создаёт почву для произвола и беззакония» [1, с. 145].

Следует также отметить, что в процессе обучения иностранному языку, не предполагающего профессиональной направленности, основной целью является обучение порождению и восприятию речевых сообщений, поскольку повседневная деятельность с использованием иностранного языка в данном случае нацелена на обмен информацией. В ходе профессиональной деятельности с использованием иностранного языка главной проблемой является достижение какой-либо практической цели, само же речевое сообщение представляется средством её достижения. Порождение и восприятие высказываний происходит на фоне сложной мыслительной активности, предполагающей необходимость анализировать постоянно меняющуюся ситуацию общения, искать и формулировать новые аргументы, менять стратегию аргументации, искать новые пути достижения конечной цели деятельности.

Отсюда следует, что схема порождения речевого высказывания, а также психологическое содержание речевой деятельности, разработанные в трудах И.А. Зимней [9], на которых основывается обучение иностранному языку, в профессиональной деятельности становится намного более сложными и многоуровневыми. Становится очевидным, что в данных условиях участники общения не в состоянии концентрировать внимание на грамматическом и лексическом оформ-

лении высказывания. Следовательно, в ходе профессионально ориентированного обучения иностранному языку лингвистические компетенции должны формироваться до уровня свободного владения.

Создание профессионально ориентированных учебных материалов также требует тщательного отбора грамматического и лексического материала, предлагаемого для активного усвоения. В научных трудах, посвящённых грамматическому оформлению юридического текста, закрепилось понятие «юридической грамматики». Однако, как утверждает И.А. Богданова, анализ теоретических трудов «позволяет утверждать, что большая часть материала описывает на примере юридических текстов правила и нормы стандартной практической грамматики английского языка» [2, с. 8]. В то же время исследование юридических документов (договоров, официальной переписки и т.п.), проведённое авторами данной статьи, показывает, что для юридических документов характерно употребление грамматических форм, которым уделяется мало внимания в учебных пособиях, не предполагающих профессиональной ориентации, а именно:

- употребление формы Present Perfect в придаточных предложениях времени и условия, подчёркивающей необходимость выполнения или завершения действия;
- употребление эмфатических конструкций типа “On no account do we agree to ...”;
- употребление бессоюзных условных предложений с инверсией для выражения незначительной вероятности события: “Should somebody do something, somebody will ...”;
- употребление форм сослагательного наклонения: “Propose that something (should) be done”;
- употребление номинативно-причастных абсолютных конструкций: “The terms of the contract having been fulfilled, the company is obliged ...”.

Большое внимание при создании профессионально ориентированных учебных материалов должно уделяться отбору лексических единиц, предназначенных для активного усвоения. Если в широко распространённых учебных пособиях предпочтение отдаётся эмоционально окрашенной лексике, характерной для художественного и публицистического стиля речи, то в профессионально ориентированных материалах для юристов упор должен быть сделан на лексике официального стиля, принятого в текстах юридического характера. При этом, по мнению авторов данной статьи, в ходе занятий общезыковой подготовки не следует увлекаться изучением юридической терминологии, которая должна быть предметом дисциплины «Язык специальности» и требует привлечения юридического контекста. На наш взгляд, особое внимание должно уделяться выбору слов из синонимических рядов типа “state – claim – maintain”, которые могут переводиться на русский язык одним и те же словом, а в английском языке имеют существенные различия в оттенках смысла.

Большое значение для создания качественных профессионально ориентированных материалов для обучения юристов-международников имеет отбор текстового материала, предназначенного для формирования коммуникативных компетенций. Было установлено, что наиболее рациональным является использование текстов общественно-политического характера, связанных с проблемами современности, допускающих их обсуждение с точки зрения права. Так, проблема использования водных ресурсов, которая широко освещается в средствах массовой информации, может обсуждаться не только как информационный материал по данной теме, но и в более широком аспекте, затрагивающем вопросы международного права в области использования ресурсов одного источника (например, реки) несколькими государствами. Данный подход в значительной степени повышает мотивацию обучения, поскольку он даёт возможность обучаемым использовать знания по специальным дисциплинам на занятиях по иностранному языку, представляет собой задачу, требующую интеллектуальных усилий, а также приводит к необходимости использовать интернет-ресурсы для поиска дополнительных сведений по изучаемому вопросу. Становится очевидным, что указанный подход к учебным материалам в значительной степени способствует профессионализации обучения.

На основе сказанного можно определить основные требования к профессионально ориентированным учебным материалам, которые должны содержать:

- упражнения для формирования речевых автоматизмов;

- задания для формирования лингвистических компетенций;
- упражнения на перевод отдельных предложений и связных текстов с русского языка на английский;
- текстовый материал для формирования навыков чтения, а также компетенций общественно-политического, социально-культурного и профессионального общения.

Анализ учебных пособий, а также длительная работа с учебниками, созданными носителями английского языка серий “Headway” [18], [17], [16], “Face2Face” [15], [20], “Objective” [19], проведённая соавторами данной статьи, показывает, что данные материалы, естественно, не преследуют тех целей и задач, которым должны соответствовать профессионально ориентированные материалы. Дополнения, сопровождающие аутентичные учебники, также не могут обеспечить достаточно качественное обучение юристов-международников по той простой причине, что указанные учебники довольно часто переиздаются со значительными изменениями, вследствие чего создавать полноценные дополнения к ним в короткие сроки не представляется возможным.

Это приводит нас к необходимости разработки особых учебных материалов, отвечающих указанным выше требованиям и обеспечивающих последовательное поэтапное формирование лингвистических, общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых юристу-международнику. При этом представляется целесообразным создание серии учебников, каждый последующий этап которых базируется на усвоенном лексическом и грамматическом материале предыдущего. Данный подход позволяет осуществить основные методические принципы обучения (предъявления материала по принципу от простого к сложному, повторяемости материала, введения новых грамматических явлений на основе ранее усвоенной лексики, то есть соблюдения принципа доступности и посильности обучения и т.п.).

Примером серии профессионально ориентированных материалов могут служить учебники, разработанные Н.Н. Дианиной [7], [5]. Типовой Урок (Unit) данных учебников имеет следующую структуру:

1. Задания для развития навыков образования временных форм глагола.
2. Упражнения на употребление грамматических времен.
3. Лексико-грамматический перевод с русского языка на английский.
4. Тексты по актуальным вопросам современности для формирования навыков и умений чтения, а также коммуникативных компетенций.
5. Лексико-грамматические упражнения для отработки сложных грамматических конструкций, требующих повторного внимания, и лексических единиц, представляющих трудности при выборе слова.
6. Вопросы для дискуссионного обсуждения изучаемых тем.
7. Задания для написания эссе.
8. Раздел повторения и контроля усвоения лексического и грамматического материала.

Задания для развития навыков образования глагольных форм построены в виде трансформационных упражнений по моделям (образование вопросительной и отрицательной формы), которые должны быть отработаны до полного автоматизма в часы самостоятельной работы. Целью данных упражнений является предупреждение возникновения ошибок в речи или их коррекция в случае недостаточно прочного усвоения грамматического материала.

Упражнения на употребление грамматических времён представлены в виде заданий на раскрытие скобок сначала в отдельных предложениях, а затем в связных текстах. Такая подача материала представляется целесообразной, поскольку отдельные предложения выступают в роли объяснения и демонстрации употребления грамматических явлений. Их недостатком является присутствие своего рода «сигналов», указывающих на необходимость употребления той или иной грамматической формы, что до некоторой степени препятствует прочному усвоению материала. В связных текстах такого рода подсказок можно избежать и заставить обучаемых делать выбор грамматических форм с опорой на широкий контекст высказывания и таким образом обеспечить точное представление о значении изучаемых грамматических явлений.

Грамматические упражнения на раскрытие скобок с глагольными формами являются многоцелевыми. Помимо обучения адекватному употреблению грамматических форм, они могут служить цели обучения анализу структуры предложения, что представляется исключительно важным для студентов-юристов, поскольку юридический текст изобилует формами пассивного залога, конструкциями с инфинитивом, причастием, герундием и придаточными предложениями.

Грамматические упражнения в виде связных текстов также позволяют провести на их основе ролевые игры или дискуссии, в ходе которых обучаемым даётся задание употреблять изучаемые грамматические явления в самостоятельных высказываниях. Таким образом обеспечивается формирование прочных грамматических навыков, составляющих большую часть необходимых лингвистических компетенций юриста-международника.

На основе сказанного можно определить основные требования к упражнениям данного вида:

- наличие интересного сюжета и /или проблемы для обсуждения;
- наличие сложных грамматических оборотов и придаточных предложений, требующих анализа структуры предложения для выполнения поставленной задачи;
- минимальное количество «сигналов» для употребления грамматических форм (now, already, just, yet, etc.);
- наличие вопросов для обсуждения текста или задания для ролевой игры по сюжету текста.

Упражнения на перевод с русского языка на английский имеют особое значение для обучения юристов, поскольку он является важным профессиональным умением юриста-международника. Основной проблемой здесь является то, что перевод практически исключён из школьных программ и абитуриенты, поступившие в вуз, оказываются неподготовленными к усвоению программы обучения. Кроме того, в школах сейчас укоренилось толерантное отношение к грамматическим ошибкам. Так, Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез отмечают, что в школах даже с углублённым изучением иностранного языка допускается неточность в использовании языковых средств, поскольку «основная цель обучения иностранному языку – формирование способности к межкультурной коммуникации – исключает примат в учебном процессе грамматической прогрессии» [3, с. 132].

Указанный подход не может считаться приемлемым в обучении иностранному языку юристов-международников. По этой причине мы считаем, что лексико-грамматический перевод с русского языка на английский является важным средством обучения, так как он требует концентрации внимания на употреблении грамматических форм и изучаемых лексических единиц и тем самым представляется одним из способов закрепления учебного материала и предотвращения ошибок в речи. Поскольку лексико-грамматический перевод может быть построен не только в виде отдельных предложений, но и в виде связного текста, он может приближаться к некоторой модели реального речевого общения. Вследствие этого он может выступать не только как средство обучения адекватному употреблению грамматических форм и лексических единиц, но и говорению, так как, строя своё высказывание по какой-либо теме, студенты не могут избежать построения его на родном языке во внутренней речи с последующим его переводом на иностранный язык.

Следует также отметить, что письменный перевод с русского языка на английский является одним из средств обучения письму как виду речевой деятельности и не может быть полностью заменён на письменные задания типа эссе, поскольку в самостоятельных письменных высказываниях студенты обычно избегают употребления сложных грамматических форм и лексических единиц, что в значительной степени снижает ценность указанных заданий как средств обучения.

Как было указано выше, основными целями и задачами обучения юристов является сообщение знаний по различным отраслям права и формирование правового мышления. На первый взгляд эти задачи далеки от процесса преподавания иностранного языка, однако при ближайшем рассмотрении можно найти возможности достижения указанных целей.

Первая задача выполняется путём включения в программу обучения изучения классических произведений, связанных с историей и философией права. Представляется очевидным, что указанные материалы целесообразно включать не в корпус базовых учебников, а выносить их в аспект внеаудиторного домашнего чтения, что открывает широкие возможности для сообщения

знаний по указанным вопросам, формирования навыков чтения, коммуникативных компетенций и работы над лексическим материалом, представляющим интерес для будущей профессиональной деятельности обучающихся. Примером такого материала может служить пособие Дианиной Н.Н. по книге Платона “The Laws” [8].

Выполнение второй задачи (формирование правового мышления) требует особого внимания. Исследователи данной проблемы, в частности А.И. Овчинников, отмечают, что основой правового мышления является логика [11]. В практике преподавания иностранного языка логика мышления может быть развита путём включения в процесс обучения дискуссий.

Следует отметить, что необходимо различать учебные дискуссии, организуемые в ходе изучения материалов базового учебника, и профессионально ориентированные дискуссии, являющиеся своего рода моделью профессиональной деятельности юристов и других специалистов, которые в ходе своей профессиональной деятельности принимают участие в переговорном процессе. К обычной учебной дискуссии не предъявляется высоких требований с точки зрения установленных правил ведения спора, так как здесь участники лишь обмениваются мнениями по обсуждаемым вопросам и рассогласованность их взглядов представляется лишь мотивом для высказывания. В дискуссиях подобного рода не требуется глубокого и всестороннего обоснования какой-либо точки зрения, высоких требований к логике высказываний не предъявляется и переубеждения оппонентов или приведения точек зрения к компромиссу не требуется.

К профессионально ориентированной дискуссии следует предъявлять иные требования, а именно:

- а) адекватное определение понятий, являющихся предметом дискуссии, и варьирование объёма понятий в соответствии с целями высказывания;
- б) логически верная последовательность предъявления аргументов для доказательства тезиса дискуссии и опровержения антитезиса;
- в) определение достаточности / недостаточности аргументации для доказательства;
- г) верность и обоснованность выводов в доказательстве;
- д) определение логических ошибок в высказываниях оппонентов;
- е) переубеждение оппонента или сведение спора к компромиссу.

Становится очевидным, что выполнение указанных требований невозможно без целенаправленной работы с использованием специально разработанных учебных материалов.

На наш взгляд, такие материалы должны содержать образцы дискуссий, демонстрирующих различные способы доказательства. Это позволяет обучаемым анализировать ход дискуссии, наблюдать, как можно применять различные способы доказательства тезиса, определять логические ошибки в доказательствах, менять тактику ведения дискуссии в зависимости от действий оппонента, управлять дискуссией. Далее на основе такого анализа студенты должны научиться самостоятельно составлять аналогичные диалоги. Специальные учебные материалы могут обеспечить постепенное нарастание трудности заданий и тем самым создавать условия для поэтапного формирования дискуссионных умений и, в конечном итоге, развития логики мышления, что является одной из важнейших составляющих профессиональной компетенции юриста-международника.

Примером такого учебного материала может служить пособие Дианиной Н.Н. “Plato ‘Republic’ The Art of Discussion” [6].

Значительную часть профессиональной деятельности юриста-международника составляет оформление официальных и неофициальных документов (писем, меморандумов и т.п.). По этой причине определённое внимание в ходе обучения иностранному языку необходимо уделять формированию компетенций письма как вида речевой деятельности. Однако, как показывает практика, комплексные задания, посвящённые данному виду деятельности, целесообразно не включать в корпус базового учебника, а выделить их в специальное учебное пособие, поскольку они являются в достаточной степени типовыми и относятся в основном к предметному содержанию создаваемого студентами письменного высказывания. Примером такого материала является «Учебное пособие по обучению письму для студентов 4 курса МП факультета», разработанное соавтором данной статьи Лисовой Е.А.

Существенное значение для качественного обучения английскому языку юристов-международников имеет вопрос, которому, к сожалению, в обычных учебниках никакого внимания не уделяется, а именно – пунктуация. Для документов юридического характера данный аспект является весьма важным, поскольку такой знак препинания, как запятая, часто несёт значительную смысловую нагрузку.

Ввиду того, что ссылки на правила употребления знаков препинания требуются в ходе всего обучения и являются по большей части задачей преподавателя, данному вопросу также целесообразно посвятить отдельное пособие, которое может быть подано в формате справочника. Примером такого материала служит «Введение в пунктуацию английского языка», составленное соавторами данной статьи М.А. Колосовской и Н.А. Сергейчевой.

Значительную роль в создании профессионально ориентированных учебных материалов играет экспериментальная проверка их качества, что и было сделано соавторами данной статьи. Задачами экспериментальной проверки являлось:

- а) определение достаточности / недостаточности количества и объёма упражнений различного вида для достижения конечных целей учебных материалов;
- б) выявление недостатков в очередности подачи материала;
- с) определение общей эффективности материалов для формирования лингвистических, коммуникативных и профессиональных компетенций;
- д) оценка материалов как преподавателями, так и студентами.

В ходе проверки был выявлен целый ряд недостатков. В частности, было установлено, что в ходе работы с формами Present Perfect Simple нецелесообразно включать в упражнения случаи употребления данной формы в придаточных предложениях с союзом 'since' (Since he has been here, he has done ...), которые представляют собой значительную (а в некоторых случаях и непреодолимую) трудность в усвоении материала. Если же данную форму представить в разделе Present Perfect Progressive как употребление формы 'Simple' вместо 'Progressive' с глаголами состояния, особых трудностей в усвоении материала не возникает.

Было также определено, что более или менее твёрдое усвоение таких сложных грамматических явлений, как инверсия в эмфатических конструкциях (Only then did they ...), происходит после третьего предъявления материала с перерывом более двух месяцев.

Ещё одним из недостатков учебников, выявленных в ходе проверки, было распределение грамматических тем по сложности усвоения. Так, по мнению как преподавателей, так и студентов, на конец семестра не должен приходиться сложный материал, требующий значительных интеллектуальных усилий для усвоения и тщательной отработки.

Было также отмечено, что на продвинутых этапах обучения, где особое внимание уделяется таким видам учебной деятельности, как дискуссии, свободные высказывания по темам обучения, ролевые и деловые игры, увеличивается количество ошибок в речи, поскольку указанные виды работ требуют значительных интеллектуальных усилий, вследствие чего ослабевает внимание, направленное на языковое оформление высказывания.

Анализ проводился на основании результатов экзамена за 4 семестр (2 курс) и устного зачета за 7 семестр (4 курс), а также ролевых и деловых игр, проводившихся в течение тех же семестров. В расчёт принимались показатели студентов 2 курса в группах авторов данной статьи Н.Н. Дяниной и Н.А. Сергейчевой (4 группы, 27 человек) и тех же студентов на четвёртом курсе, обучавшихся в группах М.А. Колосовской и Е.А. Лисовой. Объём данной статьи не позволяет привести все данные эксперимента, поэтому мы ограничимся полученными выводами.

Было установлено, что студенты, имеющие оценки успеваемости в пределах B82 – A90, на втором курсе бакалавриата в подготовленном устном высказывании допускали 4-7 ошибок, в ролевых играх – 5-10 ошибок, в устном переводе предложений с русского языка на английский – 1-3 ошибки. На четвёртом курсе бакалавриата у данной категории студентов наблюдалось увеличение ошибок в количестве 2-3 по всем пунктам проверки.

Студенты, имеющие оценки успеваемости в пределах D67 – 74, на втором курсе бакалавриата в подготовленном устном высказывании допускали 8-10 ошибок, в ролевых играх – 9-12, в пере-

воде предложений с листа – до 6 ошибок. На четвёртом курсе у данной категории студентов наблюдалось значительное увеличение количества ошибок по всем аспектам проверки. При этом необходимо отметить, что у всех категорий студентов наблюдались ошибки в порядке слов в вопросительных предложениях, употреблении грамматических времён и артиклей.

Это свидетельствует о том, что на продвинутых этапах обучения должна проводиться работа по поддержанию навыков устной речи. Для выполнения указанной задачи можно рекомендовать включение в базовый учебник упражнений на употребление грамматических времён и перевод с русского языка на английский, поскольку именно эти виды работы требуют концентрации внимания на грамматической форме.

В общем и целом, экспериментальная проверка показала высокую эффективность представленных материалов. Все выявленные недостатки были устранены в конечном варианте учебников.

На основании сказанного можно сделать вывод, что создание качественных профессионально ориентированных учебных материалов должно основываться на анализе профессиональной деятельности выпускников университета, отборе необходимого и достаточного грамматического и лексического материала, разработке системы упражнений в соответствии с целями и задачами пособий и экспериментальной проверке качества материалов.

© Дианина Н.Н., Колосовская М.А., Лисова Е.А., Сергейчева Н.А., 2021

Список литературы

1. Афанасьева Н.Д. Обучение культуре деловой речи иностранных студентов юридической специальности. Дисс. канд. пед. наук. Москва, РУДН, 2009. 190с.
2. Богданова И.А. Грамматические особенности организации юридического текста: роль и место юридической грамматики при обучении языку специальности юристов-международников // Юридический английский язык: предмет, исследования практика. Сб. материалов круглого стола международной научно-практической конференции / под ред. М.А. Голубцовой. Москва : МГИМО-Университет, 2019. 98с.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие для студ. линг. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учебн. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336с.
4. Гринева М.В. Формирование профессионального языкового дискурса экономистов-международников средствами домашнего чтения. Дисс. канд. пед. наук. Москва, 2018. 221с.
5. Дианина Н.Н. Аутентичный английский для продвинутого этапа обучения : учебное пособие / Н.Н. Дианина ; МГИМО МИД России. Москва : МГИМО-Университет, 2015. – 400с.
6. Дианина Н.Н. Платон «Государство»: искусство дискуссии : учебное пособие / Н.Н. Дианина ; МГИМО МИД России. Москва : МГИМО-Университет, 2009. 141с.
7. Дианина Н.Н. Учебник английского языка для среднего этапа обучения : учебное пособие / Н.Н. Дианина ; МГИМО МИД России. Москва : МГИМО-Университет, 2018. 281с.
8. Дианина Н.Н. Учебное пособие для студентов 1-2 курсов международно-правового факультета по книге Платона «Законы» : учебное пособие / Н.Н. Дианина ; МГИМО МИД России. Москва : МГИМО-Университет, 1999. 98с.
9. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Рус. яз., 1989. 219с.
10. Кизима А.А. Организационно-педагогические условия профессиональной языковой пропедевтики экономистов-международников в высшей школе. Дисс. канд. пед. наук. Москва, 2019. 201с.
11. Овчинников А.И. Правовое мышление. Дисс. докт. юридич. наук. Краснодар, 2004. 512с.
12. Павлова А.Н. Ранняя языковая профессионализация экономистов-международников (на примере итальянского языка). Дисс. канд. пед. наук. Москва, 2019. 188с.
13. Рекош К.Х. Французский язык как вербализатор западно-европейского правового знания (от истоков до дискурса права Европейского союза. Автореф. дисс. докт. пед. наук. Москва, РУДН, 2018. 45с.
14. Хомякова Н.П. Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза: французский язык. Автореф. дисс. докт. пед. наук. Москва, МГЛУ, 2011. 48с.
15. Chris Redston & Gillie Cunningham. Face2Face Upper Intermediate. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 160p.
16. Liz & John Soars. New Headway Advanced. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160p.
17. Liz & John Soars. New Headway Intermediate. Oxford : Oxford University Press, 1996. 159p.
18. Liz & John Soars. New Headway Pre-Intermediate. Oxford : Oxford University Press, 2000. 144p.
19. Michael Black & Annette Capel. Objective Advanced Self-study Student's Book. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 207p.

20. Jillie Cunningham & Jan Bell. *Face2Face Advanced*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 160p.

References

1. Afanas'eva, N.D. *Obuchenie kul'ture delovoi rechi inostrannykh studentov iuridicheskoi spetsial'nosti* (Teaching foreign students of law the art of formal styles of speech). Diss. kand. ped. nauk. Moskva, RUDN, 2009. 190s.
2. Bogdanova, I.A. Grammaticheskie osobennosti organizatsii iuridicheskogo teksta: rol' i mesto iuridicheskoi grammatiki pri obuchenii iazyku spetsial'nosti iuristov-mezhdunarodnikov (Grammatical features of the organization of the legal text: role and place of legal grammar in the teaching of the language in the field of international law) // *Iuridicheskii angliiskii iazyk: predmet, issledovaniia praktika*. Sb. materialov kruglogo stola mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (English Legal Language: subject, studies and practice. Proceedings of the Round Table of the International Scientific and Practical Conference)/ pod red. M.A. Golubtsovoi. Moskva : MGIMO-Universitet, 2019. 98s.
3. Gal'skova, N.D., Gez N.I. *Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvovidaktika i metodika : uchebnoe posobie dlia stud. ling. un-tov i fak. in. iaz. vyssh. ped. uchebn. zavedenii* (Theory of Foreign Language Education. Linguadidactics and Methodology: Training Manual for Linguistic University students and students of Foreign Language Departments of Higher Pedagogical Education Institutes) / N.D. Gal'skova, N.I. Gez. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademii», 2006. 336s.
4. Grineva, M.V. *Formirovanie professional'nogo iazykovogo diskursa ekonomistov-mezhdunarodnikov sredstvami domashnego chteniia* (Building skills of professional language discourse of international economists by means of home reading). Diss. kand. ped. nauk. Moskva, 2018. 221s.
5. Dianina, N.N. *Autentichnyi angliiskii dlia prodvinutogo etapa obucheniia : uchebnoe posobie* (Authentic English for Advanced Learners) / N.N. Dianina ; MGIMO MID Rossii. Moskva : MGIMO-Universitet, 2015. 400s.
6. Dianina, N.N. *Platon «Gosudarstvo»: iskusstvo diskussii : uchebnoe posobie* (Plato. "Republic": the Art of Discussion) / N.N. Dianina ; MGIMO MID Rossii. Moskva : MGIMO-Universitet, 2009. 141s.
7. Dianina, N.N. *Uchebnik angliiskogo iazyka dlia srednego etapa obucheniia : uchebnoe posobie* (English Course Book for Intermediate students) / N.N. Dianina ; MGIMO MID Rossii. Moskva : MGIMO-Universitet, 2018. 281s.
8. Dianina, N.N. *Uchebnoe posobie dlia studentov 1-2 kursov mezhdunarodno-pravovogo fakul'teta po knige Platona «Zakony» : uchebnoe posobie* (Training manual for students of 1-2 courses of the International Law Faculty on the book by Plato "Laws") / N.N. Dianina ; MGIMO MID Rossii. Moskva : MGIMO-Universitet, 1999. 98s.
9. Zimniaia, I.A. *Psikhologiya obucheniia nerodnomu iazyku*. (Psychology of non-native language learning) M.: Rus. iaz., 1989. 219s.
10. Kizima, A.A. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviia professional'noi iazykovoi propedevtiki ekonomistov-mezhdunarodnikov v vysshei shkole*. (Organizational and pedagogical conditions for the professional development of international economists in higher education) Diss. kand. ped. nauk. Moskva, 2019. 201s.
11. Ovchinnikov, A.I. *Pravovoe myshlenie*. (Legal thinking) Diss. dokt. iuridich. nauk. Krasnodar, 2004. 512s.
12. Pavlova, A.N. *Ranniaia iazykovaia professionalizatsiia ekonomistov-mezhdunarodnikov (na primere ital'ianskogo iazyka)* (Early language professionalization of international economists (using the example of the Italian Language)). Diss. kand. ped. nauk. Moskva, 2019. 188s.
13. Rekosh, K.H. *Frantsuzskii iazyk kak verbalizator zapadno-evropeiskogo pravovogo znaniia (ot istokov do diskursa prava Evropeiskogo soiuz)*. (French as a recruiter of Western European legal knowledge (from the origins to the discourse of European Law)) Avtoref. diss. dok. ped. nauk. Moskva, RUDN, 2018. 45s.
14. KHomiakova, N.P. *Kontekstnaia model' formirovaniia inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov neiazykovogo vuza: frantsuzskii iazyk*. (Contextual model of the formation of foreign communication competence of students of nonlinguistic higher education institution: French) Avtoref. diss. dokt. ped. nauk. Moskva, MGLU, 2011. 48s.
15. Chris Redston & Gillie Cunningham. *Face2Face Upper Intermediate*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 160p.
16. Liz & John Soars. *New Headway Advanced*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160p.
17. Liz & John Soars. *New Headway Intermediate*. Oxford : Oxford University Press, 1996. 159p.
18. Liz & John Soars. *New Headway Pre-Intermediate*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 144p.
19. Michael Black & Annette Capel. *Objective Advanced Self-study Student's Book*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 207p.
20. Jillie Cunningham & Jan Bell. *Face2Face Advanced*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 160p.

Сведения об авторах:

Дианина Наталия Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания иностранных языков, грамматика английского языка, межкультурная коммуникация, риторика. E-mail: n.dianina.n@gmail.com

Колосовская Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика английского языка, межкультурная коммуникация, инновационные методы преподавания. E-mail: kolosovskaya.1958@mail.ru

Лисова Елизавета Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания иностранных языков, теория перевода, грамматика английского языка.

E-mail: elizaveta.lisova@gmail.com

Сергейчева Наталия Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика английского языка, фонетика английского языка, межкультурная коммуникация.

E-mail: Sergeytcheva@hotmail.com

About the authors:

Natalia N. Dianina – PhD, Assistant Professor of English Language Department №8, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: methodology of foreign language teaching, English grammar, cross-cultural communication, rhetoric. E-mail: n.dianina.n@gmail.com

Marina A. Kolosovskaia – Senior teacher of English Language Department №8, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: English grammar, cross-cultural communication, innovative methods of teaching. E-mail: kolosovskaya.1958@mail.ru

Elizaveta A. Lisova – Senior teacher of English Language Department №8, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: methodology of foreign language teaching, theory of translation, English grammar. E-mail: elizaveta.lisova@gmail.com

Natalia A. Sergeitcheva – Senior teacher of English Language Department №8, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: English grammar, English phonetics, cross-cultural communication. E-mail: Sergeytcheva@hotmail.com

* * *

EVALUATING THE QUALITY OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING BASED ON TEST TRANSLATION OF CULTURE SPECIFIC LINGUISTIC UNITS

Marina A. Chigasheva, Maria A. Yelizaryeva, Zhanna D. Egorova, Vladimir V. Belikov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia

Abstract. *The article analyses the quality of foreign language training among international relations students, necessary for professional communication in a multicultural environment, with regards to different historical and cultural backgrounds of the contacting languages. The article aims to provide criteria for evaluating the quality by assessing test translation of culture specific linguistic units with focus on linguistic, social and cultural differences of the source and target languages. The study involves such methods as the analysis of theoretical literature, polling, a questionnaire survey as well as the use of quantifiable data for the analysis and classification of the findings. Fifty-seven MGIMO master program students participated in the study. Authentic specialized texts containing 56 culture specific linguistic units including non-equivalent lexicon and realia, served as test materials. The quality of translation was evaluated according to a 100-point grading scale conventionally used in MGIMO- University. The article summarizes the basic skills acquired during foreign language training as described in Russian and foreign theoretical literature, and analyzes methods for evaluating the levels of expertise. The study proposes and empirically tests criteria for assessing the quality of foreign language training among international relations students. The study found that the quality of foreign language training depends on the proficiency in translating culture specific linguistic units (realia and non-equivalent lexicon) from foreign language into Russian, with regard for social and cultural differences of the two languages. The findings indicate the relevance of the given indices and show the necessity to elaborate clear criteria for assessing the quality of professional foreign language training.*

Keywords: *foreign language training, specialized texts, translation, culture specific linguistic units, realia, non-equivalent lexicon, social and cultural differences*

The article was prepared within the framework of the Competition of Young Scholars (CYSc)-11/05 MGIMO grant of the Ministry of Foreign Affairs of Russia for the performance of scientific work by young researchers under the guidance of doctors and candidates of sciences.

For citation: Chigasheva, M.A., Yelizaryeva, M.A., Egorova, Z.D., Belikov, V.V. (2021). Evaluating the Quality of Foreign Language Training Based on Test Translation of Culture Specific Linguistic Units. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 88–101. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-88-101>

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЧЕСТВА ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

М.А. Чигашева, М.А. Елизарьева, Ж.Д. Егорова, В.В. Беликов

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье исследуется проблема качества иноязычного образования студентов-международников как предпосылка для осуществления профессиональной коммуникации в межкультурной среде с учётом различий исторического и культурного фона соприкасающихся языков. Цель проведённого исследования – выявить показатели качества иноязычного образования на основе оценки перевода культурно-маркированной лексики с учётом социокультурной специфики исходного и переводящего языков. В ходе исследования использовались метод анализа научно-теоретической литературы, методы анкетирования и опроса, количественной обработки, анализа и систематизации полученных данных. В эмпирическом исследовании приняли участие 57 магистрантов МГИМО МИД России. Материалом послужили аутентичные тексты профессиональной тематики, содержащие специфические понятия: реалии и фоновую лексику (56 единиц). Для определения качества перевода данных единиц использовалась принятая в МГИМО система оценки знаний (по 100 % шкале). В статье обобщены ключевые компетенции профессионального иноязычного образования, описанные в отечественной и зарубежной литературе, проанализированы методы оценки уровня их сформированности. Выявлены и эмпирически апробированы показатели для определения качества профессионального иноязычного образования специалистов-международников. В результате проведённого исследования установлена взаимосвязь между качеством иноязычного образования и умением выполнять перевод специфических единиц (реалий и фоновой лексики) с иностранного языка на русский с учётом социокультурных различий соприкасающихся языков. Полученные данные свидетельствуют о релевантности предлагаемых показателей и необходимости разработки чётких критериев оценки качества иноязычного профессионального образования.

Ключевые слова: иноязычное образование, культурно-маркированная лексика, перевод, реалии, фоновая лексика, социокультурная специфика

Статья подготовлена в рамках гранта КМУ-11/05 МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук.

Для цитирования: Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Егорова Ж.Д., Беликов В.В. (2021). Определение качества иноязычного образования посредством оценки перевода культурно-маркированной лексики. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 88–101. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-88-101>

Введение

Иноязычное образование, основанное на принципе межкультурного общения, направлено на формирование целого комплекса компетенций и включает в себя понимание национальных особенностей культуры страны изучаемого языка. В настоящее время, в период постмодернизма, приоритетом социогуманитарных исследований становится «усиление роли коммуникативности знания» и «акцент на процессы высокой социально-практической ориентации» [18, с. 272–273]. По мнению Е.Г. Таревой, ценность иноязычного образования заключается в погружении в мир иной лингвокультуры, её познании и выработке к ней личностного отношения [18, с. 282]. Исследователь поддерживает идею культуроспецифической направленности обучения иностранному языку, выделяя его социально-практическую роль в структуре межнациональных и глобальных процессов [17].

Обучение иностранному языку предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции, включающей лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, стратегическую, дискурсивную, социальную компетенции [16, с. 6–11]. К наиболее значимым, особенно в условиях расширения международных контактов, наряду с лингвистической относится социокультурная компетенция, основные положения которой были разработаны В.В. Сафоновой [15]. Эта компетенция представляет собой «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка» [1, с. 286–287]. На необходимость учёта социокультурных факторов при овладении иностранным языком указывают зарубежные [29] и отечественные учёные [2], [26], [34]. Это также отражено в некоторых практических исследованиях последнего времени. Как лингводидактическая проблема и предпосылка успешной коммуникации с носителями языка изучается культурный компонент лексики [12] и роль контекста в её освоении [25], исследуется модель формирования вторичной языковой личности при помощи прецедентных феноменов культуры [7], рассматриваются социокультурные особенности речевых актов в условиях межкультурной коммуникации [24].

Обучение в вузе тесно связано с формированием профессиональной компетенции, именно в этом главная задача высшего образования. В МГИМО МИД России, где осуществляется в том числе подготовка дипломатов и журналистов-международников, это отражено в нормативных документах, регулирующих деятельность образовательной организации. Сюда относится «способность выстраивать профессиональную коммуникацию в мультикультурной среде, выполнять письменные и устные переводы профессиональной направленности с иностранного языка на русский»¹, «анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия»². Формирование указанных компетенций происходит исключительно в процессе практических занятий, студенты МГИМО не получают теоретическую подготовку по языкознанию и/или переводоведению.

Практико-ориентированное иноязычное образование обусловлено профессиональной сферой деятельности будущих специалистов-международников, отличающейся в свою очередь явно выраженной практической направленностью. В процессе коммуникации с носителями языка, при обсуждении актуальных профессиональных проблем необходимо верно понимать интенции собеседников, значение их высказываний, которые могут содержать специфические только для данной лингвокультуры термины и понятия. Практика дипломатической сферы деятельности предполагает ежедневную работу с аутентичными источниками (преимущественно текстами СМИ), умение выполнять реферативный перевод и представлять в письменном виде на русском языке анализ актуальной общественно-политической ситуации. При выполнении данных задач начи-

¹ Образовательный стандарт высшего образования МГИМО МИД России. Уровень магистратура. Направление подготовки «Международные отношения». <https://mgimo.ru/sveden/eduStandarts/41-04-05-mo-ps-mag-n.pdf> (дата обращения 20.06.2021)

² Образовательный стандарт высшего образования МГИМО МИД России. Уровень магистратура. Направление подготовки «Международная журналистика». <https://mgimo.ru/sveden/eduStandarts/42-04-02-zhurnalistika-ps-mag-n.pdf> (дата обращения 20.06.2021)

нающие дипломаты сталкиваются с культурно-маркированной лексикой, зачастую не имеющей соответствий в языке перевода. В этом отношении лексический уровень языка является наиболее «культуроёмким», как считает С.Г. Тер-Минасова [19], разделяя идею А. Вежбицкой об изучении языка через призму культуры [35]. Слова не только обозначают конкретный денотат или понятие, но и содержат дополнительную информацию культурно-исторического характера с учётом социального опыта языкового сообщества. Особенно наглядно это проявляется в языке политиков [5], [21], [33]. Лексические единицы, относящиеся либо к безэквивалентной, либо к частично эквивалентной лексике, формируют в процессе обучения межкультурную компетенцию учащихся. Особая сложность при декодировании таких наименований наблюдается в немецком языке, когда термины профессиональной сферы деятельности появляются путём словосложения (*DigitalPakt Schule*, *Wachstumsbeschleunigungsgesetz*, *Euro-Masterplan*), деонимизации (*Hartz-Reformen*), аббревиации (*EEG*, *ESM*) или гендерной маркированности (*Bundeskanzler* / *Bundeskanzlerin*).

Основная задача журналистов-международников – максимально быстро отражать актуальные события, происходящие в ином языковом сообществе. Неумение верно раскрыть значение иноязычных понятий или интертекстуальных вкраплений может приводить к ошибкам, как в случае с термином G 7 («Большая семерка»³). Попытка отразить в языке перевода гендерную маркированность приводит к созданию авторских неологизмов и одновременно к нарушению норм языка перевода (*Bundeskanzlerin* букв. бундесканцлерин вместо *федеральный канцлер*⁴). Дискуссию в среде профессионалов вызвал перевод американскими журналистами недавнего интервью В.В. Путина телекомпания NBC⁵: все цитаты из известных носителей русского языка художественных произведений и идиомы были переданы буквально⁶. Неточности встречаются и на официальных сайтах дипломатических ведомств: Лига арабских государств (букв. *Liga der arabischen Staaten* вместо *Arabische Liga*), лидеры государств (*Anführer*, букв. предводители вместо *Spitzenpolitiker*). Подобные примеры доказывают, что для верной передачи значения иноязычных понятий профессиональной сферы деятельности недостаточно лингвистической компетенции.

В процессе профессиональной подготовки специалистов-международников важная роль отводится развитию переводческой компетенции. В научных публикациях рассматриваются общие вопросы дидактики перевода [3], педагогические аспекты развития переводческой компетенции в условиях неязыкового вуза [20], обращается внимание на лексико-семантическую адаптивность и адекватность перевода [6]. В центре внимания исследователей находятся реалии профессионального, например, туристического, дискурса [30], отмечается необходимость развивать у переводчиков социокультурную компетенцию с целью подготовки их к работе в условиях межкультурного общения [23].

В отечественной науке и за рубежом переводческая компетенция трактуется идентично. Л.Л. Нелюбин называл её многомерной категорией и включал в неё способность понимать исходный текст и создавать текст на другом языке с учётом элементов двух соприкасающихся в процессе перевода культур, что в конечном итоге позволяет переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации [14]. По мнению Л.К. Латышева, сюда относится совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику решать свои профессиональные задачи [10]. Основными составляющими являются знание предметной области, владение соответствующей терминологией и практическая тренировка [11]. В.Н. Комиссаров считал, что переводческая компетенция включает языковую (лингвистическую) компетенцию (при этом речь идёт как

³ Прим. Впервые данное словосочетание было упомянуто в издании «Коммерсант-власть» 21.01.1991. За буквой G скрывается иной смысл – group (англ.), Gruppe (нем.) и более точным официальным термином является «Группа семи наиболее промышленно развитых стран».

⁴ См. например: https://www.ng.ru/world/2009-06-23/6_Merkel.html; https://www.ng.ru/world/2009-04-21/7_germany.html (дата обращения 18.06.2021)

⁵ См. официальный сайт Президента РФ: <http://kremlin.ru/events/president/news/65861> (дата обращения: 18.06.2021).

⁶ См., например: <https://tass.ru/politika/11647549>; <https://rg.ru/2021/06/15/nbc-doslovno-perevela-poslovicy-i-citaty-v-interviu-putina.html>; <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2021/60c7f69a9a7947d9b47903ed> (дата обращения 18.06.2021)

о языке оригинала, так и о языке перевода), а также текстообразующую, техническую, коммуникативную и социальную компетенции [9, с. 74–78]. В немецком переводоведении переводческая компетенция (*translatorische Kompetenz*) понимается как способность адекватно передавать содержание оригинала в соответствии с целью, функцией и с учётом специфики исходного и переводящего языков [28]. Х. Витте подчёркивает при этом особую роль межкультурной компетенции переводчика, отсутствие которой может привести к коммуникативным сбоям, так как раскрывая содержание исходного текста, переводчик основывается на понимании специфики только переводящего языка и не учитывает культурно-специфические особенности исходного языка [36]. Польский исследователь М. Ломзик считает эти умения социальными компетенциями (*soft skills*) переводчика [27].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в условиях практико-ориентированного образовательного процесса при подготовке специалистов-международников важное место отводится формированию лингвистической, социокультурной и переводческой компетенций как основы профессиональной компетенции. Анализ научной литературы показал, что в этом отношении отечественные и зарубежные исследователи демонстрируют единство. Вместе с тем следует подчеркнуть, что важной проблемой остаётся оценка качества профессионального иноязычного образования, так как единых критериев оценивания уровня сформированности иноязычных компетенций в профессиональной сфере деятельности пока не существует. В актуальных исследованиях упоминаются анкетирование и опрос [13], [22], ассоциативный эксперимент на основе концептов [8], кейсы [32] и др. Разделяем точку зрения, что подход, при котором параметры оценки определяются особенностями профессиональной сферы деятельности будущих специалистов, может довольно точно проверить качество профессионального иноязычного обучения [31].

Таким образом, научная проблема заключается в определении качества иноязычного образования студентов-международников как предпосылки для осуществления профессиональной коммуникации в межкультурной среде с учётом различий лингвистических особенностей, исторического и культурного фона соприкасающихся языков. В данной статье в качестве одного из возможных критериев предлагается оценка перевода культурно-маркированных единиц, содержащихся в профессионально ориентированных текстах. Изучение поставленной проблемы представляется актуальным, в том числе в силу её практической значимости при подготовке специалистов-международников. Опираясь на результаты экспериментального исследования, авторы приходят к выводу, что умение передавать на языке перевода значение иноязычных реалий и фоновой лексики свидетельствует об уровне сформированности комплекса вышеназванных компетенций и позволяет оценить качество профессионального иноязычного образования.

Методика и материал исследования

Для решения поставленной проблемы привлекались следующие методы: анализ теоретической литературы по проблематике исследования (межкультурная коммуникация, лингводидактика, переводоведение, оценка качества образования), методы анкетирования и опроса, количественной обработки, анализа и систематизации полученных данных. В эмпирическом исследовании приняли участие 57 магистрантов МГИМО (84 %), обучающиеся по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Международная журналистика». Возраст участников: 21–23 года, для всех информантов русский язык является родным, 98 % респондентов не изучали немецкий язык как иностранный до поступления в бакалавриат. За время обучения в университете они овладели коммуникативными умениями во всех видах речевой деятельности, терминологией профессиональной сферы деятельности, получили опыт анализа актуальных общественно значимых событий и опыт (учебного) перевода профессионально ориентированных текстов с немецкого языка на русский, так как эти виды работы включены в программу обучения иностранному языку.

Гипотеза исследования заключалась в следующем: качество иноязычного образования магистрантов-международников позволяет им в полной мере решать задачи профессиональной сферы

деятельности (выполнять перевод профессионально ориентированных текстов с учётом языковой и социокультурной специфики исходного и переводящего языков) с привлечением имеющихся ресурсов (словари, справочники, интернет-источники) и при отсутствии теоретической подготовки. Качество иноязычного образования определяется посредством качества перевода на русский язык специфических лексических единиц немецкоязычной лингвокультуры (реалий и фоновой лексики).

Материалом для эмпирического исследования послужили тексты немецкоязычных СМИ (Süddeutsche Zeitung, Die Welt, Der Spiegel), а также портал немецкой международной телерадиокомпании Deutsche Welle и молодёжный портал германского бундестага (mitmischen.de). Было отобрано 6 микротекстов объёмом от 550 до 850 печатных знаков актуальной общественно-политической тематики. Все тексты содержали реалии и фоновую лексику. Выполненные магистрантами переводы оценивали эксперты, имеющие профильное образование (лингвистическое и переводческое), а также практический опыт переводческой и дипломатической деятельности. Для определения качества перевода выбранных единиц, и на этой основе качества иноязычного образования, мы воспользовались действующей в МГИМО системой оценки знаний (по 100% шкале): качество считается высоким при условии эквивалентного перевода 90-100% единиц (отлично), средним – при условии перевода 75-89 % единиц (хорошо), низким – при условии перевода 60-74% единиц (удовлетворительно). Если переведено менее 60 % единиц, то качество профессионального иноязычного образования признается неудовлетворительным.

После выполнения задания на перевод участники заполнили анкету из 10 вопросов, из них 8 представляли собой вопросы закрытого типа, 6 из которых включали опцию «другое» и предполагали ответ в свободной форме (по желанию респондентов). Экспериментальное исследование и анкетирование информантов проводились дистанционно при помощи Google Forms.

Результаты исследования

Наибольшую сложность для перевода профессионально ориентированных текстов представляют специфические термины и понятия по причине отсутствия аналогов в других языках и, как следствие, отсутствия эквивалентов в двуязычных словарях и лингвострановедческих справочниках. Акцент в эмпирическом исследовании был сделан на реалии и фоновые единицы, так как они максимально полно отражают особенности национальной культуры, языка оригинала и профессиональную специфику. В каждом микротексте содержались несколько единиц (от 3 до 5) разного уровня сложности. В большинстве случаев контекст позволял вычленив значение характерного понятия, трудность заключалась в подборе эквивалентного соответствия в языке перевода. В таблице 1 представлены единицы, представлявшие интерес для данного исследования. Реалии систематизированы по ономастическому принципу: имена собственные (антропонимы), географические наименования (топонимы), обозначение должностей (официонимы), политических объединений (политонимы), документов (документонимы), исторически важных событий и праздников (геортонимы).

Таблица 1. Сводная таблица культурно-маркированных единиц

класс	количество	примеры
топонимы	13	Bayern, Freistaat, Niederbayern, Vilshofen и др.
фоновая лексика	11	Eigenheimzulage, Fördern und Fordern и др.
официонимы	11	Ministerpräsident, Finanzminister, CSU-Chef, Bundeskanzler, Generalsekretär и др.
антропонимы	8	Markus Söder, Gerhard Schröder, Horst Seehofer и др.
политонимы	7	SPD, Bundestag, CSU, Bayernpartei, Freie Wähler и др.
документонимы	4	Hartz IV, Agenda 2010 и др.
геортонимы	2	Deutsche Einheit, Aschermittwoch

Участникам предстояло подобрать эквиваленты к 56 единицам, большая часть представлена топонимами, фоновыми единицами и официонимами (36). Респонденты не были ограничены во времени и имели возможность пользоваться любыми доступными ресурсами для поиска эквива-

лентных соответствий. Подавляющее большинство (86 %) перевели все предложенные микротексты, 5 % (3 участника) выполнили половину задания, 9 % (5 участников) не справились с одним из текстов.

При анализе качества перевода интересующих нас единиц мы ориентировались на классификацию переводческих ошибок Л.К. Латышева [10] и выделяли искажение, неточность, неясность. *Искажением* считалось такое изменение содержания исходного текста, которое влекло за собой изменение смысла оригинала. Эта ошибка является самым грубым нарушением, так как в этом случае адресат вводится в заблуждение «относительно предмета сообщения» [4, с. 107], нарушается коммуникативное намерение и коммуникативная эффективность исходного текста. Иными словами, предлагаемый эквивалент не передаёт значение лексической единицы, передаёт его неверно или немотивированно опущен. *Неточность* приводит к частичной потере смысла высказывания, но степень изменения содержания значительно меньше: переводчику удаётся передать значение единицы, но эквивалентное соответствие в языке перевода не отражает смысл понятия полностью и не даёт получателю информации чёткого представления, о чём именно идёт речь. Под *неясностью* понимается «затемнение» (по терминологии Л.К. Латышева) смысла текста оригинала, когда авторская интенция выражена в переводном тексте не чётко и не однозначно, в том числе с нарушением норм языка перевода. Сюда также относятся случаи потери в предлагаемом эквиваленте на русском языке образности и экспрессивности, что, с нашей точки зрения, нарушает коммуникативную эффективность, признаём, однако, что не всегда возможно выполнить данное условие по причинам языкового и внеязыкового характера.

При классификации допущенных ошибок учитывалась также причина содержательного несоответствия. Результаты анализа ошибок представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сводная таблица ошибок

тип	причина	класс	количество ⁷
искажение	непереведённые единицы, подлежащие переводу	документоним	2
		официоним	1
		антропоним	1
		политоним	1
		топоним	1
	пропуск релевантной информации	документоним	1
		политоним	1
	искажение авторской интенции	фоновая лексика	3
		политоним	2
		официоним	1
	вольность	политоним	2
		официоним	1
		антропоним	3
		фоновая лексика	1
	буквализм	политоним	1
	нарушение предметной / текстовой логики	официоним	2
	ложные друзья переводчика	политоним	1
	немотивированные добавления	политоним	1
	отсутствие учёта различий в экстралингвистических ситуациях	фоновая лексика	2
неточность	непереведённые единицы, подлежащие переводу	политоним	2
		фоновая лексика	1
		официоним	1
	пропуск релевантной информации	фоновая лексика	1
	неудачная формулировка	геортоним	1
		фоновая лексика	2
	отсутствие учёта различий в экстралингвистических ситуациях	топоним	1
	буквализм	топоним	2
		официоним	1
		фоновая лексика	4

⁷ Прим. В данной графе указано количество единиц (не количество допущенных ошибок).

тип	причина	класс	количество ⁷
неясность	неудачная формулировка	фоновая лексика	3
		топоним	1
	пропуск релевантной информации	фоновая лексика	2
	немотивированные добавления	политоним	2
	искажение авторской интенции	политоним	1
		официоним	2
		фоновая лексика	1

Данные таблицы свидетельствуют о том, что сложности вызывали все классы культурно-маркированной лексики. При переводе одной и той же единицы (например, *Baukindergeld Plus*) участники допускали неравноценные ошибки, поэтому они были отнесены к разным типам. Обобщая полученные результаты, подчеркнём, что в большинстве случаев перевод релевантных для данного исследования единиц соответствовал требованиям адекватности (сохранение интенции автора, тематической и логической связности микротекстов, наличие эквивалентных соответствий). Ни в одном варианте (из 57) мы не выделили отсутствие учёта импликаций и наличие нескольких вариантов перевода. Терминологические единицы (*Bayern*, *Ministerpräsident*, *Bundestag*, *CSU-Generalsekretär*, *Bundesminister*, *Freie Wähler* и др.) не вызвали у магистрантов сложностей. В то же время встречались немотивированные добавления (3), приводившие в итоге к искажению: *CSU* – местная партия-сестра правящей в Германии ХДС, *Heimatministerium* – МВД, отвечающее за охрану порядка в стране, *die rot-grüne Regierung* – социально-демократическая и энвайронменталистская партии. В 10 работах лексические единицы были неправомерно опущены, в 6 случаях это привело к искажению смысла высказывания, в 4 – к неточностям переводного текста.

При анализе выполненных переводов мы обратили внимание на некоторые системные несоответствия перевода оригиналу. Довольно часто искажались антропонимы (20 случаев) – Зедекер (Söder), Фест, Фёрст, Фрост (Föst), Франс (Franz), Хартц (Hartz). Показателен последний пример, когда четыре респондента воспользовались транслитерацией, что и привело к искажению. В данном случае применяется приём транскрипции (Харц). Наблюдались случаи необоснованного буквализма в отношении следующих единиц: *Freistaat Bayern*, *Bayernpartei*, *Regenbogenkoalition*, *Jamaika*, *Agenda 2010*, *Hartz IV*, *Hartz-Gesetze*, *Politischer Aschermittwoch*. В российском политическом дискурсе и дискурсе СМИ закрепились неудачные соответствия к трём упомянутым единицам – Повестка дня 2010 (*Agenda 2010*), «радужная коалиция» (*Regenbogenkoalition*), политическая пепельная среда (*Politischer Aschermittwoch*), поэтому данные варианты мы не относили к ошибкам. Некоторые предложенные эквиваленты мы считали искажением (коалиция «радуги») или неясностью (*Агенда 2010*). Все участники испытывали трудности при переводе четырёх единиц: *Finanzstaatssekretärin* (официоним), *Baukindergeld Plus* (документоним), *Eigenheimzulage*, *Fördern und Fordern* (фоновые единицы). Неудачной оказалась попытка передать на русский язык наименования трёх региональных топонимов (подкласс урбанонимов): *Wolferstetter Keller*, *Nibelungenhalle*, *Dreiländerhalle*.

Ошибки разного типа мы отметили в отношении 16 единиц, большую часть составляют топонимы (5), фоновая лексика (5) и антропонимы (3).

Второй этап эмпирического исследования предусматривал анкетирование участников с целью самоанализа выполненной переводческой работы. Ответы на первые два вопроса характеризовали респондентов. Все магистранты изучают немецкий язык как основной иностранный, их опыт обучения в университете составляет 5-6 лет (магистранты 1-го и 2-го года обучения), опыт знакомства с политическим дискурсом и с переводом как видом речевой деятельности составляет 3-4 года. 65 % участников – будущие дипломаты, 35 % – будущие журналисты-международники. Значение специфических терминов и понятий в предложенных микротекстах было понятно почти половине (47 %), вариант «не всегда» выбрали 53 %, ответов «нет» не было. Половина респондентов (53 %) отметили, что испытывали трудности при подборе эквивалентов на русском языке ко многим терминам и понятиям, вариант «иногда» выбрали треть участников.

(29 %), 11 % не испытывали трудности, 7 % упомянули, что трудность представляли не сами понятия, а подбор эквивалента и признание нормы перевода. Смогли подобрать эквивалентные единицы ко всем специфическим понятиям 41 %, столько же респондентов (41 %) не уверены в правильности своего выбора, 18 % указали, что это удалось не во всех случаях. Вариант «опустил(а) их при переводе» не выбрал ни один участник, хотя анализ переводов показал наличие непереведённых единиц. При ответе на вопрос, какие именно единицы вызывали трудности, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Рекордсменами оказались специфические понятия сферы общественно-политической жизни и государственного устройства (59 %), культуры (35 %) и наименования официальных должностей (23 %). К единицам, к которым было сложно или невозможно подобрать русскоязычный эквивалент, участники отнесли *Dreiländerhalle*, *Baukindergeld Plus*, *Eigenheimzulage*, *Hartz IV*. В комментариях на вопрос о причинах сложностей (вопрос открытого типа), информанты назвали: «отсутствие аналогичных реалий в языке перевода, разную структуру языков, отсутствие устоявшихся вариантов перевода в русском, а также в английском языках, отсутствие единых правил перевода специфических терминов, необходимость привлечения экстралингвистической информации».

В процессе выполнения задания по переводу участники обращались к целому ряду различных источников. Полученные данные (в %⁸) представлены в виде диаграммы.

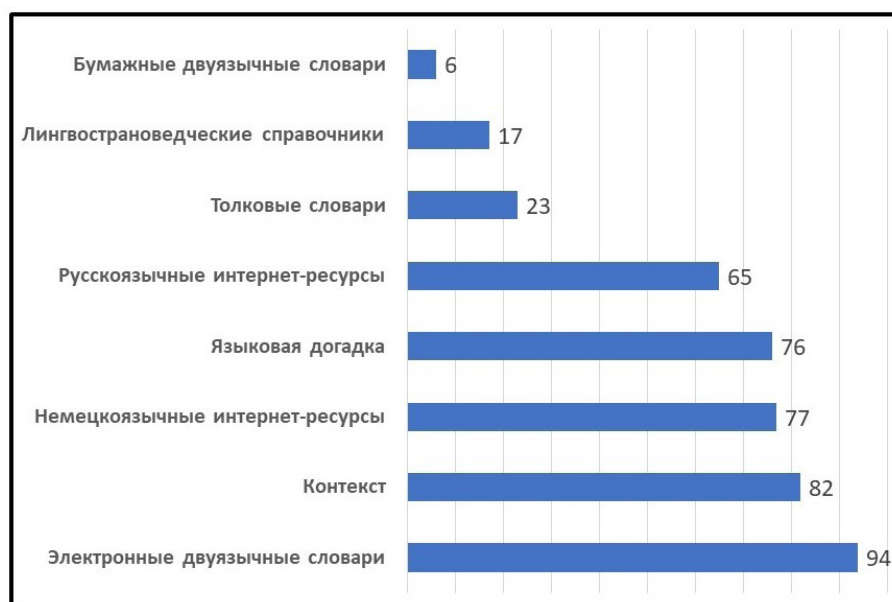

Рисунок 1. Вспомогательные средства при выполнении задания

Наибольшей популярностью пользовались современные средства (электронные словари и интернет-источники). Магистранты также опирались на контекст и собственные компетенции (языковая догадка).

По оценке респондентов, при передаче значения иноязычных терминов и понятий они чаще всего прибегали к описательному приему (100 %⁹), передаче звуковой формы оригинала в графической системе переводящего языка (47 %), дословному переводу (35 %) и опущению (17 %). Этот вопрос, наряду с указанными вариантами, предполагал также дополнительную опцию «другое». 6 % информантов указали, что сохранили немецкое правописание, то есть перенесли графическую оболочку единицы в текст перевода без изменений. Напомним, что участники эмпирического исследования не знакомы с терминами переводоведения, поэтому предлагаемые варианты

⁸ Прим.: При ответе на этот вопрос респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

⁹ Прим.: Данные зд. и далее даны с учётом выбора нескольких вариантов ответа.

в анкете были сформулированы описательно (перевёл(а) дословно; описал(а) значение так, как понял и т.д.).

Двухэтапное эмпирическое исследование выявило сложности в выборе эквивалентных соответствий к национально-специфическим понятиям страны изучаемого языка (ФРГ), не имеющим аналогичных соответствий в языке перевода, что привело к низкой оценке (71%) качества профессионального иноязычного образования магистрантов МГИМО МИД России: отмечались немотивированные опущения, пропуски подлежащих переводу единиц, буквализм, нарушения в передаче имён собственных. Отчасти это можно объяснить невнимательностью (в случае с антропонимами), дословным или буквальным переводом без необходимой адаптации с учётом социокультурных особенностей и норм переводящего языка. Оценка качества терминологических наименований профессиональной сферы деятельности оказалась выше и соответствует среднему уровню (88 %), что говорит об уверенном владении будущими специалистами-международниками понятийным аппаратом на двух языках. Участники также продемонстрировали владение стратегической (компенсаторной), а также технической (информационно-коммуникационной) компетенциями, о чём свидетельствуют удачные эквивалентные соответствия, разнообразие использованных вспомогательных средств (показал анализ выполненных переводов), попытка привлечь знания другого иностранного языка (в частности, английского, о чём респонденты указали в анкете).

Заключение

В результате анализа научно-теоретической литературы, изучения практического опыта других вузов и проведённого эмпирического исследования с целью определения качества профессионального иноязычного образования студентов-международников можно сделать следующие выводы:

1. Иноязычное образование специалистов-международников включает в себя формирование социокультурной компетенции, предполагающей понимание национальных особенностей культуры страны изучаемого языка, профессиональной компетенции как необходимого условия для выполнения задач профессиональной сферы деятельности и переводческой компетенции, то есть способности решать частные задачи и выстраивать устную и письменную профессиональную коммуникацию в межкультурной среде.
2. Оценка качества профессионального иноязычного образования целесообразно связывать со спецификой сферы деятельности специалистов-международников. Одним из критериев может выступать качество перевода профессионально ориентированных текстов с учётом социокультурной специфики исходного и переводящего языков на примере культурно-маркированной лексики в совокупности следующих условий: а) знание норм исходного и переводящего языков, б) владение понятийным аппаратом профессиональной сферы деятельности в родном и иностранном языках, в) понимание культурного и исторического контекста реалий и фоновых единиц.
3. В результате исследования установлена взаимосвязь между качеством иноязычного образования и решением конкретных практических задач профессиональной сферы деятельности. Сюда относится умение выполнять перевод специфических единиц (реалий и фоновой лексики) иной лингвокультуры с иностранного языка на русский, умение раскрывать их социокультурные особенности и предлагать эквивалентные соответствия в переводящем языке, сохранив коммуникативное намерение исходного текста.
4. Эмпирическое исследование частично подтвердило гипотезу, что практико-ориентированный образовательный процесс и отсутствие теоретических знаний в области лингвистики и переводоведения не являются значительным препятствием для решения задач профессиональной сферы деятельности. В конце периода обучения будущие специалисты-международники могут раскрывать значение многих иноязычных терминов-реалий на языке перевода, сложности возникают при переводе фоновых единиц иной лингвокультуры.

5. Предложенный подход может стать основой для дальнейших практических исследований по разработке критериев и параметров оценки для определения качества профессионального иноязычного образования, описанию методических приёмов по формированию необходимых компетенций и преодолению выявленных сложностей.

© Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Егорова Ж.Д., Беликов В.В., 2021

Список литературы

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Болдырева Т.В. Социокультурная компетенция как составляющая иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций в обучении иностранному языку // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4(15). С. 184-190.
3. Гавриленко Н.Н. Методологические подходы к обучению переводу в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1(838). С. 75-86. DOI: https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_75.
4. Евтеев С.В. Немецкий язык: Теория перевода. Основные положения: Учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2014. 185 с.
5. Елизарьева М.А. Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере "политической пепельной среды") / М.А. Елизарьева, М.А. Чигашева, Б. Блахак, М.Ю. Михина // Научный диалог. 2020. № 7. С. 76-90. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-76-90>.
6. Кабакчи В.В. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи, З.Г. Прошина // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 165-193. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193>.
7. Каневская О.Б. Модель формирования вторичной языковой личности посредством работы с прецедентными феноменами культуры на уроках русского языка как иностранного / О.Б. Каневская, Е.В. Гострая // Интеграция образования. 2020. Т. 24, № 2. С. 296-315. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.099.024.202002.296-315>.
8. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
9. Кожевников А.О. Определение объёма и содержания фоновых знаний и сформированности социокультурной компетенции у представителей различных поколений на примере концептов «свобода» и «порядок» / А.О. Кожевников, А.А. Чернобров // Science for Education Today. 2019. № 6. С. 136-148. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1906.09>.
10. Латышев Л.К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
11. Латышев Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л.К. Латышев, А.Л. Семёнов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
12. Меркиш Н.Е. Особенности осмысления культурного компонента лексики как предпосылка успешной коммуникации с носителем языка // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 4. С. 175-188. DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2004.11>.
13. Морозова А.Л. Создание культурологической среды в реализации языкового образования в неязыковых вузах / А.Л. Морозова, Т.А. Костюкова // Язык и культура. 2021. № 53. С. 238-254. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/53/15>.
14. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2016. 320 с.
15. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / В.В. Сафонова. Москва, 1993. 50 с.
16. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2005. 123 с.
17. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 302-320. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/40/22>.
18. Тарева Е.Г. Языковое образование в эпоху постмодернизма: кризис системности или новая системность? // Язык и культура. 2021. № 53. С. 270-289. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/53/17>.
19. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
20. Фалькович Ю.В. Организационно-педагогические условия формирования переводческой компетенции студентов: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Ю.В. Фалькович. Новокузнецк, 2010. 24 с.
21. Чигашева М.А. Национально-культурная специфика политического языка лидеров блока ХДС/ХСС / М.А. Чигашева, М.А. Елизарьева, Т.С. Ларина // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 152-165. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.11>.
22. Belyaeva I.G. Analysis of Innovative Methods' Effectiveness in Teaching Foreign Languages for Special Purposes Used for the Formation of Future Specialists' Professional Competencies / I.G. Belyaeva, E.A. Samorodova, O.V. Voron, E.S. Zakirova // Education Sciences. 2019. Vol. 9, No. 3. P. 171. DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci9030171>.
23. Cranmer R. Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 19 (4). P. 155-174.

24. Deveci T. "Can we Take a Picture with you?" The Realization of the Refusal Speech Act with Tourists by Emirati Speakers / T. Deveci, J. Midraj // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No 1. P. 68-88. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.
25. Haß U. Der verheißungsvolle Kontext und seine Leistungen bei der Erschließung von Wortbedeutungen // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2018. Vol. 69. P. 33-68. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfal-2018-0016>.
26. Larina T. Culture-specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. № 7. P. 195-215. DOI: <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.
27. Łomzik M. Kompetencje miękkie tłumacza przysięgłego // *Tertium Linguistic Journal*. 2018. No. 3(2). P. 80-89. DOI: <https://doi.org/10.7592/Tertium2018.3.2.lomzik>.
28. Nord C. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*. 2nd Edition. London: Routledge, 2018. 166 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351189354>.
29. Oxford R.L. *Interwoven: Culture, Language, and learning Strategies* / R.L. Oxford, Chr. Gkonou // *Studies in Second Language Learning and Teaching*. 2018. Vol. 8, No. 2. P. 403-426. DOI: <https://doi.org/10.14746/ssllt.2018.8.2.10>.
30. Romadina I.D. Translation and Localization of Microtoponyms (Based on Russian and English Language Texts of Online Tourism Discourse) / I.D. Romadina, V.A. Mityagina // *XLinguae*. 2017. Vol. 10, No. 2. P. 112-124. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.02.10>.
31. Tareva E.G. The Assessment of Students' Professional Communicative Competence: New Challenges and Possible Solutions / E.G. Tareva, B.V. Tarev // *XLinguae*. 2018. Vol. 11, No. 2. P. 758-767. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.59>.
32. Tareva E.G. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design / E.G. Tareva, B.V. Tarev // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11, No. 10. P. 1699-1710. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0329>.
33. Tsakona V. Intertextuality and/in Political Jokes // *Lingua*. 2018. Vol. 203. P. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.09.003>.
34. Voevoda E.V. Intercultural Communication in Multicultural Education Space // *Training, Language and Culture*. 2020. Vol. 4, No. 2. P. 11-20. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-2-11-20>.
35. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1999.101.4.860>.
36. Witte H. *Die Kulturkompetenz des Translators. Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 2007. 235 S.

References

1. Azimov, E.G. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)] / E.G. Azimov, A.N. Shchukin. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 s.
2. Boldyreva, T.V. Sotsiokul'turnaia kompetentsiia kak sostavliaiushchaia inoiazychnoi kommunikativnoi i mezhkul'turnoi kompetentsii v obuchenii inostrannomu iazyku [Sociocultural Competence as the Part of Communicative and Intercultural Ones in Foreign Language Acquisition] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2011, No. 4(15), pp. 184-190.
3. Gavrilenko, N.N. Metodologicheskie podkhody k obucheniiu perevoda v vuze [Methodological approaches to teaching translation at a university] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2021, No. 1(838), pp. 75-86. DOI: https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_75.
4. Evteev, S.V. *Nemetskii iazyk: Teoriia perevoda* [German: Theory of Translation]. Osnovnye polozheniia: Ucheb. posobie. M.: MGIMO-Universitet, 2014. 185 s.
5. Elizar'eva, M.A. Intertekstual'nost' politicheskogo diskursa v Germanii (na primere "politicheskoi pepel'noi sredy") [Intertextuality of Political Discourse in Germany (on the Example of "Political Ash Wednesday")] / M.A. Elizar'eva, M.A. Chigasheva, B. Blahak, M.Iu. Mikhina // *Nauchnyi dialog*. 2020, No. 7, pp. 76-90. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-76-90>.
6. Kabakchi, V.V. Leksiko-semanticheskaia otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoi kommunikatsii [Lexico-semantic Relativity and Versatility in Translation and Intercultural Communication] / V.V. Kabakchi, Z.G. Proshina // *Russian Journal of Linguistics*. 2021, No. 25(1), pp. 165-193. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193>.
7. Kanevska, O.B. Model' formirovaniia vtorichnoi iazykovoi lichnosti posredstvom raboty s pretsedentnymi fenomenami kul'tury na urokakh russkogo iazyka kak inostrannogo [A Model for the Formation of Secondary Linguistic Personality through Work with Precedent Cultural Phenomena during Classes in the Russian Language as a Foreign Language] / O.B. Kanevska, K.V. Hostra // *Integratsiia Obrazovaniia = Integration of Education*. 2020, No. 24(2), pp. 296-315. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.099.024.202002.296-315>.
8. Komissarov, V.N. *Obshchaia teoriia perevoda* [General theory of translation]. Uchebnoe posobie. M.: CheRo, 1999. 136 s.
9. Latyshev, L.K. *Tekhnologiia perevoda* [Translation technology.]. Uch. pos. po podgotovke perevodchikov (s nem. iaz.). M.: NVI-Tezaurus, 2000. 280 s.
10. Latyshev, L.K. *Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia* [Translation: theory, practice and teaching methods]: Ucheb. posobiye dlia stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedenii / L.K. Latyshev, A.L. Semenov. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiia", 2003. 192 s.
11. Kozhevnikov, A.O. Opredelenie ob"ema i soderzhaniia fonovykh znaniy i sformirovannosti sotsiokul'turnoi kompetentsii u predstavitelei razlichnykh pokolenii na primere kontseptov «svoboda» i «poriadok» [Identifying Background Knowledge and Socio-cultural Competence in Individuals of Different Age Groups (with the Main Focus on the Concepts of "Freedom" and

- "Order") // A.O. Kozhevnikov, A.A. Chernobrov // *Science for Education Today*. 2019, No. 9(6), pp. 136-148. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1906.09>.
12. Merkish, N.E. Osobennosti osmysleniia kul'turnogo komponenta leksiki kak predposylka uspekhnoi kommunikatsii s nositelem iazyka [Comprehension of the Cultural Component of Vocabulary as a Precondition for Successful Communication with Native Speakers] // *Science for Education Today*. 2020, No. 10(4), pp. 175-188. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2004.11>.
 13. Morozova, A.L. Sozdanie kul'turologicheskoi sredy v realizatsii iazykovogo obrazovaniia v neiazykovykh vuzakh [Cultural Environment Establishment in Language Education in Non-linguistic Universities] / A.L. Morozova, T.A. Kostyukova // *Iazyk i Kul'tura = Language and Culture*. 2021, No. 53, pp. 238-254. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/53/15>.
 14. Neliubin, L.L. *Tolkovy perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory translation dictionary]. M.: Flinta, 2016. 320 s.
 15. Safonova, V.V. *Sotsiokul'turnyi podkhod k obucheniiu inostrannomu iazyku kak spetsial'nosti* [Sociocultural approach to teaching a foreign language as a specialty]: Avtoref. diss. ...d-ra ped.nauk / V.V. Safonova. Moscow, 1993. 50 s.
 16. Solovova, E.N. *Metodika obucheniiu inostrannym iazykam* [Methodology for teaching foreign languages.]. Bazovyi kurs lektsii. M.: Prosveshchenie, 2005. 123 s.
 17. Tareva, E.G. Sistema kul'turosoobraznykh podkhodov k obucheniiu inostrannomu iazyku [The System of Culture-based Approaches to Foreign Language Teaching] // *Iazyk i Kul'tura = Language and Culture*. 2017, No. 40, pp. 302-320. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/40/22>.
 18. Tareva, E.G. Iazykovoe obrazovanie v epokhu postmodernizma: krizis sistemnosti ili novaia sistemnost'? [Language Education in the Postmodernism Era: System Crisis or New Systematicity?] // *Iazyk i Kul'tura = Language and Culture*. 2021, No. 53, pp. 270-289. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/53/17>.
 19. Ter-Minasova, S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiia* [Language and intercultural communication: textbook]: ucheb. posobie. M.: Slovo / Slovo, 2000. 624 s.
 20. Fal'kovich, J.V. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviia formirovaniia perevodcheskoi kompetentsii studentov* [Organizational and pedagogical conditions for the formation of translation competence of students]: Avtoref. diss. ... kand.ped.nauk / Ju.V. Fal'kovich. Novokuznetsk, 2010. 24 s.
 21. Chigasheva, M.A. Natsional'no-kul'turnaia spetsifika politicheskogo iazyka liderov bloka KhDS/KhSS [The National-cultural Profile of the Political Language of CDU/CSU Leaders] / M.A. Chigasheva, M.A. Elizar'eva, T.S. Larina // *Polis. Politicheskie Issledovaniia = Polis. Political Studies*. 2020, No. 4, pp. 152-165. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.11>.
 22. Beliaeva, I.G. Analysis of Innovative Methods' Effectiveness in Teaching Foreign Languages for Special Purposes Used for the Formation of Future Specialists' Professional Competencies / I.G. Beliaeva, E.A. Samorodova, O.V. Voron, E.S. Zakirova // *Education Sciences*. 2019, No. 9(3), p. 171. DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci9030171>.
 23. Cranmer, R. Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*. 2015, No. 19(4), pp. 155-174.
 24. Deveci, T. "Can we Take a Picture with you?" The Realization of the Refusal Speech Act with Tourists by Emirati Speakers / T. Deveci, J. Midraj // *Russian Journal of Linguistics*. 2021, No. 25(1), pp. 68-88. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.
 25. Haß, U. Der verheißungsvolle Kontext und seine Leistungen bei der Erschließung von Wortbedeutungen // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2018, No. 69, pp. 33-68. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfal-2018-0016>.
 26. Larina, T. Culture-specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*. 2015, No. 7, pp. 195-215. DOI: <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.
 27. Łomzik, M. Kompetencje miękkie tłumacza przysięgłego // *Tertium Linguistic Journal*. 2018, No. 3(2), pp. 80-89. DOI: <https://doi.org/10.7592/Tertium2018.3.2.lomzik>.
 28. Nord, C. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*. 2-nd Edition. London: Routledge, 2018. 166 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351189354>.
 29. Oxford, R.L. Interwoven: Culture, Language, and Learning Strategies / R.L. Oxford, Chr. Gkonou // *Studies in Second Language Learning and Teaching*. 2018, No. 8(2), pp. 403-426. DOI: <https://doi.org/10.14746/ssl.2018.8.2.10>.
 30. Romadina, I.D. Translation and Localization of Microtoponyms (Based on Russian and English Language Texts of Online Tourism Discourse) / I.D. Romadina, V.A. Mityagina // *XLinguae*. 2017, No. 10(2), pp. 112-124. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.02.10>.
 31. Tareva, E.G. The Assessment of Students' Professional Communicative Competence: New Challenges and Possible Solutions / E.G. Tareva, B.V. Tarev // *XLinguae*. 2018, No. 11(2), pp. 758-767. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.59>.
 32. Tareva, E.G. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design / E.G. Tareva, B.V. Tarev // *Journal of Siberian Federal University Humanities and Social Sciences*. 2018, No. 11(10), pp. 1699-1710. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0329>.
 33. Tsakona, V. Intertextuality and/in Political Jokes // *Lingua*. 2018, No. 203, pp. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.09.003>.
 34. Voevoda, E.V. Intercultural Communication in Multicultural Education Space // *Training, Language and Culture*. 2020, No. 4(2), pp. 11-20. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-2-11-20>.
 35. Wierzbicka, A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1999.101.4.860>.
 36. Witte, H. *Die Kulturkompetenz des Translators. Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 2007. 235 S.

Сведения об авторах:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института (университет) международных отношений МИД России (119454, Москва, пр. Вернадского, 76). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, лексикология, политический дискурс, перевод. E-mail: mchigasheva@mail.ru

Елизарьева Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института (университет) международных отношений МИД России (119454, Москва, пр. Вернадского, 76). Сфера научных и профессиональных интересов: лексическая семантика, языковые контакты, билингвизм, политический дискурс.

E-mail: marycreek@mail.ru

Егорова Жанна Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института (университет) международных отношений МИД России (119454, Москва, пр. Вернадского, 76). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, лексикология, фразеология современного немецкого языка. E-mail: z.migunova@mail.ru

Беликов Владимир Владимирович – преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института (университет) международных отношений МИД России (119454, Москва, пр. Вернадского, 76). Сфера научных и профессиональных интересов: политический дискурс, перевод.

E-mail: belikovvv@gmail.com

About the authors:

Marina A. Chigasheva – PhD in Linguistics, Associated Professor, Head of German Language Department, MGIMO. Spheres of research and professional interests: semantics, lexicology, political discourse, translation.

E-mail: mchigasheva@mail.ru

Maria A. Yelizaryeva – PhD in Linguistics, Senior Teacher of German Language Department, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexical semantics, language contacts, bilingualism, political discourse.

E-mail: marycreek@mail.ru

Zhanna D. Egorova – PhD in Linguistics, Senior Teacher of German Language Department, MGIMO. Spheres of research and professional interests: semantics, lexicology, phraseology of the modern German language.

E-mail: z.migunova@mail.ru

Vladimir V. Belikov – Teacher of German Language Department, MGIMO. Spheres of research and professional interests: political discourse, translation. E-mail: belikovvv@gmail.com

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-102-110
УДК 378:81'342:81.112

AESTHETIC PERCEPTION OF THE RUSSIAN SOUND SPEECH BY GERMANS (A CASE STUDY OF GERMAN INTERNET FORUMS)

Elena A. Shesterina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The article is devoted to the aesthetic assessment of the sound of Russian speech as reflected in German Internet forums. Segmental and suprasegmental features of Russian pronunciation which evoke in native speakers of German empathy and / or antipathy towards Russian sounding speech, are described. The ordinary Germans' naive assessment of Russian sounding speech differs from that by professional linguists. Germans who are not familiar with the theoretical basis of the phonetic structure of the Russian language pay attention, first of all, to those pronunciation features that are not characteristic of the phonetic basis of the German language. Among them on segmental level are the following: trembling sonant [r], vowel [ɪ] and back-lingual slit [ɣ] after vowels [e], [i] and consonants [ʋ], [nʲ], [j], the pronunciation of which in German in this position is pronounced as ich-Laut [ç]. The Germans also seem to dislike clusters of consonants that are absent in the German language, for example, -пск-, -зџ- etc. The presence of these sounds in the Russian language allows ordinary Germans to characterize Russian sounding speech as rude, despite the remarks of the Germans that there are many "soft" sounds i.e. palatalized consonants in the Russian language. The main difference at the suprasegmental level, which in the scientific literature is designated as the opposition of the German "staccato" and Russian "legato", finds its confirmation in the statements of German members of the forum. The rhythmic organization of Russian speech is assessed by common Germans as discordant and indistinct, since, unlike German speech, Russian speech is characterized by relaxed articulation, non-forced vocalization, an extended melodic range and an irregular rhythmic patterns. In addition, the use of different pitch movements in friendly and aggressive communication encourages Germans to qualify the speech of Russian speakers in obvious situations of friendly communication as confrontational.*

Keywords: *sounding speech, sound aesthetics, speech perception, internet forums, staccato and legato, segmental and suprasegmental levels*

For citation: Shesterina, E.A. (2021). Aesthetic Perception of the Russian Sound Speech by Germans (a Case Study of German Internet Forums). *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 102–110. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-102-110>

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ОБ ЭСТЕТИКЕ ЗВУЧАНИЯ РУССКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

Е.А. Шестерина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье проводится анализ высказываний на немецких интернет-форумах, в которых даётся оценка эстетической стороне звучания русской речи. Описываются сегментные и супraseгментные признаки русского произношения, вызывающие у носителей немецкого языка чувства симпатии и/или антипатии в отношении благозвучности русской речи. Наивные представления простых носителей немецкого языка отличаются от оценок звучания русской речи профессиональными лингвистами. Немцы, не знакомые с теоретической базой фонетического строя русского языка, обращают внимание, прежде всего, на те произносительные особенности, которые не свойственны фонетической базе немецкого языка. Среди средств реализации сегментного уровня, которые отмечают немецкие форумчане, называются дрожащий сонант [r], гласный [ы] и заднеязычный щелевой [x] после гласных [e], [и] и согласных [л'], [н'], [й], который в немецком языке в данной позиции произносится как *ich-Laut* [ç]. Непривлекательными представляются немцам и нетипичные скопления согласных, отсутствующие в немецком языке, например, -rsk-, -sdr и др. Наличие в русском языке этих звуков даёт основание простым немцам характеризовать русскую звучащую речь как грубую, несмотря на замечания немцев о наличии в русском языке большого количества «мягких», то есть палатализованных согласных. Основное различие на супraseгментном уровне, которое в научной литературе обозначается как противопоставление немецкого «стаккато» и русского «легато», находит своё подтверждение и в высказываниях немецких форумчан. Ритмическая организация русской звучащей речи оценивается простыми немцами как неблагозвучная и невнятная, так как в отличие от немецкой звучащей речи русская речь характеризуется ненапряжённой артикуляцией, нефорсированным голосообразованием, расширенным мелодическим диапазоном и неупорядоченным ритмическим рисунком. Кроме того, использование различного характера движения тона в дружеской и агрессивной коммуникации побуждает немцев квалифицировать речь русскоговорящих в очевидных ситуациях дружеского общения как конфронтационную коммуникацию.

Ключевые слова: звучащая речь, эстетика звучания, восприятие речи, интернет-форумы, стаккато и легато, сегментный и супraseгментный уровни

Для цитирования: Шестерина Е.А. (2021). Представления немцев об эстетике звучания русской речи (на материале немецких интернет-форумов). *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 102–110. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-102-110>

1. Введение

Проблема восприятия немцами русской речи, а вместе с тем выявление и фоностилистика интерпретация сегментных и супraseгментных характеристик русской речи, влияющих на характер её эстетического восприятия носителями немецкого языка, не часто

становились предметом специального изучения. Тем не менее исследования в заявленном русле представляются **актуальными**, поскольку в настоящее время существует потребность в определении причин появления негативных или позитивных эмоций у представителей одной лингвокультурной общности в зависимости от интерпретации услышанной ими иностранной речи и идентификации говорящего как принадлежащего к тому или иному этносу, что активизирует определённые стереотипы и вызывает либо симпатию, либо антипатию в отношении него.

В ракурсе изучения оценки произношения немецкого и русского языков больше всего представлены работы, занимающиеся эмоциональностью звучащей речи [см. напр.: 1; 2]. Аудитивный и акустический анализ при оценивании звучащей речи представляет особый исследовательский интерес для Галльской фонетической школы университета им. Мартина Лютера в Галле (Германия) [см. напр.: 9; 10]. Большое исследование разговоров детей на материале немецкого и русского языков предпринято Н.С. Поспеловой, в котором проводится тщательный аудитивный анализ спонтанной речи. Автор привлекает русских и немецких экспертов-фонетистов и составляет каталог оценки просодических признаков спонтанной речи в обоих языках [5].

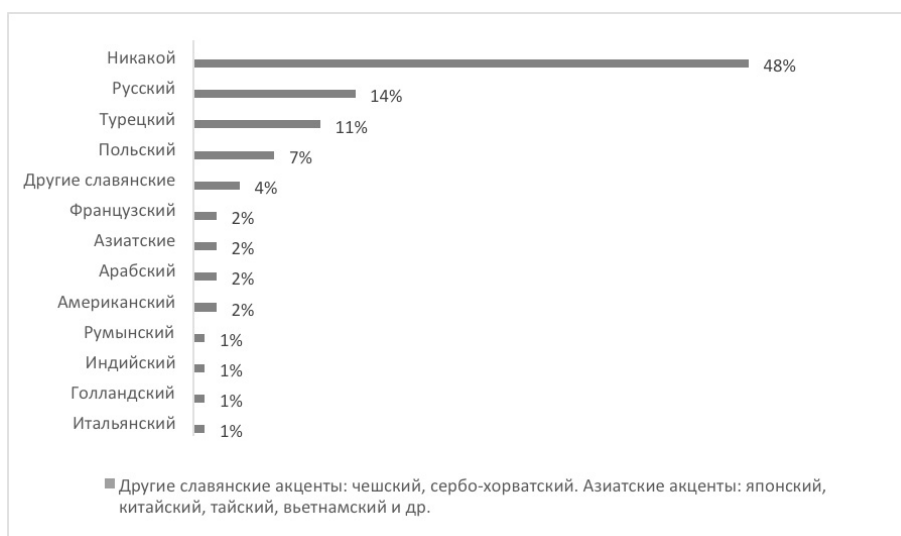
Заслуживает внимания экспериментально-фонетический анализ русской и немецкой речи, проведённый Р.К. Потаповой и В.В. Потаповым. Авторы приходят к выводу, что интегративная картина немецкой звучащей речи по полному праву соответствует представлению о ней как о «стаккато» (в терминологии Ф. Трояна [11]: напряжённое артикулирование, форсированное голосообразование (твёрдый приступ и сильный отступ), толчкообразная динамика слогов, узкий мелодический диапазон, тяготение к монотонности звучания и т.п. Русское же произношение соответствует звучанию «легато»: ненапряжённая артикуляция, нефорсированное голосообразование, расширенный мелодический диапазон, неупорядоченный ритмический рисунок и т.п. [6, с. 208-209].

Среди последних работ в социолингвистическом русле, занимающихся восприятием немцами звучания речи иностранцев, стоит назвать проект «Spracheinstellungen», проведённый Институтом немецкого языка (Мангейм) совместно с кафедрой социальной психологии Мангеймского университета. Мы представляем полученные результаты лишь в графическом виде (Диаграмма 1 и Диаграмма 2), которые свидетельствуют о приписывании немцами русской звучащей речи преимущественно заниженных эстетических качеств по сравнению с другими иностранными языками, представленными в повседневной жизни Германии [8, с. 27-30]:

Диаграмма 1. Результаты обработки ответов на вопрос:
«Какой или какие иностранные акценты Вам нравятся?» (возможно назвать несколько вариантов)

Диаграмма 2. Результаты обработки ответов на вопрос:
«Какой или какие иностранные акценты Вам не нравятся?» (возможно назвать несколько вариантов)

В литературе по исследуемой проблематике отмечается, что исследование данных о параметрах звучащей речи осуществляется в основном инструментальным путём лингвистами-профессионалами, которые опираются на объективные фонетические и фонологические критерии. Такая оценка звучания речи отличается от наивных восприятий её обычными носителями языка [4, с. 39]. Чтобы заполнить эту лауну, в рамках предпринятого исследования мы ставим **цель** – выявить сегментные и супraseгментные признаки русского произношения, вызывающие у обычных носителей немецкого языка чувства симпатии и/или антипатии в отношении эстетики звучания русской речи.

2. Методика и материал исследования

В качестве материала исследования послужили дискуссии на немецкоязычных форумах в 2016-2019 годах, посвящённые восприятию немцами речи на иностранных языках (www.forumla.de, www.bym.de/forum/, www.gutefrage.net, www.ioff.de, <https://www.forum-3dcenter.org/vbulletin/>, de.answers.yahoo.com). В результате сплошной выборки было отобрано 141 высказывание с оценкой звучащей русской речи. На начальном этапе анализа все высказывания были распределены на 2 группы: симпатия и антипатия при восприятии звучания русской речи. Далее в каждой группе были выделены сегментные и супraseгментные признаки русского произношения, которые вызывают у носителей языка эстетические чувства или отсутствие таковых. Третий этап анализа – контекстное изучение зависимости тех или иных сегментных и супraseгментных признаков русского произношения с эстетическим восприятием носителями немецкого языка русского произношения.

3. Результаты и обсуждение

Проведённый анализ высказываний немецких форумчан относительно звучания русского языка в общем и целом подтверждает результаты проекта «Spracheinstellungen», проведённого Институтом немецкого языка совместно с кафедрой социальной психологии Мангеймского университета. Если фонетику русского языка авторы высказываний считают «симпатичной», то язык часто упоминается наряду с другими языками, которые в рейтинге проекта «Spracheinstellungen» занимают первые 8 строчек, например:

- *Rein vom Phonetischen her gefallen mir **Russisch, Italienisch und Gälisch** am besten¹.*

¹ Высказывания приводятся в орфографии и пунктуации их авторов.

- *Französisch, Russisch und Englisch finde ich am schönsten.*
- *Spanisch und russisch sind sehr geil.*

Если носители немецкого языка воспринимают русское произношение как «несимпатичное», то русский язык преимущественно ставится в один ряд с другими языками, которые в рейтинге проекта «Spracheinstellungen» занимают места с 1 по 8, как показывают следующие примеры:

- *Alle skandinavischen Sprachen, Polnisch, Russisch etc: Nix für mich.*
- *Jo ich kann kein russisch oder polnisch oder so hören, da bekomme ich plaque.*
- *Osteuropäische und arabische Sprachen mag ich auch nicht.*
- *Ganz schrecklich finde ich Russisch und Holländisch...*
- *Hässlich finde ich chinesisches weil sich das so abgehakt anhört und slawische sprachen wie russisch und polnisch.*

В некоторых высказываниях отмечается позитивное восприятие русского произношения, но с той оговоркой, что имеется в виду звучание русского языка в песнях, например:

- *Mir gefallen Deutsch, Englisch, Spanisch, Französisch, Griechisch, Isländisch und Russisch (gesungen). Ich meine hierbei nur den Klang.*

Нередки случаи, когда разные немецкие форумчане называют в качестве характерных особенностей русского произношения как позитивные, так и негативные признаки. При этом в их оценке звучания русской речи может наблюдаться склонность оценивающего лица рассматривать её либо как привлекательную, ли как непривлекательную. Это зависит от того, какой произносительный параметр оказывает большее воздействие на эстетический вкус носителя немецкого языка, например:

- *Klingt hart, obwohl viele Konsonanten auch weich gesprochen werden.*
- *Russisch ist sehr hart, aber auch ganz schön.*

В качестве основного фактора, который побуждает немецких форумчан негативно оценивать звучание русской речи, отмечается непривычный для носителей немецкого языка фонетический строй русского языка. Это наглядно показывают следующие примеры:

- *Tschechisch finde ich nicht haesslich, aber anfangs verrenkt man sich dabei den Kiefer. Fuer Polnisch, Russisch, Bulgarisch etc. gilt wohl Aehnliches, die Aussprache ist einfach zu ungewohnt für uns.*
- *Merkwürdige Laute, die es im Deutschen nicht gibt...*

Среди факторов, преимущественно влияющих на негативное восприятие русского языка, немецкие форумчане отмечают наличие в языке звуков, которые отсутствуют в немецкой фонетической системе. В первую очередь это касается дрожащего сонорного [p]:

- *Ich kenn das nur so, dass die immer das R so komisch sprechen.*
- *[Mir gefällt Russisch nicht] vielleicht auch wegen dem rollenden „R“.*

Для имитации русского акцента немцы часто заменяют в своей речи немецкий „R“ во всех позициях на русский дрожащий сонорный [p]:

- *Hört sich bisschen russisch an mit vielen Rrrrrrs und so aber alle finden ihn toll.*

Непривычными для немцев представляются также русский заднеязычный щелевой [x] и гласный [ы], отсутствующий в немецком вокализме. Заднеязычный щелевой [x] становится особенно заметным в русском акценте говорящего на немецком языке в позициях после гласных [e], [и] и согласных [л'], [н'], [й], где, в свою очередь, используется немецкий переднеязычный ich-Laut, например:

- *Wie mache ich einen russischen Akzent? Ausser dem rollenden r, solltest Du das „ch“ anders aussprechen. Z.B.: ich möchte... da sprichst Du „ch“ wie bei dem Wort „Acht“.*

Неблагозвучным представляется немцам скопление согласных, нетипичное для немецкого произношения и сложное для произнесения, как, например, сочетания -рск- и -здр- в нижеприведённом высказывании:

- *Russisch hört sich noch schlimmer an... Krasnojarsk, Novosibirsk, nasdrovje... würg.*

Достаточно широко распространена оценка русского языка как «твёрдого» („hart“), а потому грубого. В форумах обнаружены лишь единичные случаи позитивного восприятия данного признака, например:

- *Russisch ist sehr hart, aber auch ganz schön.*

Большинство же высказываний о твёрдости русского произношения имеет негативную коннотацию, например:

- *Nichts gegen die russische Sprache, aber da kommt mir die Sprache recht rau vor.*

- *wer findet den Russisch schön das ist die schlimmste Sprache von allen eine härtere und Agressivere Sprache gibt es nicht...*

- *Weil Russisch eine „harte“ Aussprache hat.*

- *Russisch klingt mir zu hart.*

У немцев, не владеющих русским языком, создаётся впечатление того, что русские всё время разговаривают друг с другом на повышенных тонах, о чем свидетельствуют многочисленные оценки форумчанами русского звучания как агрессивного, например:

- *Russisch, Polnisch und Türkisch ... klingt irgendwie so, als wenn man immer nur Flucht und spuckt.*

- *Vielleicht weil du kein russisch kannst und die Sprache nicht verstehst, dann hat man finde ich das Gefühl, dass die Menschen über irgendetwas Böses reden und deswegen hört es sich auch gefährlich an oder du hast unbewusst vorurteile gegenüber russen.*

- *Wenn ich Tiere treibe die nicht gehen wollen dann benutze ich die schöne russische Sprache. So in der Richtung hört sich das für mich an.*

Квалификация немцами звучания русской речи как агрессивного объясняется разным характером движения тона в определённых коммуникативных ситуациях. Замечено, что выражение негативных интенций и агрессии в немецкой речи передаётся восходящим движением тона. В русском же языке негативное напряжение говорящих передаётся преимущественно нисходящей мелодией [1, с. 20]. На описываемую разницу в интонационном оформлении агрессивных интенций в немецком и русском языках обращает внимание Н.А. Каск в своём исследовании речи российских актёров, пытающихся изобразить гнев и напряжённость в немецком языке. Отмечается, что для этого актёры прибегают к нисходящему движению тона, как бы они это сделали в русской речи [3, с. 256]. Таким образом, у немецких реципиентов восходящее движение тона в эмоциональной дружеской беседе русскоговорящих собеседников подсознательно интерпретируется как агрессивная коммуникация и создаётся некорректный образ русской речи.

Несмотря на то, что фонетика русского языка в отличие от немецкого произношения изобилует случаями палатализации согласных, немцы тем не менее чаще отмечают твёрдость звучания русской речи. В то же время факт смягчения согласных в русском языке квалифицируется некоторыми форумчанами как чрезмерное и вызывает у них неодобрение. Сравним следующие примеры:

- *Weich gesprochene Sprachen wie Russisch finde ich dagegen vom Klang her schrecklich.*

- *Zu Chinesisch habe ich die gleiche Meinung wie zu Russisch – zu weich.*

Среди форумчан бытует мнение, что русская речь в исполнении женщин звучит привлекательнее, чем из уст мужчин. Звучанию женской речи иногда даже приписывается оттенок сексуальности, например:

- *Wenn eine Russin dagegen anfängt, in ihrer Landessprache zu sprechen, finde ich das rattenscharf! Allein der Akzent, das hat für mich irgendwie etwas raues und verruchtes.*

- *Russisch hmm bei manchen Damen kommts geil, bei vielen anderen auch asozial.*

- *Russisch ist nur sexy, wenn die frau eine feine stimme hat, ansonsten wird's schlimm.*

Следует отметить, что проанализированный корпус примеров позволил также обнаружить суждения форумчан о сексуальном звучании русского языка независимо от гендерного фактора:

- *Ich find russisch auch sexy „puschistik i laska“.*

- *Ich lieeeebbbbee Polnisch und Russisch... Ich mag sie weil sie so sexy klingen und alles so verniedlichst wird. Sie klingen weich und fließend.*

На гендерные различия немецкие форумчане обращают внимание при оценивании высоты тона говорящих на русском языке. В отличие от выше описанных случаев общей сексуальной коннотации говорения русских женщин, высота тона женского голоса подвергается негативной оценке со стороны немцев:

- *Außerdem finde ich die Stimmlage, in der die Sprache vor allem von den Russinnen gesprochen wird, so richtig schlimm. So schrill und hoch, es klingt so nach Huhn.*

- *Alle diese Sprachen aus dem Osten – Polnisch, Rumänisch, Russisch ... für mich einfach schlimm anzuhören – komischerweise haben die Frauen auch so unheimliche Fistelstimmen.*

В немецких интернет-форумах зафиксированы единичные случаи позитивной оценки высокого тона говорящих на русском языке, как в следующем примере:

- *Und die Frauen heben und senken den Ton stärker als die deutschen Frauen, darum hören sie sich viel sinnlicher und charmanter an. Sag ich selbst als Frau.*

Ещё одна характеристика русской речи, на которую обращают внимание немецкие форумчане, это – нечёткое произнесение звуков, например:

- *Es [Russisch] klingt in meinen Ohren, als wenn jemand einen riesigen Klumpen Kaugummi im Mund hat und versucht, zu sprechen.*

- *[Russisch] klingt wie wenn man eine Bohne gurgelt.*

- *Franz ist eleganter, hat eine Melodie. Russisch klingt unsauber und wirkt abgehackt.*

- *[Russisch] hört sich schäbig an.*

- *Slawische Sprachen: grauenvoll, als würden sich die sprechen unter wasser befinden.*

Восприятию немцами звучания русской речи как нечёткого можно найти следующее объяснение. В обоих языках присутствует редукция безударных гласных, ассимиляционные процессы и оглушение звонкого согласного в позиции конца слова. Но как отмечает М.К. Рогова, последнее фонетическое явление в немецком служит сигналом разграничения как слов в высказывании, так и морфем внутри слова [7, с. 20]. Эффект разграничения слов и морфем в немецкой речи усиливается благодаря твёрдому приступу и произнесению глухих взрывных согласных с придыханием. В сумме воздействия перечисленных факторов прослеживаются большие паузы, а вместе с ними и более чёткое разграничение между немецкими морфемами и словами. Отсутствие дополнительных фонетических механизмов разграничения морфем и слов в русской речи вызывает у немецких реципиентов ощущение того, что носители русского языка говорят быстро и невнятно.

Немецкие форумчане обращают внимание на случаи утрированной долготы произнесения русских гласных в определённых коммуникативных ситуациях, что с их точки зрения придаёт русской речи протяжность, которая некоторым немецким реципиентам нравится, например:

- *Alles zieht sich und klingt weich und „genuschelt“...*

Большинство же немецких форумчан расценивают протяжность русской речи как неэстетичное свойство, как в ниже представленных высказываниях:

- *Wenn ich russisch höre denke ich immer an einer kreissäge! Z.b. bei Niiiiiieett oder bleeeeeeeiid.*

- *Harte Aussprache und bei gewissen Wörtern eine Ausdehnung des Wortes, jetzt mal als Beispiel das Wort „nicht“ hört sich in etwa an wie „njeacht“.*

4. Выводы

1) Проведённый анализ высказываний немецких форумчан относительно эстетической стороны звучащей русской речи показал, что немцы, не знакомые с теоретической базой фонетического строя, обращают внимание, в первую очередь, на те произносительные особенности русского языка, которые контрастируют с фонетической базой немецкого языка.

2) На сегментном уровне оценке эстетической стороны звучания русской речи подвергаются переднеязычный дрожащий сонант [р], гласный [ы] и заднеязычный щелевой [х] после гласных [е], [и] и согласных [л'], [н'], [й], поскольку в немецком языке в данной позиции произносится ich-Laut [ç].

3) На супraseгментном уровне эстетическое восприятие русской звучащей речи основывается на противопоставлении восприятия динамики слога: «стаккато» в немецком и «легато» в русском языке. Большая напряжённость речевого аппарата при производстве немецкой речи predisposes немецкоговорящих форумчан к негативному восприятию неупорядоченного ритмического рисунка звучания русской речи.

4) Использование различного рисунка движения тона в дружеской и агрессивной коммуникации побуждает немцев квалифицировать речь русскоговорящих в очевидных ситуациях дружеского общения как конфронтационную коммуникацию.

5) Несмотря на превалирующую общую негативную оценку восприятия русского произношения немецкими форумчанами, встречается достаточное количество примеров, свидетельствующих о позитивном восприятии определённых аспектов звучания русской речи. Очевидно, внеязыковые факторы способствуют тому, что немецкие форумчане дают одним и тем же фонетическим особенностям произношения в русском языке противоположные оценки. В первую очередь это касается степени укоренения у форумчан традиционных немецких стереотипов о России и русских.

6) Установление взаимосвязи стереотипной картины мира в сознании носителей немецкого языка и их оценкой эстетической стороны звучания русской речи может стать предметом дальнейших исследований.

© Шестерина Е.А., 2021

Список литературы

1. Величкова Л. В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи / Л.В. Величкова // Вопросы психолингвистики. 2007. №5. С. 20-27.
2. Глушак В. М. Роль эмоций в структуре речеповеденческих модусов / В.М. Глушак // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 50-57.
3. Каск Н. А. Фонетический портрет солдата вермахта в коммуникативном сознании российского зрителя / Н.А. Каск // Collegium linguisticum: материалы ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 14–15 марта 2019 года. 2019. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 253-261.
4. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках / Т.М. Николаева. М.: Наука, 1969. 286 с.
5. Пospelova С. Н. Аудитивный анализ спонтанной звучащей детской речи с использованием каталога просодических признаков / С.Н. Пospelova // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 88-93.
6. Потапова Р. К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
7. Рогова М. К. Сопоставление фонетических систем немецкого и русского языков / М.К. Рогова // Русский язык за рубежом. 1979. №1(57). С. 18-23.
8. Bose I. Doch da sin ja' nur muster: Kindlicher Sprechausdruck im sozialen Rollenspiel / I. Bose. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. 438 S.
9. Aktuelle Spracheinstellungen in Deutschland: erste Ergebnisse einer bundesweiten Repräsentativumfrage / L.M. Eichinger, A.-K. Gärtig, A. Plewnia u.a. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2009. 63 S.
10. Stock E. Wirkungen des Stimm- und Sprechausdrucks / E. Stock // Sprechwirkung: Grundfragen, Methoden und Ergebnisse ihrer Erforschung. Berlin: Akademie Verlag, 1991. S. 59-142.
11. Trojan F. Biophonetik / F. Trojan. Zürich: Bibliographisches Institut AG, 1975. 264 S.

References

1. Velichkova, L. V. Psikholingvisticheskaia osnova issledovaniia emotsional'nosti zvuchashchei rechi [Psycholinguistic basis for the study of emotionality of sounding speech] / L.V. Velichkova // *Voprosy psikholingvistiki*. 2007. №5. S. 20-27.
2. Glushak, V. M. Rol' emotsii v strukture rechepovedencheskikh modusov / V.M. Glushak [The role of emotion in the structure of speech behavior modus] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2006. № 2. S. 50-57.
3. Nikolaeva, T. M. *Intonatsiia slozhnogo predlozheniia v slavianskikh iazykakh* [Intonation of a complex sentence in Slavic languages] / T.M. Nikolaeva. M.: Nauka, 1969. 286 s.
4. Pospelova, S. N. Auditivny analiz spontannoy zvuchashchei detskoï rechi s ispol'zovaniem kataloga prosodicheskikh priznakov [Auditive analysis of a spontaneous children's speech by means of a catalogue of prosodic features] / S.N. Pospelova // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2018. № 4. S. 88-93.
5. Potapova, R. K., Potapov, V. V. *Iazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality] / R.K. Potapova, V.V. Potapov. M.: Iazyki slavyanskoy kul'tury, 2006. 496 s.
6. Rogova M. K. Sopotavlenie foneticheskikh sistem nemetskogo i russkogo iazykov [Comparation of phonetic systems of German and Russian] / M.K. Rogova // *Russkii iazyk za rubezhom*. 1979. №1(57). S. 18-23.

7. Bose, I. *Doch da sin ja' nur muster: Kindlicher Sprechausdruck im sozialen Rollenspiel* / I. Bose. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. 438 S.
8. *Aktuelle Spracheinstellungen in Deutschland: erste Ergebnisse einer bundesweiten Repräsentativumfrage* / L.M. Eichinger, A.-K. Gärtig, A. Plewnia u.a. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2009. 63 S.
9. Stock, E. Wirkungen des Stimm- und Sprechausdrucks / E. Stock // *Sprechwirkung: Grundfragen, Methoden und Ergebnisse ihrer Erforschung*. Berlin: Akademie Verlag, 1991. S. 59-142.
10. Trojan, F. *Biophonetik* / F. Trojan. Zürich: Bibliographisches Institut AG, 1975. 264 S.

Сведения об авторе:

Шестерина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, культура речи, фонетика немецкого языка, методика преподавания немецкого языка. E-mail: niky.07@mail.ru

About the author:

Elena A. Shesterina – PhD, Assistant Professor of Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, culture of speech, German phonetics, German teaching methodology. E-mail: niky.07@mail.ru

* * *

1st INTERNATIONAL SEMINAR ON LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

Grigory Kazakov

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

On November 30, 2021, the 1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies was held online. The event was organized by the editorial board of the journal *Linguistics & Polyglot Studies* based at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).

The topic of the seminar was the presentation and discussion of the recently published special issue of the journal devoted to different aspects of language teaching and language study in the light of polyglottery (consciously attained individual multilingualism) [1]. The meeting was attended by researchers from Russia, Japan and Ireland. The program of the session included introductory presentations by the editors of the issue, an expert round table and a general discussion.

Dr Tatiana Ivushkina, Academic Editor of *Linguistics & Polyglot Studies* and Chair of Department of English No.3 at MGIMO, gave a talk on “The Making of the MGIMO Linguistics Journal: from Philology to Polyglot Studies”, in which she recounted the history of the language-studies journal at Moscow State Institute of International Relations and highlighted the significance of the transformations that had taken place in it in 2021.

The presentation of the special issue was continued by Dr Grigory Kazakov, who, in his talk “*Linguistics & Polyglot Studies* Special Issue 2021: Background and Contents”, spoke about the background and distinctive features of the materials published in it.

Thus, the issue includes introductory articles, papers of the International Symposium on Language Education, Polyglottery and Geolinguistics (Moscow, 2018), and the transcript of the round table discussion “Polyglottery and Education” – the first of this kind in the world – held as part of the International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery (New York, 2013). The volume features research by contributors from Russia, Japan, Poland and Ireland, and was reviewed by Dr Svetlana Ter-Minasova, Founding President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University.

The special issue has the structure of a monograph and, if considered as a complete text in its own right, is the fifth separate research book in the world devoted to polyglottery. The combination of the first (the polyglot) and the third (the researcher) person perspectives allows one to look at this phenomenon more holistically and, thus, makes a certain contribution to overcoming the fragmentariness in the study of language, in particular to bridging the gap between academic linguistics and practical language expertise, which can be regarded as the ultimate goal of the new journal and polyglottery as a discipline.

Within the framework of the expert discussion, Dr Dina Nikulicheva, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, and Professor at Moscow State Linguistic University,

emphasized the connection between research on polyglottery and modern psycholinguistics, and presented the recently published collective monograph *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)*, which recognizes polyglottery modelling as one of the modern branches of applied psycholinguistics [2, p. 104–105].

Dr Minoru Ohtsuki, Professor of the Faculty of Foreign Languages at Daito Bunka University (Tokyo) and Board member of the Japanese Cognitive Linguistics Association, spoke about the directions of his research, drawing attention to the fact that physical and behavioural aspects of language acquisition and language use are still poorly covered in linguistic works.

Dr Seán Ó Riain, Multilingualism Officer at the Department of Foreign Affairs of Ireland and President of the European Union Esperanto, commented on the latest trends in language policy and language education in Ireland and Europe in general, where Brexit increases the need to learn the languages of continental European countries.

In the course of the ensuing general discussion, the participants exchanged ideas on the non-verbal, cultural and psychological aspects of knowing different languages, as well as on possible forms of further collaboration. Michio Tajima, Associate Professor at Nihon University (Tokyo), noted that when speaking a foreign language, he feels like a different person, which includes changes in the habits of non-verbal communication. His future graduate student Shun Imai explained his interest in polyglottery by the striking contrast between young Western polyglots and the average Japanese, who can hardly speak a single foreign language. Nastasia Britsyna, Lecturer at MGIMO, commented on the connections between polyglottery, the concepts of diversity and inclusion, and the study of cognitive metaphors.

In conclusion, the organizers invited colleagues to actively cooperate with the journal and expressed the hope that this International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies will be the first of many more to come.

References

1. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 4 (special issue). DOI: 10.24833/2410-2423-2021-4-28
2. *Rossiiskaia Psikholingvistika: Itogi i Perspektivy (1966–2021)* [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)] (I. Sternin et al. eds.). Moscow: Institute of Linguistics – Moscow International Academy, 2021. 626 p. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

Grigory Kazakov, PhD, is Executive Secretary of Linguistics & Polyglot Studies and Senior Lecturer at Department of English No.3, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Research interests: language education, polyglottery, psycholinguistics, language and religion, translation of sacred texts, Scouting pedagogy. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

* * *

THE MAKING OF THE MGIMO LINGUISTICS JOURNAL: FROM PHILOLOGY TO POLYGLOT STUDIES

Tatiana Ivushkina

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

I would like to welcome everybody who joined our event today and thank you all for your contribution to our journal.

The conference materials on polyglottery and efficient methods of teaching/learning foreign languages presented at different international conferences speeded up the changes made to our journal not only in terms of its format but its content as well. They helped us find a new niche in research and open new vistas for the development of the journal. This new field – polyglottery – resonates with the aims and goals of our institution, Moscow State Institute of International Relations, which is multinational, multilingual and highly diverse, a real symbol of polyglottery. It trains specialists in the field of international relations, journalism and sociology, economics and business, law and many other disciplines, for international organizations and diplomatic missions. More than 50 foreign languages are taught here, as nowhere else. Languages are a strong side of the educational program and its priority. Our university is seen as the institution where students have a very high level of language skills, and the language professors are more than anywhere else focused on the methodology of teaching/learning languages and, undoubtedly, interested in the phenomenon of polyglottery, which provides us with new methods used by polyglots to enhance the learning and teaching process. Our journal, as we believe, can become a suitable platform for discussions, exchange of ideas and research. It can also become your journal!

The changes made to the journal can also be seen as the result of Russia's signing the Bologna declaration in 2003 and moving to two-tier education in 2007, thus integrating into European educational space in line with the Bologna Process, which means unification of standards, new standards of publications, and visibility and availability of the published materials.

Speaking about *Linguistics & Polyglot Studies*, a new title we have resorted to is to designate a new life and new opportunities for the journal. The making of *Linguistics & Polyglot Studies* has been long: twenty-two years. If we look back on its history, it began in 1999, when it was founded as a collection of articles by professors and graduate students and included research papers under four main thematic headings: linguistics and cross-cultural communication, translation studies, cultural studies and cultural linguistics, and innovative methods of teaching foreign languages. The format was different and the quality of articles was lower as compared with that of the current issues (they did not include abstracts or the English version of metadata). At that time the journal was known as *Philology* or *Philologicheskie Nauki*.

In 2015, a rebranding was carried out: MGIMO, the name of the university, was added to the title, so it came to be published as *Philology at MGIMO*. Up to the present, it has been a journal of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Science and Higher Education (VAK), which means a quality journal with quality articles enabling the candidates publishing their research papers to apply for academic degrees. So, *Linguistics & Polyglot Studies* is the successor of *Philology at MGIMO* and its traditions. This new title, however, coexists with its predecessor, *Philology at MGIMO* (in Russian), which is a marker of MGIMO and the journal which has got its recognition and reputation not only in Russia. We intend to continue the journal's traditions and, at the same time, considerably increase its visibility around the world publishing innovative research papers. This new stage opens with this special issue and the introduction of a new theme into the focus of the journal, the theme of polyglottery.

As for the main sections of the updated journal, they are as follows: linguistics and cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies. We are open for innovative multidisciplinary research papers, and review articles. I should emphasize the fact that we accept articles in 10 languages: Russian, English, German, French, Italian, Spanish, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi. And this is another strong side and advantage of *Linguistics & Polyglot Studies* over other journals.

I would like to reiterate: with the publication of this special issue we have created a scholarly platform for the like-minded people, professionals who can use it for their benefit. I would like you to take this platform as the platform where we can ask and answer questions, suggest topics for discussions and new special issues of the journal, where we could invite our graduate students for presentations, discussions and other events. This platform can be anything we want it to be. You are welcome with your ideas and initiatives!

Tatiana Ivushkina, Doctor of Philology, is Academic Editor of *Linguistics & Polyglot Studies* and Chair of Department of English No.3, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Research interests: sociolinguistics, the language and culture of the upper classes in Great Britain and the USA, stylistics, literature, cultural linguistics. E-mail: tatiana.ivushkina@gmail.com

* * *

COMMENTS ON THE PLACE OF POLYGLOTTERY STUDIES IN RUSSIAN PSYCHOLINGUISTICS

Dina Nikulicheva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia
Moscow State Linguistic University
38 bld. 1, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Dear colleagues, I am glad to welcome everyone present at this seminar and I would like to congratulate Grigory Kazakov and the entire community studying the phenomenon of polyglottery on the creation of a much needed publication – the journal *Linguistics & Polyglot Studies* under the auspices of such a reputable educational institution as MGIMO and the Russian Ministry of Foreign Affairs.

This fact itself testifies to the recognition of the scientific and practical significance of the research in this area that helps to study the psycholinguistic mechanisms underlying the effective acquisition of multiple languages by adult learners and to promote effective teaching of foreign languages.

In my brief speech, I want to emphasize that the psycholinguistic approach to the study of polyglottery has already been recognized by the scientific community in Russia. Articles by Grigory Kazakov and his students, my articles, contributions from talented researchers from other regions of Russia are regularly published in the authoritative Russian edition, *Journal of Psycholinguistics*. We regularly attend and speak at scientific conferences in Russia and abroad. We publish reviews about international conferences and symposia of polyglots.

I am the author of two books on the application of linguistic and psychological strategies of polyglots in the practice of learning foreign languages. Now I am working on my third book that will present a psycholinguistic analysis of the linguodidactic polyglot behaviour in the process of learning new languages based on the joint experiment conducted with a polyglot from Vladikavkaz, Alan Bigulov, “10 Languages in 1,000 Days”.

Today, I would like to share some good news. A landmark book has just been published – a more than 600-page survey of the achievements of Russian psycholinguistics over the past 50 years, under the title *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)*.

This joint study reflects the trends in Russian psycholinguistics from the moment of its inception to the present day. Russian psycholinguistics, which began as a small group of enthusiasts around Alexey Leontiev, currently unites numerous scientific schools and centres, many of which are recognized by the international community for both theoretical and applied contributions.

This collective research work presents an overview of the history and achievements of psycholinguistics in Russia. Each section and the appendix are supplemented with the corresponding bibliography of leading Russian psycholinguists, their main books, manuals and doctoral dissertations defended in the field of psycholinguistics.

In the first part of the book, which is devoted to an overview of major trends in Russian psycholinguistics, our topic “Psycholinguistic modelling of polyglottery” was covered in section 1.5 “Directions of modern Russian psycholinguistics as a consequence of the expansion of the subject area of research” [1, p. 97–107].

I am sure that the new journal, *Linguistics & Polyglot Studies*, and this special issue will further increase public awareness of and interest in the mechanisms of individual conscious multilingualism achieved in adult life, and will serve to strengthen international scientific ties between researchers working on this issue.

References

1. *Rossiiskaia Psikholingvistika: Itogi i Perspektivy (1966–2021)* [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)] (I. Sternin et al. eds.). Moscow: Institute of Linguistics – Moscow International Academy, 2021. 626 p. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3

Dina Nikulicheva, Doctor of Philology, is Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, and Professor at Moscow State Linguistic University. Research interests: Danish linguistics, Scandinavian languages, Germanic studies, contrastive linguistics, translation theory, psycholinguistics, polyglottery, language learning. E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

* * *

LATEST TRENDS IN MULTILINGUALISM, LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE EDUCATION IN IRELAND AND IN EUROPE

Seán Ó Riain

Department of Foreign Affairs of Ireland
76-78 Harcourt Street, Dublin 2, Ireland

My renewed thanks to Professor Grigory Kazakov for this opportunity to take part in your important discussion today.

To introduce myself: I have just been appointed Multilingualism Officer in the Irish Diplomatic service, with a mandate to increase the motivation of all Irish diplomats to learn, and more importantly to use, other languages. I have been a diplomat for over 40 years, serving in Austria twice, Australia, Poland, Germany and the EU in Brussels. My PhD thesis, at Trinity College Dublin, was on *Language Policy in Ireland and Québec*.

The creation of my new post can be seen as a consequence of Brexit. Following Brexit, of the population of 450 million in the 27 EU countries, only 1% are now native speakers of English. The situation has a number of consequences:

a. The language which is currently dominant in the EU institutions (i.e. English) has to be learned by 99% of the citizens of EU countries.

b. The discussion of languages and language policy has been given a new impetus in many EU countries. For instance, the French Presidency of the EU has made strengthening multilingualism, and resisting the dominance of English only, into one of its priorities. In addition, our “Multilingualism Accelerator” proposal, on the use of short courses of Esperanto to improve language learning in general, has now become the most popular proposal in the entire Conference on the Future of Europe! There have been over 11,500 citizens’ proposals so far, and it is thought worthy that the most popular of all proposals concerns languages. I do not claim that the EU is about to adopt Esperanto, of course, but there is certainly an increased openness to considering Esperanto objectively, which already is huge progress. So many decisions in the past were based on prejudice against what people called “artificial languages”. In reality, all languages are to some extent artificial – they do not grow on trees! And much of the scientific vocabulary in languages such as Hungarian and Hebrew is actually younger than its equivalent in Esperanto.

c. The Irish Foreign Ministry reacted to Brexit in many ways. One of them was by creating a new position of “Multilingualism Officer”, and there has been increased discussion in Ireland on the need to learn more languages. The Irish Foreign Ministry has produced a new *Foreign Languages Policy*, which allows colleagues to study a language during hours of work.

My own work at present concentrates on a number of languages seen as particularly useful from an Irish point of view (initially the languages of our neighbours: French, German, Spanish and Portuguese).

Since Brexit, France has become Ireland's closest EU neighbour – regular sea links have increased from 12 to 44. The language traditionally studied in Irish secondary schools has been French, but Spanish has been growing in importance.

The vocabulary of Esperanto is closest to the vocabulary of French, so it is an ideal stepping stone for native English speakers who wish to learn French. To some extent Esperanto is “French without the difficulties” – no irregular verbs, masculine and feminine nouns, or nasal and other vowel sounds not present in English.

There are also important links between Esperanto and Russian. The initiator of Esperanto, Dr Ludwig Zamenhof, became a doctor at the University of Moscow, and was a fluent speaker of Russian. He incorporated some features of Slavic languages in Esperanto: e.g. Esperanto has a word *sia*, the equivalent of the Russian word *свой*, meaning “his own” or “her own”. Sentences such as “Jack asked Bill to wash his car” are ambiguous in Western European languages, but not in Russian, and not in Esperanto.

In conclusion, it can be noted that, as one of the consequences of Brexit, multilingualism and language policy are gaining in importance within the Irish diplomatic service, and to some extent in the EU diplomatic community.

Seán Ó Riain, PhD, is Multilingualism Officer at the Department of Foreign Affairs of Ireland. Research interests: language policy, language education, planned languages, sociolinguistics, Irish, Esperanto.
E-mail: sean.oriain@dfa.ie

* * *

SOME IDEAS ON DIVERSITY, INCLUSION AND METAPHORIZATION IN POLYGLOT STUDIES

Nastasia Britsyna

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Dear colleagues and guests, it is a great pleasure to be invited to this seminar, especially in the capacity of a MGIMO faculty member. It seems that the venue could not be more apt, given the multilingual environment of our university, which has been honoured for many decades.

To begin with, the global-minded and digitally driven world with its ever-expanding human migration is bringing high expectations for academia in search for helpful solutions and, hence, new-found emphases in sciences. Polyglottery, in particular, is given fresh impetus, which logically stems from where the international community is heading. Never have the concepts of diversity and inclusion been as relevant as they are today: abundant cultural backgrounds are being united in the framework of international organizations, social movements and businesses. Essentially, these concepts are emerging in the fundamental papers of global organizations (such as manifold UN agendas) and corporate mission statements of large and small companies. This invigorates interest in multilingualism as a field which truly embodies the two said concepts being “inclusive” and “diverse” by nature. This interest cannot be explained only by the practical value of mastering different languages for business purposes, though it is definitely a powerful factor. Another significant force at work is a complex cultural fabric that weaves together countries across the globe (a consequence of globalization), and it is multilingualism that enables a richer cultural experience and deeper understanding of cultures given the experiential and cognitive nature of every language.

The seminar provides a platform to discuss the main subject areas for fruitful research in polyglottery. For my part, I would like to emphasize metaphors in their cognitive-linguistic dimension. With a powerful burst of scientific interest in cognitive sciences, polyglottery now has the opportunity to greatly benefit from the field. For instance, it could enrich modern studies with more data on how human brain operates information and arranges it in its “conceptualizing systems”, “maps of reality”, “conceptual worldviews”, “mental spaces”, etc., depending on the theory we choose. I must highlight that the language of science itself is very metaphorical: prime examples can be found even in the most unambiguous terms such as those of natural sciences. For instance, biologists and medical doctors systematically use metaphors when they refer to “the nasal *bridge*”, “a macrophage stretching its *arms*”, “anatomy *trains*” and “*astrocytes*”.

In this regard, I would like to reiterate the point that has already been made by Professor Minoru Ohtsuki: in many cases, there is no other way to express these ideas except for a metaphorical one. This leads us to the conclusion that metaphors become something more than just tools that make our perception of complex and abstract objects/phenomena easier. We see that in some cases they are the only option we can think of. Thus, polyglottery is an intriguing window on linguistic patterns that might shine

a light on how humans establish connections between referents which in reality are not connected at all. Various methods of metaphorical analysis in multiple languages, of different families, could elucidate or at least bring us closer to the complex issues of collecting and storing linguistic data. In a sense, analyzing metaphors is a new sort of linguistic data “mining” that enables one to extract primary mechanisms by which our multifaceted world is represented. This, in its turn, can facilitate NLP studies (by this I mean natural language processing, with no reference to neuro-linguistic programming) and related domains of human knowledge.

Another point that should be given thoughtful consideration is student engagement. Building young scholar networks is definitely conducive to the advance of science as it promises brand new perspectives and empowers young talents. The latter deserves special attention: any “unusual” contact with the language (not being part of ordinary class activities) fosters student awareness and interest. As scientific tasks are characterized by a heuristic element, they are way out of the “usual” and monotonous. Discoveries and conclusions that young scholars could share with each other may create a more positive state of mind by eliminating perceived barriers in language acquisition. Independent thinking and dealing with languages could boost the learner’s confidence as research gives them more sense of control over the language tools they can unpick, break down and then assemble in a unique way to produce successful communication. This, in turn, might result in better performance in the classroom and beyond. That is why I am so happy to see Professor Michio Tajima’s future graduate student who decided to join this meeting, potentially signaling the start of greater youth involvement.

In that spirit, the seminar seems to be a fertile ground for cooperation among those who show deep commitment to language science, language learning and language acquisition. Polyglot studies can truly equip us with more effective communication and education strategies as well as allow us to look through the kaleidoscope of cultures and cognitive patterns and thus to better understand ourselves.

Nastasia Britsyna, MA in Linguistics, is Lecturer at Department of English No.3, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Research interests: cognitive linguistics, conceptual metaphors, discourse analysis, media discourse, academic discourse, semantic analysis, pragmatics. E-mail: nast.britsyna@mail.ru

* * *

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2021 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аверина А.В.

Синтаксис и семантика модальных слов в немецком языке. Том 7, № 1 (25)

Алимова Р.Р., Яковлева В.В.

Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе. Том 7, № 5 (29)

Бадаева Н.В.

Метафора персонификации в экономическом дискурсе СМИ (на примере немецкоязычных масс-медиа). Том 7, № 2 (26)

Веревкин В.Ю.

Коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата в немецкой деловой корреспонденции. Том 7, № 2 (26)

Гаврилов А.Д.

Экспрессивные восклицательные конструкции в позиции сетевого газетного заголовка (на материале русского, чувашского и английского языков). Том 7, № 3 (27)

Глушак В.М.

Реализация квалификационных структур в немецком языке посредством относительных прилагательных и композитов. Том 7, № 5 (29)

Гончаренко Е.С.

Ритмообразующий, функционально-прагматический потенциал и имманентность повторов в современном испанском языке. Том 7, № 5 (29)

Гузикова В.В., Нестерова В.Е.

Заголовки газет как средство лингвистического моделирования образа полиции. Том 7, № 2 (26)

Гуревич Д.Л.

Соотношение грамматического и семантического параметров у глаголов изменения состояния в португальском языке. Том 7, № 2 (26)

Давлетшина Н.В.

Стилистические особенности дипломатических текстов на чешском языке. Том 7, № 1 (25)

Зимина Е.А., Мюллер Ю.А.

Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы. Том 7, № 1 (25)

Корецкая О.В.

О некоторых политических эвфемизмах в эпоху постправды (на примере английского языка). Том 7, № 3 (27)

Кукина Н.В.

Способы классификации аббревиатур-документонимов (на материале современного немецкого языка). Том 7, № 1 (25)

Куликова О.В.

Медийное мифотворчество в антропоцентрическом измерении (на материале англоязычного общественно-политического дискурса). Том 7, № 2 (26)

Малахова В.Л.

Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике. Том 7, № 3 (27)

Матвеев М.О., Нистратов А.А., Поликарпов Д.Н., Тарасов Е.Ф.

Смысловое восприятие креолизованного текста. Том 7, № 1 (25)

Меркурьева Н.Ю.

Прагматический маркер I праг в ранненовоанглийский период. Том 7, № 3 (27)

Меркурьева Н.Ю.

Прагматический маркер I праг в среднеанглийских письменных памятниках. Том 7, № 2 (26)

Михалчева А.В.

О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы. Том 7, № 1 (25)

Мурашова Л.П.

Особенности актуализации периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма "WOMAN". Том 7, № 1 (25)

Панич Н.В.

Дискурсивные характеристики МООК-лекции как разновидности дистантной лекции в академическом интернет-дискурсе. Том 7, № 2 (26)

Принципалова О.В.

Модель имиджа в немецком языке: опыт дефиниционного анализа. Том 7, № 1 (25)

Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю.

Американские президенты и политические деятели в рифмованном сленге. Том 7, № 2 (26)

Тунницкая Л.Н., Хомякова Н.П.

Профессиональное эссе в области права как вид дискурса: аргументативный аспект. Том 7, № 2 (26)

Хоссейни А.А., Кахнамуи Т. Хакрах

Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности в русских восклицательных предложениях. Том 7, № 5 (29)

Черкунова М.В., Пономаренко Е.В.

Динамические свойства аннотаций к англоязычным произведениям художественной литературы. Том 7, № 2 (26)

Чурсева О.А.

К вопросу о минимальной единице театрального текста. Том 7, № 1 (25)

Шарафутдинова Н.С.

Функционально-стилистические типы специальной лексики в научно-технических текстах (на материале авиационной лексики английского и немецкого языков). Том 7, № 5 (29)

Шубина Э.Л., Клиенкова И.Б.

Семантика и синтаксис квантитативных групп в немецком языке. Том 7, № 2 (26)

Эстири М., Торкашванд Х.

Семантические компоненты предлога «через» в сочетании с разными локусами и способы его выражения в персидском языке. Том 7, № 3 (27)

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Алимова А.Д.

О случаях введения несобственно-прямой речи в текст русского перевода при отсутствии соответствующих структур в английском оригинале. Том 7, № 5 (29)

Багиров А.М.

Образность в переводах газели Низами «Амаде Буд» («Пришла») на азербайджанский и русский языки. Том 7, № 5 (29)

Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е.

Интерпретационный фактор в переводе: методический аспект. Том 7, № 1 (25)

Резвани В.

Сопоставление особенностей перевода юридических текстов на базе русского и персидского языков. Том 7, № 1 (25)

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Багиян А.Ю., Ширяева Т.А.

Роль языка в формировании профессиональной идентичности: лингводидактический аспект. Том 7, № 1 (25)

Дианина Н.Н., Колосовская М.А., Лисова Е.А., Сергейчева Н.А.

Опыт создания профессионально ориентированных материалов для обучения английскому языку юристов-международников. Том 7, № 5 (29)

Елизарьева М.А., Александрова И.В.

Сравнительно-сопоставительный подход при обучении немецкому языку как второму иностранному на базе чешского как первого иностранного языка (на примере предложного управления глаголов). Том 7, № 1 (25)

Меркиш Н.Е.

Моделирование культурно-языковой среды как фактор подготовки специалистов к межкультурной коммуникации. Том 7, № 2 (26)

Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Егорова Ж.Д., Беликов В.В.

Определение качества иноязычного образования посредством оценки перевода культурно-маркированной лексики. Том 7, № 5 (29)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Воронцова И.С.

Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: лингвопрагматический аспект. Том 7, № 2 (26)

Grínina E., Románova G.

El Español andino de Perú a través de los cuentos populares: enfoque psicolinguocultural. Том 7, № 3 (27)

Дубовицкая М.А.

Триада «концепт – образ – мотив» в англо-арабской литературе. Том 7, № 3 (27)

Жукова П.А.

Семантическое разнообразие гастрономических фразеологизмов португальского языка. Том 7, № 2 (26)

Закурдаева Н.В.

Фрактальность как основополагающий принцип организации стихотворений -«памятников». Том 7, № 3 (27)

Ивушкина Т.А.

Английский и американский джентльмен в диаде «хозяин–дворецкий» романа Kazuo Ishiguro *The Remains of The Day*. Том 7, № 2 (26)

Маллаева З.М., Халидова Р.Ш.

Этноспецифика концептуализации времени в дагестанских языках. Том 7, № 2 (26)

Мамедова В.Н.

К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков). Том 7, № 1 (25)

Мухин С.В., Ефремова Д.А.

Негативнооценочная лексика как средство критики русских реалий XVI века в трактате Джэйлса Флетчера «О Государстве Русском». Том 7, № 3 (27)

Райнхардт Р.О.

«Мексиканский дивертимент» Иосифа Бродского: лингвокультурологический анализ. Том 7, № 3 (27)

Сейед Агаи Резаи М.Х.

Роль метонимического переноса в образовании выражений, связанных с понятием «СМЕРТЬ»: на материале русского и персидского языков. Том 7, № 1 (25)

Smirnova, I.

Conceptos pueblo y poder en el discurso electoral ruso y español. Том 7, № 3 (27)

Тарасова М.В.

Деонтология французской журналистики в современном политическом контексте. Том 7, № 3 (27)

Тресорукова И.В.

Темпоральная ирреальность в греческой фразеологии. Том 7, № 2 (26)

Шестерина Е.А.

Представления немцев об эстетике звучания русской речи (на материале немецких интернет-форумов). Том 7, № 5 (29)

РЕЦЕНЗИИ

Чигашева М.А.

Рецензия на «Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта». Том 7, № 3 (27)

SPECIAL ISSUE

Artyomov A.

Methodological and cross-cultural aspects of foreign language acquisition by reference to Russian and British textbooks. Том 7, № 4 (28)

Editorial

Memorandum of the International Symposium on Language Education, Polyglottery and Geolinguistics (Moscow, August 27–28, 2018). Том 7, № 4 (28)

Editorial

Round table discussion on polyglottery and education (New York, 2013). Tom 7, № 4 (28)

Hinc J., Mampe J., Jarosz A.

Academic tutoring as a form of personalized language education: a project and practice at the University of Gdańsk (Poland). Tom 7, № 4 (28)

Kawamura C.

Greeting address. Tom 7, № 4 (28)

Kazakov G.

Developments in language education, polyglottery and geolinguistics. Tom 7, № 4 (28)

Kazakov G.

Language education: problems and possible solutions. Tom 7, № 4 (28)

Kitabayashi H.

Greeting address. Tom 7, № 4 (28)

Kitabayashi H.

Learning Japanese: observations from a lifelong experience. Tom 7, № 4 (28)

Kulakov S.

What polyglots talk about: transcribing the round table discussion on polyglottery and education held in New York City, 2013. Tom 7, № 4 (28)

Leonteva V.

Russian language education in Germany. Tom 7, № 4 (28)

Makarov A.

Developing oral speech skills according to the Polyglot Gathering 2018 data. Tom 7, № 4 (28)

Nikulicheva D.

Polyglots' multisensory language learning behaviour and its application in teaching languages. Tom 7, № 4 (28)

Ó Riain S.

Greeting address. Tom 7, № 4 (28)

Ohtsuki M.

Language and thinking: a contrastive characterization of English, French, German and Russian, with its application to language pedagogy. Tom 7, № 4 (28)

Ter-Minasova S.

Review of Linguistics & Polyglot Studies, Vol. 7, No. 4 (Special Issue 2021). Tom 7, № 4 (28)

CONFERENCE REVIEW

Kazakov G.

1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies. Tom 7, № 5 (29)

Ivushkina T.

The making of the MGIMO linguistics journal: from philology to polyglot studies. Tom 7, № 5 (29)

Nikulicheva D.

Comments on the place of polyglottery studies in Russian psycholinguistics. Tom 7, № 5 (29)

Ó Riain S.

Latest trends in multilingualism, language policy and language education in Ireland and in Europe. Tom 7, № 5 (29)

Britsyna N.

Some ideas on diversity, inclusion and metaphorization in polyglot studies. Tom 7, № 5 (29)